

Жик. Дубровскій.

Официальная наука

66

Царствъ Польскомъ.

(Варшавскій Университетъ по личнымъ
воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ).

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Swiat 72
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Съверъ», Садовая, 60.
1908.

23.155

Назначеніе Варшавскаго Университета.

«Что-бы ни ожидало Варшавскій Университетъ впереди и какія единичныя уклоненія ни сказывались бы подчасъ въ его измѣчивой средѣ, въ общемъ онъ останется вѣренъ своему высокому призванію—быть какъ-бы маякомъ, послѣдовательно освѣщающимъ то западъ, то востокъ, чтобы ходячіе въ пространствѣ его освѣщенія могли различать пути прямые отъ кривыхъ и истину отъ лжи, какъ во мракѣ прошедшаго, такъ въ тревоженіяхъ настоящаго и въ отдаленіи будущаго». Такъ опредѣлялъ назначеніе русскаго университета въ Царствѣ Польскомъ А. С. Будиловичъ въ рѣчи, произнесенной имъ на «торжественномъ актѣ» 30 августа 1889 года. Эту же мысль болѣе ясно и просто выразилъ въ 1869 году при открытіи Варшавскаго Университета Лавровскій въ такой лирической формѣ: «Наука, святая наука! Ты не подчиняешься мелкимъ человѣческимъ страстямъ, не поддаешься и крупнымъ явленіямъ вражды между народами, любовно обнимаешь ты въ себѣ и собою всѣхъ и все; каждый предметъ и каждое явленіе имѣютъ для тебя смыслъ объекта, въ которомъ ищешь ты одной правды». Переведите эту лирику на болѣе человѣческій языкъ и вы поймете, что хотѣлъ сказать Лавровскій. Польская Главная Школа разгромлена. На развалинахъ ея созданъ русскій Университетъ. Но «наука» въ данномъ случаѣ не при чемъ. Горестные вопросы о языкѣ, о правѣ на національную школу, обо всѣхъ мукахъ и страданіяхъ поляковъ, благую вѣсть о которыхъ несетъ русскій университетъ, все это—вопросы въ сферѣ «мелкихъ человѣческихъ страстей» или «крупныхъ явленій вражды между народами», а потому пусть «святая наука» *любовно* обнимаетъ и ваши слезы и наши восторги, и ваши жертвы и наше торжество и насиліе надъ вами и нашу «просвѣтительную» работу. Таковъ, мнѣ кажется, истинный смыслъ торжественной рѣчи Лавровскаго. Въ рѣчи проф. Симоненко, произнесенной

имъ на актѣ въ 1874 г., я нахожу прямое подтвержденіе этому. Совершенно въ духѣ рѣчей Кузьмы Пруткова онъ сказалъ тогда: «Будемъ надѣяться, что нашъ университетъ окажетъ молодому поколѣнію здѣшняго края дѣйствительное содѣйствіе его благимъ стремленіямъ, что онъ дастъ ему запасъ положительныхъ знаній, съ которыми новыя поколѣнія станутъ преслѣдовать положительные интересы, а не обманчивые призраки фантазіи, за которыми гонятся отживающіе поколѣнія и народы». Не трудно догадаться, что проф. Симоненко называлъ «призраками фантазіи». Въ разрушеніи этихъ «призраковъ» несомнѣнно и видѣлъ Симоненко назначеніе Варшавскаго университета, храма «святой науки», о которой съ такимъ подазрительнымъ паэосомъ говорилъ въ 1869 г. Лавровскій. Что я не ошибаюсь въ данномъ случаѣ, лучше всего видно изъ того, какъ Варш. Унив. понималъ «благія стремленія» и «положительные интересы» польской молодежи, о которыхъ говорится въ рѣчи Симоненко. Одно временно съ Симоненко произнесъ рѣчь и тогдашній ректоръ Университета Н. М. Благовѣщенскій. Вотъ въ этой рѣчи мы и находимъ разъясненіе и благихъ стремленій и положительныхъ интересовъ молодого поколѣнія. Заявивъ, что русскіе представители, «святой науки» въ Варшавѣ нуждаются въ «ободрительномъ сочувствіи» главнаго начальника края для облегченія имъ ихъ «нелегкаго подвига», ректоръ затѣмъ объявилъ: «Варшавскій университетъ усиленно стремится выполнить свою высокую миссію» *). На одинъ изъ результатовъ этой высокой миссіи онъ и указалъ, сказавъ далѣе: «нельзя не обратить вниманія на замѣтные успѣхи нашихъ студентовъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ знаніи русскаго языка. Многихъ изъ нихъ очень трудно отличить въ этомъ отношеніи отъ лицъ чисто русскаго происхожденія». Едва-ли можно сомнѣваться, что въ этомъ именно и выразились по убѣжденію Благовѣщенскаго, Симоненко и другихъ создателей духа Варшавскаго Университета, «благія стремленія» и «положительныя интересы». Иначе къ чему было указывать на успѣхи студентовъ въ знаніи русскаго языка? Развѣ «святая наука» возможна только на русскомъ языкѣ? Развѣ назначеніе храма «святой науки» заключается въ «высокой миссіи» распространенія русскаго языка? Можетъ-ли въ данномъ случаѣ быть рѣчь о какомъ-то цѣломудренномъ чувствѣ любви къ русскому яз.? Не проще-ли и не справедливѣе-ли во всемъ этомъ видѣть опредѣленный комплексъ чувствъ, бьющихся въ груди всякаго идеолога и

*) Тутъ-же говорится о «служеніи Варш. Ун-та общерусскому дѣлу».

служителя официальной Россіи? Недаромъ-же въ 1879 г. тотъ-же Н. М. Благовѣщенскій публично высказалъ надежды ученой корпораціи, во главѣ которой онъ стоялъ, такимъ образомъ: «Университетъ употребилъ всѣ усилія для того, чтобы заслужить такое-же довѣріе (какъ со стороны бывш. попечителя округа) со стороны и новаго своего начальника, котораго онъ имѣетъ честь привѣтствовать въ торжественномъ своемъ собраніи». Этотъ начальникъ былъ знаменитый гаситель свѣта, какъ-бы самими стихіями созданный разсѣивать всякіе «обманчивые призраки», А. А. Апухтинъ. Недаромъ тотъ-же самый Будиловичъ, которому принадлежитъ приведенное въ началѣ этой статьи опредѣленіе назначенія Варшавскаго Университета, недаромъ и онъ торжествовалъ, когда варварская система Апухтина дала свои плоды. На годичномъ актѣ въ 1889 г., на томъ самомъ актѣ, на которомъ онъ такъ темно говорилъ о «высокомъ призваніи» Варшавскаго Университета, Будиловичъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія констатировалъ: «Съ постепеннымъ усиленіемъ однородности личнаго состава Университетъ получаетъ все большую внутреннюю устойчивость и силу противодѣйствія переменчивымъ вліяніямъ мѣстной среды» *). Недаромъ, наконецъ, ректоръ университета въ рѣчи, произнесенной 30 Августа 1890 г., рекомендуя только что назначеннаго профессора русской исторіи И. П. Филевича, въ числѣ главныхъ качествъ, дѣлавшихъ этого «ученаго» достойнымъ каѳедры, назвалъ и *патріотизмъ*. Онъ говорилъ: «Получивъ образованіе въ одной изъ гимназій Варшавскаго Округа, г-нъ Филевичъ уже съ юныхъ лѣтъ имѣлъ возможность ознакомиться съ условіями общественной и народной жизни здѣшняго края... Сочиненіе г. Филевича, какъ и всѣ предшествовавшіе его труды проникнуто живымъ патріотическимъ чувствомъ». Знакомство съ условіями общественной и народной жизни «здѣшняго края» съ одной стороны и патріотическое чувство да еще «живое» съ другой—это, какъ извѣстно, и есть то, что требуется ото всякаго истинно-рускаго дѣятеля на окраинѣ. Вотъ это то качество и считается представителемъ университета особенно характернымъ для человѣка науки, той «святой науки», о которой такъ красно-рѣчиво и восторженно говорилъ нѣкогда тотъ-же самый ректоръ. Какъ видите, «святая наука» Варшавскаго Университета довольно «любовно» и беззащѣнно «обнимала» и радость по поводу «усиленія однородности личнаго состава» и

*) Это значить, что поляки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе устранились отъ права занимать каѳедры въ Варш. Унив.

вражду къ «обманчивымъ призракамъ», и «миссію» распро-
страненія русскаго языка, и надежды на «довѣріе и «ободри-
тельное сочувствіе» главнаго начальника края и Апухтина.
Все это хорошо обобщаетъ профессоръ Вульфъ въ своей
статѣ, напечатанной 24 сент. 1905 г. въ газетѣ «Сынъ Оте-
чества». Это онъ называетъ «политикой обрусенія, прово-
дившейся съ неумолимою прямолинейностью». «Руссифика-
торскія тенденціи—пишетъ онъ еще—вселили въ молодежи
и въ обществѣ глубокую непримиримую ненависть и затаен-
ную борьбу... Къ преподавательскому персоналу, какъ къ
проводнику обрусительной политики, установилось со сто-
роны студенчества совершенно отрицательное отношеніе, и
профессора, заслужившіе себѣ симпатію молодежи, считаются
единицами... Вакантныя каѳедры, по уходѣ талантливыхъ
профессоровъ-поляковъ, очень часто замѣщались людьми, съ
наукою имѣвшими мало общаго, державшими высоко вовсе
не ея знамя, а знамя крайней руссификаціи». «На отсутствіе
дѣйствительной духовной связи между польскими слушате-
лями и профессорами» Варшавскаго Университета указы-
вается и въ извѣстной книгѣ: «Очередные вопросы въ Царствѣ
Польскомъ» (Спб., 1902 г.) «До послѣдняго времени,—чи-
таемъ мы тутъ: «до послѣдняго времени эту связь поддер-
живали профессора-поляки, которые, однако, сошли или кон-
чаютъ сходить со сцены. Ихъ замѣняютъ только русскими,
ибо политическій интересъ даже въ университетѣ взялъ у
насъ верхъ надъ научнымъ. Если каѳедра такого рода, что
ее трудно замѣстить русскимъ, то она хотя-бы цѣлый рядъ
лѣтъ пустуетъ» (т. I, стр. 245—246). Иначе и не могло быть,
такъ какъ власти дѣлали все, чтобы въ Варшавскомъ Уни-
верситетѣ царилъ духъ руссификаціи. Не безъ вліянія са-
мого Университета, на примѣръ, была представлена 17 марта
1885 г. въ комитетъ миинистровъ записка генераль-губерна-
тора Гурко, въ которой говорилось о необходимости при-
влеченія въ Варшавскій Университетъ русскихъ профессо-
ровъ и притомъ только «благонадежныхъ», такъ какъ только
они, утверждала записка, могутъ быть проводниками направ-
ленія въ духѣ общегосударственныхъ интересовъ. Въ без-
корыстное патріотическое рвеніе этихъ «благонадежныхъ»
не вѣрили и сами власти, и вотъ, конечно, почему въ той-
же самой запискѣ предлагалось прибѣгнуть къ такому важ-
ному средству привлеченія въ храмъ науки проводниковъ
истиннорусскаго духа, какъ служебныя привилегіи и повы-
шеніе жалованья. И они, эти бланонадежные, эти ученые
патріоты, эти «проводники», эти «просвѣтители», приходили,
смѣшиваясь съ толпою уже царившихъ «представителей

науки въ истиннорусскомъ духѣ», и «служили» и «проводили» и «просвѣщали» вызывая отвращеніе, презрѣніе и негодованіе, величаво глотая свой позоръ часто безъ всякаго стыда, бросая тѣнь вообще на русскую науку, вообще на русскихъ людей, вообще на Россію, которую они такъ «любили», за «достоинство» которой такъ «оскорблялись». Любопытно, что сама высшая администрація такого рвенія отъ «благонадежныхъ» «патріотовъ» въ области народнаго просвѣщенія не ожидала и должна была въ концѣ концовъ признаться, что заставъ извѣстнаго сорта человѣка молиться, онъ и голову въ слѣпомъ усердіи готовъ разбить. Такъ, напр., въ «Очеркахъ Привислянъ», написанныхъ въ 1897 г., однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ бывшему Варшавскому генералъ-губернатору Гурко лицъ, прямо указывается на то, что необходимо измѣнить существующее направленіе людей, руководящихъ дѣломъ просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, и что для этого надо было-бы замѣнить ихъ «другими, свѣжими людьми».

Что могла дать эта система? Если значеніе университета представители его видѣли къ руссификаціи, то какъ могли руссифицировать люди, не обладавшіе ни талантомъ, ни силою вліянія, ни силою нравственнаго авторитета? Съ другой стороны, можно-ли было руссифицировать молодежь, которая питалась соками высокоразвитой культуры, молодежь, сердцемъ, умомъ, всею силою любви и идеализма привязанную къ этой культурѣ, къ почвѣ, которая ее вскормила и вспоила, къ воспоминаніямъ, дорогимъ, какъ завѣщаніе матери, къ надеждамъ, жгучимъ и волнующимъ, какъ первое вѣяніе любви, какъ жажда воли и жизни? Не слишкомъ-ли смѣло, не слишкомъ-ли даже смѣшно и глупо было думать, что съ вліяніемъ окружающей высококультурной атмосферы, съ вліяніемъ блестящихъ, талантливыхъ, нерѣдко глубокихъ и тонкихъ представителей родной польской литературы, журналистики, науки можетъ конкурировать вліяніе людей, все достоинство которыхъ могло состоять лишь въ „живомъ патріотическомъ чувствѣ“, въ благонадежности и т. п., которые, какъ громко объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія, нерѣдко представляли собою въ научномъ смыслѣ рядъ блестящихъ ничтожествъ. Но если университетъ главную свою цѣль видѣлъ въ просвѣщеніи, если значеніе его должно было опредѣляться значеніемъ науки, то спрашивается, къ чему была эта система руссификаціи, къ чему былъ весь этотъ «патріотизмъ», весь этотъ затхлый націонализмъ. Не обращало-ли все это университетъ въ нѣчто совершенно ненужное, не отвѣчающее ни интересамъ

польскаго, ни интересамъ русскаго общества? Въ самомъ дѣлѣ, какія и чьи потребности удовлетворялъ Варшавскій Университетъ? Въ какой степени онъ удовлетворялъ ихъ? Языкъ цифръ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ очень краснорѣчиво. „Школа Главная“ существовала всего только 7 лѣтъ (съ 1862 по 1869 г.), а Университетъ существуетъ уже 37 лѣтъ. Число слушателей „Школы Главной“ за 5 лѣтъ возросло съ 728 до 1302 (въ 1867 г.) упавъ въ 1868 г. съ этой послѣдней цифры до 1151, такъ какъ надъ этимъ чисто польскомъ учебнымъ заведеніемъ висѣла уже въ перспективѣ „русская реформа“. Съ открытіемъ же русскаго Университета число его слушателей стало быстро падать вплоть до 1877—78 академическаго года: въ 1870/1 г. число студентовъ въ Варшавскомъ Университетѣ = 1020, въ 1871/72 = 823, въ 1872/73 = 720, въ 1873/74 = 651, въ 1874/75 = 530, въ 1875/76 = 467, въ 1876/77 = 445. Спрашивается, удовлетворялъ-ли Университетъ потребности мѣстнаго населенія въ образованіи. Очевидно, нѣтъ, такъ какъ населеніе, какъ показываютъ приведенныя цифры, отъ Университета стало отворачиваться рѣшительно, несмотря на то, что въ немъ и обрѣтались представители „святой науки“, которые должны были своимъ „живымъ патріотизмомъ“ совершить чудеса. Съ теченіемъ лѣтъ число студентовъ, правда, возрастаетъ, но это объясняется тѣмъ, что представители русскаго правительства всякаго рода льготами и привилегіями стали привлекать въ Варшавскій Университетъ русскую молодежь изъ семинаристовъ, которымъ доступъ, въ виду чисто политическихъ соображеній, былъ открытъ въ Варшавскій Университетъ, а также тѣмъ, что русское населеніе въ Царствѣ Польскомъ, т. е., значить, русское чиновничество, въ исполненіе Божьей заповѣди, плодилось и множилось. Возрастаетъ, правда, число и поляковъ-слушателей, но и это ничего рѣшительно не говоритъ противъ нашего утвержденія. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставьте слѣдующія данныя: въ 1904—1905 академ. году въ Варшавскомъ Университетѣ, по свидѣтельству „Списка студентовъ Имп. Варш. Унив.“ (стр. 208), было 1485 слушателей, изъ нихъ 1100 поляковъ, 246 русскихъ и 39 другихъ вѣроисповѣд. и національн. Число поляковъ въ 1904—1905 году въ Варш. Ун. меньше числа поляковъ въ Главной Школѣ въ 1868—69 г., а между тѣмъ населеніе Царства Польскаго съ тѣхъ поръ увеличилось съ 5¹/₂ мил. до 11 почти миллионъ, какъ на это указываетъ проф. Askenazy въ статьѣ о Варш. Университетѣ, напечатанной въ журналѣ „Biblioteka Warszawska“ (май 1905 г.), въ свое время произведшей въ университетской

средѣ впечатлѣніе горькой истины. Очевидное дѣло, что потребность въ высшемъ образованіи съ 1869 года должна было возрасти, а между тѣмъ удовлетворяеть-ли эту потребность Варшавскій Университетъ? Почему число слушателей не поднялось въ немъ въ соотвѣтствіи росту населенія и потребности въ образованіи? Почему въ Галиціи, которая съ Царствомъ Польскомъ ни въ какое сравненіе не идетъ, въ то-же самое время, наоборотъ, число слушателей постоянно возрастаетъ и въ Львовскомъ и въ Ягеллонскомъ Университетѣ? Ясно, что Варш. Ун. не удовлетворялъ и въ малой степени потребность въ высшемъ образованіи кореннаго преобладающаго населенія Царства Польскаго. Ясно, что въ Варшавскомъ Университетѣ было нѣчто такое, что заставляло отъ него отварачиваться это коренное населеніе. Это „нѣчто“ и необходимо было устранить, хотя бы и пришлось для этого отказаться даже отъ „живого патріотизма“, потому что, все равно, руссификація цѣли не достигала и не могла достигнуть, а русскому обществу вовсе не такъ уже дорого, чтобы „патріоты“ непременно именовались профессорами, занимали каѳедры, шумѣли объ любви къ отечеству и національной гордости и въ концѣ-концовъ просто по-просту коптели небо. Интерессы русской молодежи? Русская молодежь, строго говоря, въ Варшавскій Университетъ не шла. Русскій элементъ въ варшавскомъ студенчествѣ былъ созданъ или искусственно (семинаристы) или образовался совершенно случайно (по причинамъ, которыя далеко не важнѣе причинъ, требовавшихъ коренной реформы университета). И дѣйствительно, въ Варшавѣ за 37 лѣтъ существованія русскаго Университета число русскихъ студентовъ никогда выше 246 не было, между тѣмъ въ среднемъ на каждый изъ русскихъ университетовъ по даннымъ, относящимся къ 1903 г., приходится около 1700 слушателей. Если-бы имѣлись въ виду интересы этихъ 246 русскихъ студентовъ, если-бъ только для нихъ долженъ былъ существовать русскій университетъ, то почему же быть ему только въ Варшавѣ, почему не открыть такой-же русскій университетъ ну хотя бы въ Парижѣ, Верлинѣ, вездѣ, гдѣ можетъ найтись даже болѣе 246 русскихъ студентовъ, почему не быть русскому университету и на Кавказѣ, гдѣ не меньше „русскаго населенія“, нежели въ Царствѣ Польскомъ. Но къ чему лицемѣрить? Не интересы русскаго общества преслѣдовалъ русскій университетъ въ Варшавѣ. Не потребности русскаго общества удовлетворяетъ онъ, какъ не удовлетворяетъ онъ и потребностей польскаго общества. У него были свои потребности, свои интересы.

Во имя этих то потребностей и интересов отвлеченного „патриотизма“, дѣтской національной гордости совершенно непроизводительно тратились и тратятся народныя деньги, унижалась наука, оскорблялось чувство такого культурнаго народа, какъ поляки, позорилось имя русскаго человѣка, въ жертву невѣжеству и ученому мракобѣсію приносились блага культуры и просвѣщенія. Университетъ какъ-бы смѣялся надъ словами Александра II: „Не позволяя ни себѣ ни кому-бы то ни было превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію“. Выше интересовъ науки, выше реальныхъ интересовъ просвѣщенія и культуры, выше элементарной идеи, вложенной въ только-что приведенныя слова Александра II, университетъ ставилъ отвлеченную идею необходимости раздаваться русскому „патриотическому“ слову хотя-бы въ безвоздушномъ пространствѣ. Все приносилось въ жертву интересамъ мелкаго бюрократическаго болотца, никакаго рѣшительно отношенія не только къ истинно-научному настроенію, но и къ сколько-нибудь здравой, хотя-бы самой патриотической, но хоть сколько-нибудь умной политикѣ, не имѣющаго. Чувствую, какое негодование наполняетъ при этихъ словахъ „патриотовъ“ изъ Варшавскаго Университета.

II.

Вступительныя лекціи.

По окончаніи курса гимназіи я могъ по многимъ причинамъ поступить только въ Варшавскій Университетъ. Приѣхавъ въ Варшаву, я съ нетерпѣніемъ ждалъ дня начала лекцій. Наконецъ этотъ день насталъ. Я всталъ очень рано и пришелъ въ Университетъ задолго до 12 часовъ, когда намъ, только что поступившимъ въ Университетъ студентамъ, было сказано явиться къ ректору. Наконецъ то я увидѣлъ шумную, веселую и бодрую толпу студентовъ, „старыхъ“ студентовъ, къ которымъ новичокъ въ большинствѣ случаевъ относится съ особеннымъ вниманіемъ. Къ одному изъ этихъ студентовъ, особенно почему-то меня привлекавшему я подошелъ и обратился къ нему съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касавшихся профессоровъ, университетскихъ порядковъ, студенчества. Студентъ былъ полякъ, и на первый мой вопросъ отвѣтилъ, что не понимаетъ меня: онъ не же-

лалъ понимать русской рѣчи. Я былъ смущенъ и обиженъ. Увидѣвъ, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня, Р. вдругъ подошелъ ко мнѣ, взялъ мою руку и сталъ извиняться, что онъ, быть можетъ, сдѣлалъ мнѣ больно. „По тому, какъ вы отнеслись къ моему нежеланію говорить по-русски, я вижу, что вы только что пріѣхали въ Варшаву и что вы не знаете, каковы русско-польскія отношенія здѣсь“, сказалъ онъ. Очень горячо онъ сталъ объяснять мнѣ, почему поляки принуждены иногда не понимать русской рѣчи, онъ нарисовалъ мнѣ яркую картину тѣхъ порядковъ, какіе господствуютъ въ гимназіяхъ Варшавскаго Учебнаго Округа, съ горечью и съ озлобленіемъ говорилъ онъ о тѣхъ вопіющихъ обидахъ, которыя приходится переживать въ этихъ очагахъ руссификаціи молодому польскому сердцу, съ болью излагалъ мнѣ грустную повѣсть о страданіяхъ, какія приходится испытывать вообще польскому народу. Становилось и грустно, и стыдно и обидно за русскихъ. Я до сихъ поръ помню это мучительное чувство безотчетнаго стыда, пережитое мною тогда впервые. То же, что Р. рассказалъ о Варшавскомъ Университетѣ, приводило въ отчаяніе. Онъ былъ студентомъ 3-го курса юридическаго факультета и прекрасно былъ знакомъ и съ профессорами и съ университетскими порядками, и съ историко-филологическимъ факультетомъ, на который я только-что поступилъ. Въ его характеристикѣ варшавскаго храма науки прошли передо мною карикатурныя личности, Молчалины, образцовые чиновники, прошелъ во весь свой ростъ духъ специфическаго „русскаго“ „патріотизма“.

Къ часу вновь поступившіе студенты собрались, кажется, въ залѣ совѣта Университета. Въ гимназіи у меня создалось представленіе, что человѣкъ ученый даже по внѣшнему своему виду отличается отъ остальныхъ людей, и что рѣчь профессора—особенная рѣчь. Сразу отрѣшиться отъ этой идеализаціи „магистровъ и докторовъ“—было невозможно и я, какъ ни мрачно было настроеніе послѣ бесѣды съ Р., все-таки съ волненіемъ ждалъ появленія ректора. Скоро къ намъ вышелъ очень красивый мужчина, изящно поклонился намъ и обратился къ намъ съ рѣчью. Это былъ ректоръ. Мы очень внимательно слушали его, еще внимательно же смотрѣли на него,—и были глубоко разочарованы. Въ моей душѣ поднялось чувство горечи и отчаянной скуки. Уже одинъ видъ ученаго человѣка, напяливаго на себя форменную казенную „пару“, отталкивалъ. Въ этомъ почтительномъ уваженіи человѣка науки къ чиновничьей формѣ, казалось, есть что-то унизительное, отъ чего исчезаетъ сіяніе науки. Форма сближала ректора въ моемъ умѣ съ моими гимназическими

учителями, сбрасывала его въ моихъ глазахъ съ прекрасныхъ высотъ научнаго Олимпа въ безличную и пришибленную массу чиновниковъ Министерства Просвѣщенія. И какъ-гармонировала съ этимъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ его рѣчь! Ректоръ говорилъ объ „обязанностяхъ добропорядочныхъ студентовъ“, о необходимости исполнять „правила“, не нарушать формы, обо всемъ, что миліонъ разъ всякій гимназистъ слышалъ и слышитъ изъ устъ представителей внутренней гимназической полиціи. Казалось, гимназія продолжается и подъ этими сводами храма науки. „Да поможетъ вамъ Богъ, да будетъ ваше пребываніе въ стѣнахъ нашего университета счастливо“,—съ аффектаціей закончилъ ректоръ свою рѣчь. Ни одного слова, способнаго оправдать тѣ ожиданія и надежды, съ которыми молодежь идетъ въ университетъ. Моей идеализаціи „людей науки“ былъ нанесенъ первый ударъ. Я уже открывалъ въ идеализированномъ мною мірѣ слѣды земной суеты, рабства, лжи и фарисейства. Въ душѣ моей открывался болѣзненный процессъ отрезвленія. Вполнѣ однако я еще не сознавалъ, что процессъ этотъ начавшись будетъ развиваться до своихъ естественныхъ предѣловъ. Я думалъ: ректоръ говорилъ чепуху, ненужное, но въ этотъ моментъ вѣдь челоуѣка науки еще не было. „Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ“... такъ вѣдь и ученый. Я надѣялся еще, что аудиторіи—мѣста священной жертвы, къ которой призываетъ наука. Правда, слова студента Р. еще звучатъ въ моихъ ушахъ, какъ бы смѣясь надъ этими надеждами, но, а можетъ быть...—думалъ я.

Получивъ въ инспекціи матрикулу и „правила“, которыми я долженъ былъ руководствоваться, какъ студентъ, ставъ такимъ образомъ полноправнымъ гражданиномъ Варшавскаго Университета, я прежде всего поспѣшилъ узнать, какихъ профессоровъ и какіе предметы мнѣ придется слушать. Оказалось, что первый и второй курсы историко-филологическаго факультета — должны совмѣстно прослушать: психологію, объясненія *Memorabilia* Ксенофонта и рѣчей оратора Лисія, объясненія сочиненія Тацита, исторію русской литературы второй половины XVII и первой половины XVIII в., высшую грамматику русскаго языка, исторію нѣмецкой литературы, этнографію славянъ, исторію среднихъ вѣковъ и русскую исторію—древній періодъ. Кромѣ того, каждую недѣлю мы должны были заниматься переводами съ русск. яз. на греческій и латинскій яз., практическими упражненіями по церковно-славянск. яз. и такими же практическими упражненіями въ чешскомъ и словацкомъ яз. Всѣ эти курсы были обяза-

тельны и помимо ихъ мы уже ничего не могли бы получить. Каждый профессоръ въ Варшавскомъ Университетѣ — единственный представитель данной научной дисциплины, соперниковъ въ видѣ привать-доцентовъ у него нѣтъ, — и онъ буквально блаженствуетъ. Институтъ привать-доцентовъ не былъ введенъ въ Варшавскій Унив. по чисто политическимъ соображеніямъ: въ свое время официально было заявлено, что въ противномъ бы случаѣ въ Варш. Унив. появилось много ученыхъ—поляковъ, и аудиторіи русскихъ профессоровъ опустѣли *). Но избавляя руссификацію отъ всякихъ „пренятствій“, эти «виды» въ то же время ставили русскихъ профессоровъ въ положеніе, ни къ чему ихъ въ научномъ смыслѣ не обязывающее. Конечно, всякій профессоръ долженъ дать все, что только онъ можетъ дать, долженъ развивать всю свою энергію, долженъ въ самомъ себѣ находить источникъ вдохновенія и импульсы все къ большему и большему совершенствованію: въ этомъ заключается призваніе человѣка науки, только въ этомъ поднимающая и электризующая сила науки. Къ чему же еще искусственныя средства возбужденія вродѣ параллельныхъ курсовъ? Да, оно такъ,—такъ должно было бы быть. Но на самомъ дѣлѣ бываетъ далеко не такъ. Большинство Варшавскихъ, по крайней мѣрѣ, профессоровъ представляетъ собою живое подтвержденіе этого. Оно и понятно. Много-ли профессоровъ, въ своей дѣятельности видящихъ нѣчто обязывающее къ постоянному развитію, находящихъ въ своей дѣятельности наслажденіе, ничего, кромѣ нея, и не желающихъ? Не представляетъ-ли огромное большинство ихъ чиновниковъ, стремящихся двигаться по лѣстницѣ служебныхъ отличій отъ магистерской степени къ докторской, отъ докторской ко всякаго рода инымъ «знакамъ вниманія»? Одинъ уже тотъ фактъ, что напр., въ Варшавскомъ Университетѣ почти каждый профессоръ постоянно глядитъ съ завистью и вождельніями наверхъ, на ступени, гдѣ обрѣтаются званія ректора, попечителя и проч., одинъ уже этотъ фактъ не является-ли характернымъ для человѣка, въ наукѣ видящаго лишь «службу». Естественно, что такого рода «чиновникъ отъ науки», увидѣвъ вокругъ себя китайскія стѣны, ограждающія его ото всякой «конкуренціи», обязывающія во что-бы то ни стало слушать только его, дѣлающія его единственнымъ источникомъ свѣта, свѣта, отъ котораго никуда не убѣжишь, хотя бы это былъ свѣтъ чадающей лампы или сальной свѣчи,—

*) См. Сборн. постановл. Министер. Просвѣщ. XI (1895) № 120. Упомянутая статья проф. Askenazi.

не убѣжишь, такъ какъ вокругъ тебя насильственно создана пустыня, безконечная пустыня, въ которой даже сальная свѣча въ концѣ концовъ все-таки кое-какъ и кое-что освѣщаетъ,—естественно, говорю я, что такой чиновникъ за этими китайскими стѣнами въ концѣ-концовъ сложить руки и, позѣвывая и умирая отъ ничегонедѣланія, будетъ съ нетерпѣньемъ ждть блаженнаго мгновенія, когда колесо фортуны вынесетъ его на вершину, уподобитъ грудь его, по выраженію К. Прутковъ, «небу, усѣянному звѣздами». Разумѣется, дѣло въ концѣ-концовъ не въ томъ, чтобы такого рода привилегированныхъ „ученыхъ“ заставить работать. Пусть себѣ, махнувъ рукою на науку, мечтательно глядятъ за кулисы, гдѣ находятся всѣ винтики и пружины, производящіе всякаго рода перемѣны на служебной сценѣ, — но зачѣмъ ставить молодежь въ положеніе, въ которомъ она должна, воспринимая слабый свѣтъ, отравлять свои легкія копотью и чадомъ, положеніе, изъ котораго почти нѣтъ выхода? Итакъ, я долженъ былъ въ первый же день своего вступленія въ университетъ убѣдиться, что кругъ моихъ умственныхъ интересовъ долженъ замкнуться въ опредѣленные рамки, предназначенныя даннымъ росписаніемъ лекцій. Выбирать нечего, идти некуда. Впрочемъ зачѣмъ выбирать и куда то идти? Можетъ быть, все будетъ настолько хорошо, увлекательно, интересно, что жалѣть не придется. Какъ видите, я былъ одушевленъ все-таки розовыми надеждами, я вѣрилъ и хотѣлъ вѣрить, что моя идеализація людей науки не сплошная иллюзія. Со страстнымъ ожиданіемъ чего то для меня новаго, буквально съ біеніемъ сердца пришелъ я на первую лекцію. Слушателей собралось не болѣе 20 человѣкъ. Открывался курсъ этнографіи славянъ. Скоро въ аудиторію явился профессоръ *), пожилой уже человѣкъ, съ бѣгающими глазами, съ ухватками и манерами крадущейся кошки, оглядывающей по сторонамъ со страхомъ, точно въ сознаніи какой то вины или преступленія. Сѣвъ на каѳедрѣ и развернувъ тетрадь, уже повидимому много лѣтъ служившую ему вѣрой и правдой, профессоръ заговорилъ, заговорилъ какъ то хлюпая, глотая слюну, дергая рукою свою бородку и тараща глаза. Онъ и читалъ и говорилъ: сперва прочтетъ про себя, а затѣмъ поднявъ голову произнесетъ громко. Это выходило очень смѣшно: голова то опускалась внизъ, то поднималась и такъ цѣлый часъ опускается и поднимается, опускается и поднимается,—точно передъ тобою игрушечный человѣкъ съ

*) Это былъ знаменитый въ лѣтописяхъ истинно-русскихъ людей Кулаковскій, вполсѣдств. редакц. Правит. Вѣстн.

качающейся головою. Вся лекція только въ этомъ дерганьи головы и состояла. Что собою представляетъ этнографія вообще? Каковы методы и задачи этой серьезной научной дисциплины? Что такое этнографія славянъ? Какими матеріалами ученый пользуется, какія стороны будутъ выдвинуты, ни на одинъ изъ этихъ и многихъ другихъ не менѣ существенныхъ вопросовъ профессоръ никакого отвѣта не далъ. Лекція представляла собою просто наборъ словъ, сумбуръ понятій, припахивающихъ разлагающимся трупомъ славянофильства. Ничего подобнаго я и представить себѣ не могъ. Но удивительное дѣло: послѣ лекціи я долго думалъ о ней и, несмотря на всѣ ея изъяны, бросавшіеся въ глаза даже мнѣ, только что ностунившему въ университетъ студенту, несмотря на всю ея вопіющую, совершенно для меня очевидную тогда наивность и ненаучность, несмотря на все это, я поборолъ въ себѣ это первое впечатлѣніе и постарался убѣдить себя, что во 1-хъ я, вѣроятно, не совсѣмъ хорошо понялъ лекцію и что во 2-хъ, одна лекція ничего не доказываетъ. Какъ сильно было во мнѣ желаніе найти то, о чемъ я такъ мечталъ въ гимназіи! Профессоръ, заканчивая свою вступительную лекцію, просилъ студентовъ не стѣсняясь обращаться къ нему за книгами и съ вопросами. Совершивъ надъ собою описанную операцію, подавившую во мнѣ впечатлѣніе отъ первой его лекціи, я и поспѣшилъ сейчасъ же воспользоваться его предложеніемъ. Съ твердымъ намѣреніемъ заняться славянской этнографіей добросовѣстно, я обратился къ профессору съ просьбой указать мнѣ книги, которыя могли бы меня ввести въ предметъ. Профессоръ попросилъ меня зайти къ нему вечеромъ на домъ. Въ указанный часъ я былъ уже у него. Впервые въ жизни мнѣ довелось говорить съ „профессоромъ“! Я ждалъ многого. Но оказалось, что «человѣкъ науки» былъ неизмѣримо ниже даже тѣхъ скромныхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ еще гимназистомъ, людей не отмѣченныхъ никакимъ ярлыкомъ, ни о какой каѳедрѣ никогда не мечтавшихъ, тѣмъ не менѣ цѣлой головой стоящихъ выше вотъ этого жреца науки. „Юноша“, говорилъ „человѣкъ науки“ съ напускною важностью: „передъ вами тяжелый путь! да, ну-съ, вотъ работать, — это хорошо. Но вы русской и православный? Какъ это важно русскому человѣку заниматься славянствомъ! Да, особенно живя среди поляковъ! Любовь къ родинѣ, къ своему, уваженіе, да! Итакъ, вы думаете работать?“ Важный видъ, подъ которымъ я не могъ не открыть что-то лицемѣрное, фарисейское, несвязная рѣчь, въ которой я не могъ не прочесть „о любви къ отечеству и народной гордости“. жесты

и взгляды, въ которыхъ было что-то неестественное и отталкивающее—все это производило удручающее впечатлѣніе. Къ тому же „докторъ“ оказался глубоко необразованнымъ человѣкомъ. Что такое этнографія вообще и этнографія славянъ въ частности? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мною же самимъ поставленный, я указывалъ на то, что этнографія, строго говоря, сводится къ социологіи, что этнографія отъ исторіи въ этомъ смыслѣ отличается лишь объектомъ, а не задачами и цѣлями изученія. Этнографія, говорилъ я далѣе, должна рѣшить проблему, связанную съ вопросами о происхожденіи семьи, брака, общественныхъ союзовъ, государства, общины, поэзіи, искусства. Славянская этнографія равнымъ образомъ должна ставить передъ собою такого-же рода задачи и, если допустить, что можетъ существовать отдѣльная такая научная дисциплина—славянская этнографія, то отъ этнографіи вообще она можетъ отличаться лишь тѣмъ, что ограничивается наблюденіями надъ только славянскимъ матеріаломъ. Я уже зналъ такія имена, какъ Морганъ, Лавеллэ, Баховенъ, Ковалевскій *) и то, что съ ними связано въ этнологіи, и, какъ ни скудны и безвязны были эти знанія, тѣмъ не менѣе я могъ вполне возгордиться ими: мой профессоръ ни въ вопросахъ, мною отмѣченныхъ, ни въ упомянутыхъ моихъ знаніяхъ совершенно не разбирался. Вытаращивъ глаза, онъ глядѣлъ на меня какъ то испуганно и какъ то неестественно улыбался—такъ, какъ обыкновенно улыбаются дѣти, пойманныя съ украденнымъ въ рукахъ кускомъ сахара, смущенныя и виновныя. Конечно, можно было не соглашаться съ моимъ пониманіемъ, я могъ ошибаться, — но не понимать даже ностановки вопроса, не имѣть абсолютно никакого понятія о социологической точкѣ зрѣнія, ничего не умѣть сказать объ исторіи семьи, собственности, государства, общины, рѣшительно ничего не знать изъ теорій о происхожденіи и развитіи поэзіи и искусства!? Докторъ! Профессоръ, читающій спеціальныи курсъ славянской этнографіи! Наука!

Первый день моего пребыванія въ университетѣ и начался и закончился вступительной лекціей славянскаго этнографа. На слѣдующій день открывалъ курсъ профессоръ русской литературы. Со страхомъ перешагнувъ я порогъ аудиторіи, въ которой онъ долженъ былъ прочитать свою первую лекцію: было страшно и думать, что и этотъ профессоръ можетъ оказаться не выше курьезнаго этнографа, а думать это можно было хотя бы уже потому, что студенты,

*) Упоминаю именно тѣ, съ которыми только я тогда былъ знакомъ.

уже его слушавшіе, безъ смѣха не могли говорить о немъ. Одни его сравнивали съ мокрой курицей, другіе рассказывали, что онъ не обладаетъ членораздѣльной рѣчью, третьи говорили, что онъ напоминаетъ собою анекдотическихъ профессоровъ 50-хъ годовъ. Поинтио, мы, только что поступившіе студенты, такъ и впились въ него глазами, когда онъ появился въ аудиторіи, медленно и боязливо шагая, какъ то болѣзненно охая и апатично бросая на насъ свой утомленный взглядъ. „Вы изъ какой гимназіи, а вы, а тотъ, а тотъ? Да, такъ!.. мало... мало васъ“, говорилъ профессоръ медленно, не слушая ни себя, ни отвѣтовъ на свои вопросы. Затѣмъ онъ сталъ говорить о томъ, что „вотъ... э... э... вотъ... литература изучаться можетъ научно только болѣе или менѣе отдаленныхъ временъ... да, вотъ... вотъ...“ и такъ цѣлый часъ безъ смысла и толка. Профессоръ не только никакимъ даромъ изложенія, никакими педагогическими способностями не обладалъ, но и ничего новаго намъ сказать не сумѣлъ. Все, что онъ говорилъ длинно и монотонно, все это было извѣстно давнымъ давно, успѣло набить оскомину, возбуждало скуку. Эта первая лекція исторіи русской литературы напоминала скучныя и безжизненные страницы изъ гимназическаго учебника—никакой попытки поставить вопросъ хоть сколько-нибудь широко, никакого представленія о задачахъ историко-литературнаго изслѣдованія, какъ ихъ понимали хотя бы наиболѣе доступные даже студенту изслѣдователи. Насколько выше, интереснѣе, шире этого „ученаго“ профессора былъ мой гимназическій преподаватель русской литературы! Я еще въ гимназіи научился искать въ исторіи литературы науку, пытающуюся понять литературныя явленія въ связи со всѣми „культурными теченіями эпохи“, вскрывающую нити, которыми тѣ или иные продукты творчества приводятся въ связь съ „міровоззрѣніемъ“ даннаго историческаго момента, изслѣдующую законы развитія литературныхъ формъ, явленій и отражающей въ нихъ психологію творчества. Уже тогда я научился цѣнить такихъ историковъ литературы, какъ Тѣнь, Гетнеръ, Овсяннико-Куликовскій, Шаховъ! Я имѣлъ право ожидать отъ университетскаго преподавателя углубленія этой точки зрѣнія и этихъ вопросовъ. Я имѣлъ право желать даже большаго. А между тѣмъ вмѣсто всего этого, лекція профессора С., скучная, блѣдная, точно листъ, вырванный изъ ветхой тетради какого-нибудь невѣдомаго профессора доисторическихъ временъ. И смѣясь, и негодуя, уже очень хорошо понимая, что „храмъ науки“ можетъ быть обиталищемъ бездарности и стараго хлама, послѣ лекціи по исторіи русской литературы я перешелъ въ аудиторію, гдѣ долженъ былъ

прочестъ свою вступительную лекцію лекторъ русскаго языка Михайловъ. Лекціи по русскому языку въ Варшавскомъ университетѣ обязательны для студентовъ всѣхъ факультетовъ, подобно богословію въ другихъ университетахъ. Насъ—иовичковъ, только что пріѣхавшихъ въ Варшаву, это удивило. Почему всѣ должны слушать русскій языкъ? Какой смыслъ въ этомъ? Студенты-поляки искренно смѣялись надъ нашею наивностью. „Видите ли въ чемъ дѣло,—объяснялъ одинъ изъ нихъ: необходимо, чтобы студенты-поляки были болѣе русскими, чѣмъ это бываетъ на самомъ дѣлѣ, необходимо руссифицировать ихъ... Кромѣ того, наука, излагаемая не чистымъ русскимъ языкомъ, развѣ наука?.. Вотъ насъ и обяывають слушать русскій языкъ. Правда, никто его не слушаетъ... Аудиторія лектора пустуетъ... Цѣлыми мѣсяцами онъ иногда и рта не развѣваетъ, пока не появится какой нибудь благодѣтельный русскій студентъ, который въ патріотическомъ усердіи рѣшится поддержать лектора русскаго языка... Но зато принципъ, видите-ли, престижъ, fiat justitia, хотя господинъ лекторъ за это и получаетъ чуть ли не 2500 руб... Да, 2500 руб. за полицейскія обязанности, за патріотическія... понимаете ли, за подвигъ патріотически украшать университетъ въ качествѣ символа торжества русскаго языка и въ то-же время, конечно, сознавать, что никому ты не нуженъ, всѣмъ ты совершенно бесполезенъ... а впрочемъ, нашъ любезный лекторъ сознаетъ ли это?“ Дѣйствительно, на лекцію сошлось не болѣе 20—30 человекъ и то просто любопытныхъ посмотрѣть, что за птица это такая, столь героически взявшая на себя обязанность символизировать господство русскаго языка. На кафедрѣ скоро появился человекъ, въ высшей степени странный, смѣшной и въ то-же время обнаруживавшій немилосердныя усилія казаться очень, очень ученымъ, имнонирующимъ, грознымъ и страшнымъ. Лекцію свою о „студентахъ-шатунахъ“ онъ въ буквальномъ смыслѣ пролаялъ. Лекція должна была изображать душевный подъемъ лектора, волны, которыя подымаются въ немъ, восторгъ идеалиста и негодование человека, ненавидящаго тьму. Напыщенно, выбрасывая слюну, кривляясь точно отъ рѣзи въ желудкѣ, онъ призывалъ насъ къ работѣ. Невольно чувствовалось, что бѣдный лекторъ боится за будущее своего „курса“, что не разъ уже пришлось ему испытать всю горечь профессора, попавшаго въ торричелеву пустоту, и что теперь хоть „идеализмомъ“ хочеть разукрасить свою лавочку. Когда звонокъ прозвонилъ и лекторъ оставилъ аудиторію, многіе громко расхохотались. Была барабанная трескотня, были всякія ужимки и гримасы, былъ не то вой, не то идеализмъ—не хохотать нельзя было,

тѣмъ болѣе, что было очевидно, какъ эта несчастная жертва русскаго языка увѣрена въ своей неотразимости и побѣдѣ. Слѣдующія лекціи по греческой и римской словесности оказались тѣмъ же, что и вышеописанныя. Профессоръ, приступившій къ объясненію *Memorabilia*, къ удивленію нашему, оказался духовной особой, протоіереемъ. Лекцію свою онъ началъ тонкимъ фальцетомъ съ біографіи Ксенофонта. Все, что онъ сообщилъ намъ въ этой лекціи, можно было найти въ любомъ школьномъ учебникѣ. Чего-нибудь новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что мы вынесли изъ гимназіи, онъ не сообщилъ. Одинъ изъ студентовъ 2-го курса, слушавшаго лекцію совмѣстно съ первымъ, даже кое-что вставилъ въ лекцію профессора, который и воспользовался этимъ, очевидно, новымъ для него матеріаломъ. Правда, онъ сначала не соглашался съ упомянутой вставкой, автора ея онъ опровергалъ, доказывая, что ничего подобнаго о Ксенофонтѣ неизвѣстно, но студентъ неопровержимо доказалъ справедливость своихъ словъ, сославшись на какое то изслѣдованіе, названія котораго я теперь не помню. Я былъ пораженъ: студентъ 2-го курса поучаетъ профессора! Профессоръ, неумѣющій подняться выше преподавателя средне-учебнаго заведенія! Профессоръ, пережевывающій по старой, желтой и сальной тетради все то, что можно найти въ пособияхъ, которыми мы пользовались еще въ гимназіи! Не комедія ли вся эта университетская наука, если она не идетъ дальше учебниковъ средней школы, если у нея нѣтъ крыльевъ подняться выше элементарныхъ знаній?! Еще настойчивѣе эти вопросы вторгались въ мою душу на первой лекціи того же профессора, посвященной практическимъ занятіямъ, состоявшимъ въ переводахъ съ русскаго языка на греческій. Самъ профессоръ почти каждую минуту ошибался. Мы бы его ошибокъ, вѣроятно, и не замѣтили, если бы среди насъ не было того же студента 2-го курса М., который раза два—три указывалъ профессору на его ошибки. „Итакъ, господа“, заявлялъ профессоръ: „здѣсь необходима такая то форма“.—„Но, профессоръ, кажется, это будетъ ошибка“, замѣчалъ студентъ и подносилъ профессору книгу, въ которой указывалъ на соответствующее грамматическое правило. Профессоръ посмотритъ, помолчитъ, подумаетъ, посмотритъ еще разъ и скажетъ: „да, можно и такъ.—Итакъ, господа, воспользуемся формой, предлагаемой студентомъ М., такъ какъ, очевидно, она вамъ болѣе извѣстна“.—„А развѣ можно и иначе“, не успокаивался студентъ М. Профессоръ притворялся, что не слышалъ этого лукаваго вопроса, и благополучно переходилъ къ дальнѣйшему. Что можно было почувствовать послѣ такой

лекціи, кромѣ ужаса и отчаянія? Ничего другого нельзя было бы почувствовать и послѣ первой лекціи профессора, приступившаго къ объясненію Тацита. Этотъ профессоръ равнымъ образомъ сообщилъ намъ болѣе или менѣе общеизвѣстныя свѣдѣнія о Тацитѣ, рассказалъ намъ кое-что весьма поверхностно о произведеніяхъ Тацита, которыя мы должны были читать, затѣмъ сталъ переводить ихъ—скучно, безсвязно, ища словъ, не находя ихъ, поминутно замѣняя одну конструкцію другою, и въ концѣ-концовъ не умѣя передать словъ Тацита литературно и понятно. Конечно, этотъ профессоръ римской словесности могъ бы сослаться на диссертацию, на ученую степень, какъ на признание, дающіе ему якобы полное право гордо держать голову,—но мнѣ, студенту, какое до этого дѣло? Какое мнѣ дѣло до диссертации и до ученыхъ степеней профессора, если мнѣ то онъ рѣшительно ничего не даетъ, если онъ не умѣетъ дать мнѣ больше и лучше преподавателя гимназіи? Какъ будто я явился въ университетъ ради удовольствія лицезрѣть автора диссертации, магистра, доктора, а не ради науки? Нѣсколько смягчала это впечатлѣніе вступительная лекція другого профессора греческой словесности, приступившаго къ объясненію одной изъ рѣчей оратора Лисія. Профессоръ говорилъ довольно дѣльно. Лекція была содержательная, „густо“ написанная. Видна была работа. Чувствовалось, что профессоръ—человѣкъ ученый и добросовѣстный преподаватель. Но при всемъ томъ все-таки лекціи чего то не доставало. Впечатлѣніе отъ нея получалось блѣдное. За фактами, нанизанными другъ на друга очень тщательно, нельзя было открыты какой либо руководящей мысли. Казалось, достаточно знать хорошо нѣмецкій языкъ и имѣть подъ руками рядъ соотвѣтствующихъ пособій—чтобы такую лекцію написалъ всякій мало-мальски толковый человѣкъ. Это было чисто механическое сцѣпленіе ряда фактовъ, взятыхъ изъ разныхъ нѣмецкихъ монографій. Но наука вѣдь должна быть выше этого. Профессоръ, взявшій на себя просвѣщеніе молодежи, долженъ въ первую же минуту и особенно въ первую, показать, что наука не механическая работа сотни трудолюбивыхъ рукъ, а нѣчто болѣе высокое, глубокое и широкое. Лекція же о рѣчахъ Лисія навѣвала скуку. Наука въ ней являлась сухонарою старушкой, своимъ беззубымъ ртомъ жующей что то безконечно нудное, никому ненужное и неинтересное. Фонографъ исполняетъ точно такую же функцію, какъ и этотъ человѣкъ науки. Лучшій изъ профессоровъ, которыхъ мнѣ пришлось слышать въ первые мѣсяцы моего пребыванія въ университетѣ, оказывался ракомъ, на безрыбье являющимся

рыбой. О лучшемъ изъ нихъ можно было только сказать: да, это человѣкъ знающій,—вотъ и все. Но только ли это нужно имѣть профессору? Только ли это создаетъ въ университетѣ атмосферу науки, умственной работы и творчества? Не могу не провести параллель между названнымъ профессоромъ и однимъ изъ гимназическихъ преподавателей, съ которымъ я познакомился будучи еще гимназистомъ *). Онъ однажды сталъ рассказывать мнѣ—гимназисту о поэмахъ Гомера. Тонкимъ и глубокимъ анализомъ этихъ чудныхъ твореній греческаго гения онъ привелъ меня къ убѣжденію, что они—продуктъ единоличнаго творчества. Вѣрна или невѣрна эта мысль—другой вопросъ. Но какъ онъ это доказывалъ! Какую массу свѣдѣній онъ сообщилъ при этомъ! Какъ искусно онъ вставилъ поэмы Гомера въ рамку культурныхъ отношеній вообще! Вспоминаются и объясненія его одной изъ трагедій Софокла. Разборъ произведенія Софокла былъ въ то же время и очеркомъ всей культуры Греціи соотвѣтствующаго времени. Все было такъ ярко, живо, выпукло. И кто могъ сказать послѣ этого, что классическая литература не нужна? Кому могло придти въ голову отрицать, послѣ этого, всю глубокую поучительность этой литературы. Результаты: я до сихъ поръ слово въ слово могу передать все, слышанное мною гимназистомъ о Гомерѣ, о Софоклѣ и рѣшительно ничего не могъ бы сказать о рѣчахъ Лисія. На основаніи слышаннаго въ дни своего гимназическаго ученія, я могу сказать, почему греческая литература можетъ плѣнять, но на основаніи университетскихъ лекцій ничего бы объ этомъ сказать не могъ.

Впрочемъ и то сносное впечатлѣніе, какое произвела первая лекція о рѣчахъ Лисія, впечатлѣніе, возбуждившее ожиданіе, что университетъ дастъ хоть что-нибудь, было разсѣено какъ дымъ, чуть ли не на слѣдующій же день. Изъ заграничной командировки возвратился профессоръ исторіи всеобщей литературы **). Естественно, что отъ него студенты ожидали очень многого. Исторія всеобщей литературы! Какой благодарный и богатый матеріалъ чисто образовательнаго характера въ рукахъ талантливаго и любящаго свое дѣло профессора! Я ждалъ его появленія въ аудиторіи съ нетерпѣніемъ. Онъ не заставилъ ждать себя. На каѳедрѣ скоро появился очень мужественный мужчина, упитанный и здоровый. На лицѣ, сдѣланномъ точно изъ дерева, нельзя было прочесть ничего, ничего рѣшительно изъ того, что обыкно-

*) Это былъ преподаватель не моей гимназіи.

***) Проф. Созоновичъ, знаменитый депутатъ 2-ой Г. Думы, защищавшій военно-полевые суды и смертную казнь.

венно мелькаетъ, чувствуется и какъ тѣнь играетъ на лицѣ каждаго интеллигентнаго человѣка. Профессоръ сразу же заявилъ, что онъ не захватилъ съ собою „записокъ“, а потому лекціи не будетъ читать и предпочитаетъ побесѣдовать съ нами. Прежде всего онъ рассказалъ намъ, что дѣлалъ за границей. Рассказывалъ онъ важно, громко, съ видомъ вояжера, объѣдавшего въ лучшихъ ресторанахъ, во вкусѣ героевъ Лейкина. Потомъ перешелъ къ характеристикѣ своей особы. Сообщилъ намъ, что знаетъ 12 языковъ, что изучалъ нѣкоторые изъ нихъ еще гимназистомъ, и при томъ съ такимъ усердіемъ, что даже въ церковь бралъ съ собою Евангеліе на томъ или иномъ иностранномъ языкѣ. Не мало говорилъ онъ о своихъ научныхъ заслугахъ. При этомъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія указывалъ на то, что «знаменитый», даже «такой строгій и авторитетный судья, какъ знаменитый Веселовскій» о работахъ его, «о моихъ изслѣдованіяхъ отзывается съ похвалою». Упомянулъ также при этомъ удобномъ случаѣ, что у этого «знаменитаго Веселовскаго» можно найти ссылки на нѣкоторыя его работы. Не чуждъ былъ профессоръ и шутокъ, но солидныхъ, профессорскихъ, и не смотря на это, очень плоскихъ. Словомъ. *de rebus omnibus*, обо всемъ, только о наукѣ ни слова, о своемъ предметѣ ни намека, какъ будто бы его и не существовало. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Такого неуваженія къ наукѣ, такого отношенія къ своимъ обязанностямъ, такой удивительной наивности я не могъ понять. Въ душѣ ощущалось чувство обиды. Какое имѣлъ право профессоръ отнимать у меня время разказами о своей личности, о своихъ успѣхахъ и т. п. Какое право имѣлъ онъ обманывать меня: вѣдь я шелъ *на лекцію*, а не въ гости къ профессору, чтобы слушать его болтовню? Изъ всей «лекціи» я вынесъ лишь убѣжденіе, что г. профессоръ проникнуть безграничнымъ самомнѣніемъ. Даже разказъ о заграничныхъ его занятіяхъ ничего не далъ, хотя всякій маломальскій свѣжій и дѣйствительно интересующійся чѣмъ-нибудь культурный человѣкъ въ этомъ случаѣ могъ-бы сообщить что-нибудь поучительное. Что я въ данномъ случаѣ не преувеличиваю, видно лучше всего изъ отчета этого профессора о занятіяхъ во время командировки съ научною цѣлью, напечатаннаго въ «Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» (1897 г. VIII, стр. 1—9). Что дѣлалъ профессоръ за границей? Въ отчетѣ своемъ онъ заявляетъ, что для его чтеній въ университетѣ ему «необходимы книжныя пособія въ такихъ размѣрахъ, какими не располагаетъ бібліотека Варшавскаго Университета». Вотъ онъ и похвалъ за этими пособіями за-границу. «По исторіи итальянской литературы»

его «ближайшимъ образомъ интересовали произведенія XVIII и XIX ст.» «По этому періоду пособіемъ для него служило сочиненіе G. Zanetta — *Storia della Letter.*» и т. д. и «превосходное руководство» *Alessandro D'Ancona—Manuale della Letteratura italiano.* Затѣмъ перечисляются сочиненія, съ которыми профессоръ познакомился за границей: 1) Michele Scherillo, 2) Scartazzini, 3) Solerti и 4) *Histoire de la langue et de la littérature française, des origines à 1900, publiée Sous la direction de L. Petit de Julleville etc.* т. I. Профессоръ не только перечисляетъ эти сочиненія, но даетъ и краткое ихъ содержаніе. Послѣднее сочиненіе разсматриваетъ онъ даже по главамъ. Но что это изложеніе содержанія должно сказать? Что профессоръ дѣйствительно прочелъ ихъ? Но изложеніе, какое онъ даетъ, можно сдѣлать и не читая. Что профессоръ на основаніи ихъ пришелъ къ какимъ-либо выводамъ? Но никакихъ научныхъ и цѣнныхъ выводовъ онъ не дѣлаетъ. Для чего-же это изложеніе? Любопытное другой вопросъ: къ чему профессоръ перечислилъ указаннныя сочиненія? Потому-ли, чтобы показать, въ какихъ именно размѣрахъ нужны или были «книжныя пособія?» Но въ такомъ случаѣ четыре всего пособія за все время годичной командировки какъ будто-бы и не очень ужъ большія «размѣры». Можетъ быть, тутъ была другая причина, на которую онъ и указываетъ дѣйствительно. Именно: до его назначенія въ теченіе 8 лѣтъ его каѳедра была вакантною и сочиненія по его предмету не выписывались, а затѣмъ и средства, отпускаемая университетомъ на приобрѣтеніе книгъ, незначительны. Но во 1-хъ, всѣ почти перечисленныя имъ сочиненія изданы въ 1895—1896 году, а онъ занимаетъ каѳедру съ 1886 года, а во 2-хъ, перечисленныхъ имъ книгъ не такъ ужъ много, чтобы можно было говорить о недостаткѣ средствъ. Къ чему же это перечисленіе упомянутыхъ книгъ? Кромѣ этого ненужнаго перечисленія, въ его отчетѣ ничего вы не найдете. Спрашивается, могутъ-ли впечатлѣнія человѣка, любящаго науку, живущаго идейною жизнью, работающаго и прогрессирующаго безостановочно, быть столь скудными, столь жалкими? Скудость профессорскихъ впечатлѣній отъ западно-европейской жизни и науки — вотъ еще, что я вынесъ изъ первой «лекціи» по исторіи всеобщей литературы. Не буду рассказывать о впечатлѣніи, произведенномъ другими вступительными лекціями. Всего сказаннаго вполне достаточно*) для того, чтобы понять, какія чувства должны были подняться

*) Тѣмъ болѣе, что всѣ упомянутые профессора считались въ Варш. Унив. чуть-ли не корифеями науки.

въ душѣ студента, только-что переступившаго порогъ университета. Спустя уже два мѣсяца, я сталъ мучительно думать, какъ - бы убѣжать, убѣжать безъ оглядки изъ этого «храма науки» куда-нибудь, лишь-бы побольше было свѣта, жизни, мысли, лишь-бы было не такъ душно, не такъ мерзко и гнило. Но судьба приковала меня къ Варшавѣ и уѣхать отсюда я не имѣлъ никакой физической возможности. Начались дни тоски и отчаянія. Но скоро лекціи Д. М. Петрушевскаго *), назначеннаго къ намъ въ октябрѣ мѣсяцѣ профессоромъ всеобщей исторіи, явились свѣтлымъ лучомъ въ этомъ царствѣ тьмы. Онѣ и наполняли душу удовлетвореніемъ и жадной движенія и работы, и открывали далекія перспективы, и показывали науку во весь ея ростъ—увлекательную, осмысливающую умственную работу и жизнь. Вступительная лекція его произвела большое впечатлѣніе, какъ звуки жизни подъ подземными сводами жилища мертвецовъ.

III.

Наука въ Варшавскомъ Университетѣ.

(Столпы ея).

Прошло четыре года послѣ вступительныхъ лекцій, которыя давали такую обильную пищу самымъ пессимистическимъ чувствамъ и изъ которыхъ уже довольно отчетливо выглядывалъ мизерный духъ варшавскаго университета. Выпускные экзамены были окончены, и я вступилъ на новый путь подготовки къ самостоятельной научной дѣятельности. Невольно въ эти моменты оглядываешься назадъ, — оглядывался и я — и передъ умственнымъ взоромъ проходили знакомые образы и картины. Невеселыя мысли и чувства вызывали они! Что дали тебѣ эти четыре года? Какія рѣчи раздавались съ кафедръ? Какія перспективы открывала передъ тобою рука профессора? Въ какія глубины знанія, научнаго анализа, обобщенія и научной методологіи помогали тебѣ проникнуть твои ученые руководители? Что они дѣлали для твоего просвѣщенія, образованія, развитія? На всѣ эти вопросы можно было найти одинъ только отрицательный отвѣтъ. Четыре года пронеслись бы надъ головою, какъ время бесполезнаго прозябанія и полнѣйшаго умерщвленія духа, если-бы не было импульсовъ, дѣйстви-

*) Въ настоящее время профессоръ Московскаго университета.

вавшихъ внѣ университета, и тамъ за стѣнами его возбуждавшихъ научную жажду, направлявшихъ къ знанію и къ образованію. Одинъ только профессоръ читавшій по избранной мною специальности-всеобщей исторіи курсъ исторіи среднихъ вѣковъ и Рима, а затѣмъ на 3 и 4 мъ курсахъ исторію Англии и Франціи до XIV ст., одинъ только этотъ профессоръ и вспоминается, какъ настоящая научная сила *). Онъ давалъ научное направленіе намъ, онъ указывалъ, какъ работать, подъ его руководствомъ только входили мы въ научную лабораторію. Его семинаріи, которымъ онъ отдавалъ всѣ свои силы, въ которыхъ онъ развѣтывался весь, проникнутый любовью къ наукѣ и молодежи, представляли собою единственный на всемъ историко-филологическомъ факультетѣ уголокъ, носившій характеръ дѣйствительно университетскаго преподаванія. Но какъ одинокъ онъ былъ среди коллегъ! Единственный профессоръ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не весело чувствовалъ онъ себя въ средѣ „старыхъ“, „опытныхъ“, „ординарныхъ“ и „заслуженныхъ“ профессоровъ. Не онъ создавалъ духъ университета. Наоборотъ, рѣзкимъ диссонансомъ врывается его университетская дѣятельность въ атмосферу „научной“ работы господъ профессоровъ, которымъ дается специфическое названіе „варшавскихъ“. Не „варшавскимъ“ профессоромъ онъ былъ. Не даромъ съ первой-же минуты своего появленія въ Варшавскомъ Университетѣ онъ нетерпѣливо уже искалъ выхода въ иной болѣе свѣжій міръ и при первой-же возможности бѣжалъ изъ этого ада мракобѣсовъ туда, гдѣ и свѣтло, и тепло, и движеніе, и порывы. Онъ былъ единственный! Кромѣ него въ буквальномъ смыслѣ ничего и никого не было вокругъ — безконечная пустыня, покрытая костями и черепами, шептавшими что-то отвратительно скучное, сухое и безжизненное, какъ и все это море песковъ, представляющихъ собою ихъ лоно.

Стоя на порогѣ новой жизни послѣ окончанія курса университета, я и оглядывался на эту пройденную мною благополучно пустыню. Вставали прежде всего фигуры „ученыхъ“, работавшихъ въ той специальности, которой отдавался и я, и въ сопредѣльныхъ съ нею областяхъ. Вотъ мелькаетъ образъ профессора всеобщей исторіи, у котораго мнѣ пришлось прослушать курсы новой исторіи (въ 1898/99 акад. году) исторіи Греціи, исторіи Католической реакціи (1899—1900 акад. г.) и исторіи XIX вѣка (1900—1901 г.). Этотъ профессоръ, какъ и большинство русскихъ профес-

*) Проф. Петрушевскій.

соровъ, въ доказательство своей научной, такъ сказать, правоспособности могъ-бы сослаться на свои диссертациі. Диссертациі его, на мой взглядъ, очень цѣнный вкладъ въ русскую историческую науку. Но достаточно-ли только этого для того, чтобы быть профессоромъ? Диссертациі пишутся разъ или два раза въ жизни, пишутся по опредѣленному вопросу, представляющему какой-либо уголокъ громадной научной области. Въ диссертациі достаточно обнаружить умѣніе самостоятельно рѣшать научные вопросы, дать новый фактическій матеріалъ, внести новые кирпичи въ зданіе данной научной дисциплины. Достаточно дать это — и ты получаешь кафедру, на которой спокойно и можешь почить сномъ безмятежнымъ Афанасія Иваныча. И ты уснешь и уснешь навѣрное, если духъ научнаго изслѣдованія и прогресса не сидитъ въ тебѣ, если ты не чело-вѣкъ науки по духовной своей организациі, но жаждѣ, вложенной въ твою душу самой природой. Дѣйствительно, что такое диссертациа сама по себѣ? Можно-ли поручиться, что вотъ данный ученый не написалъ этой диссертациі просто изъ соображеній карьеры. Можно-ли быть увѣреннымъ, что въ томъ или иномъ данномъ случаѣ передъ нами не просто способный чиновникъ, аккуратно исполняющій требованіе своего начальства: требуется для повышенія магистерская диссертациа — извольте, Ваш—родіе, для дальнѣйшаго повышенія требуется еще диссертациа — слушаю-сь Ваш—ство, а дальше ничего не требуется, кромѣ рабства, — ну такъ и будемъ знать это, будемъ на науку плевать и спать, мечтая лишь о ласковомъ взглядѣ власть имущихъ, да, чѣмъ чортъ не шутитъ, о ректорствѣ, попечительствѣ, министерскомъ портфелѣ . . . Можете-ли вы поручиться, что тотъ или иной профессоръ не такъ именно разсуждалъ, если вы для характеристики его, какъ ученаго и профессора, будете имѣть въ виду только диссертацию? Я думаю, что поручиться въ этомъ случаѣ никто бы не могъ. Наукѣ отдаютъ всю свою жизнь, а не только 5—6 лѣтъ этой жизни, потребныхъ для написанія диссертациі. Человѣкомъ науки поэтому дѣлаютъ чело-вѣка не эти диссертациі, а научная дѣятельность, продолжающаяся всю жизнь, постоянно углубляющаяся, раздвигающаяся, шагающая все далѣе и далѣе впередъ. Только такой, „чело-вѣкъ науки“ можетъ быть профессоромъ. Въ противномъ случаѣ онъ совершенно бесполезная величина. Въ моментъ изданія своихъ диссертаций онъ принесъ разъ или два пользу, а затѣмъ заглохъ, — заслуживаетъ-ли онъ того уваженія и вниманія, какое можетъ требовать профессоръ, всегда рабо-

тающій и стало быть, каждую минуту приносящій пользу? Съ другой стороны за диссертациі могутъ цѣнить его спеціалисты, но мнѣ — студенту, — готовящемуся къ научной работѣ или просто желающему быть образованнымъ человѣкомъ, до этого нѣтъ никакого дѣла. Ты — профессоръ взялъ на себя обязанность учить меня и я имѣю право желать и требовать, чтобъ ты мнѣ что-нибудь давалъ, именно ты, а не твои диссертациі, такъ какъ къ нимъ я могу обратиться и безъ тебя. И если ты мнѣ ничего не даешь, если ты обнаруживаешь полную, рѣшительную неспособность напоить мою жажду знанія, если ты оказываешься человѣкомъ совершенно отставшимъ и ничего не дѣлающимъ, то не имѣю-ли я полное основаніе отнестись къ тебѣ въ лучшемъ случаѣ съ осужденіемъ, считать тебя лишнимъ балластомъ въ университетѣ, человѣкомъ, задерживающимъ свѣтъ, такъ какъ, занимая каѳедру и нечего на ней не давая, ты, быть можетъ, отнимаешь у другихъ болѣе тебя способныхъ и дѣятельныхъ людей возможность распространять этотъ свѣтъ. Съ этой точки зрѣнія едва-ли подлежитъ спору, что иной „докторъ“, написавшій двѣ диссертациі, можетъ быть гораздо ниже и бесполезнѣе какого-либо „магистра“, но проникнутаго стремленіемъ къ научному прогрессу, служащаго наукѣ, какъ наукѣ, независимо отъ того, какія степени она ему даетъ и на какія ступени служебной іерархіи и цеха ученыхъ она поднимаетъ его. Эти мысли невольно встаютъ въ головѣ, когда я вспоминаю упомянутые курсы „новой исторіи“, исторіи Греціи и т. д. Съ профессоромъ, читавшимъ эти курсы, я познакомился почти въ первые же дни своего пребыванія въ Варшавскомъ Университетѣ, хотя слушать его пришлось мнѣ только со 2-го курса. Мечтая заниматься всеобщей исторіей, я къ нему сейчасъ-же и обратился за помощью. Явившись къ нему, я увидѣлъ передъ собою человѣка, еще совсѣмъ не стараго, очень любезнаго и на первый взглядъ очень милаго. Узнавъ, что я съ Кавказа, онъ прежде всего пожелалъ, чтобы я что-нибудь написалъ о варшавскомъ университетѣ въ одну изъ кавказскихъ газетъ: мало-де поступаетъ въ Варшавскій университетъ, необходимо-де привлекать въ этотъ университетъ побольше слушателей. Онъ былъ даже настолько добръ, что указалъ на особенныя преимущества Варшавскаго Университета передъ другими русскими высшими учебными заведеніями.*) Признаться, я собирался

*) Убѣждать студентовъ что-либо написать въ газеты о Варшавск. Унив., о русскомъ подвижничествѣ въ Царствѣ Польскомъ или противъ

его желаніе исполнить, искренно вѣря, что сдѣлаю очень важное и доброе дѣло. Скоро бесѣда перешла на болѣе идейную почву. Профессоръ много, хотя очень нескладно, говорилъ о наукѣ. Наука,—поучаль онъ—дѣло серьезное и трудное, важное и необходимое. Особенно важна и необходима исторія,—дающая цѣлый рядъ чрезвычайно существенныхъ общихъ представленій и конкретныхъ знаній, необходимыхъ для жизни. Профессоръ возмущался «историческимъ невѣжествомъ» общественныхъ дѣятелей, выражалъ увѣренность, что зная исторію, земскіе работники, администраторы, чиновники и т. д. избѣгали-бы цѣлаго ряда ошибокъ и увлеченій, и съ гордостью вспоминалъ, что одинъ изъ его слушателей дослужился уже до губернагорскаго поста. Трудно было рѣшить, что хотѣлъ всѣмъ этимъ сказать г. профессоръ, какъ онъ понималъ задачи и цѣли своей науки, чѣмъ собственно онъ гордился въ своемъ губернаторѣ и причемъ вообще въ данномъ случаѣ былъ этотъ губернаторъ. Было только ясно, что профессоръ недоволенъ студентами, которые мало, утверждалъ онъ, занимаются дѣлами, не ходятъ на лекціи, не интересуются такой важной и необходимой, даже съ губернаторской точки зрѣнія, наукой, какъ исторія, вообще ведутъ легкомысленный образъ жизни. Съ улыбкой презрѣнія и сожалѣнія говорилъ онъ о томъ, что это студенчество вмѣсто науки увлекается журналистикой, что всѣ свои знанія, весь свой идейный багажъ, все свое міровоззрѣніе и всѣ, словомъ, свои умственные и общественные интересы черпаютъ изъ писаній разныхъ „журналистовъ“, изъ статей „Русскихъ Богатствъ“ „Міровъ Божіихъ“ и т. д. и т. д. Журналистику — краснорѣчивый и сердитый историкъ, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, ненавидѣлъ, повидимому, всѣми силами своей души *). Она ему представлялась какимъ-то демономъ-искусителемъ, растлѣвающимъ невинную молодежь,—дерзко отбивающимъ у науки поклонниковъ, вносящимъ въ жизнь пустоту и легкомысліе, и убивающимъ духъ изслѣдованія, истины и прогресса. Естественно, что такое отношеніе къ журналистикѣ, особенно у насъ въ Россіи, должно было произвести впечатлѣніе чего-то въ высокой степени страннаго и едва-ли достойнаго дѣйствительно серьезнаго и просвѣщеннаго человѣка. Я и сейчасъ думаю, что на-

поляковъ — было свойствомъ этого профессора,—страннымъ немного для «человѣка науки».

*) Это ему нисколько не мѣшало въ другую минуту предъ журналистами говорить нѣчто иное; какое было его дѣйствительное настроеніе, я тутъ не рѣшаю. Передаю только то, что говорилось въ данный моментъ.

блюдаемое въ нѣкоторыхъ кругахъ „спеціалистовъ“, „представителей науки“ высокомѣрное и снисходительное отношеніе къ журналистикѣ, есть не что иное, какъ признакъ безнадежной узости кругозора, заскорюзости идейныхъ интересовъ и, разумѣется, невѣжественнаго самомнѣнія: русскій ученый, занимающійся общественными науками и воображающій, что онъ не можетъ унижаться до журналистики или что журналистика дѣлаетъ дѣло менѣе важное, чѣмъ онъ, такой русскій ученый—едва-ли обладаетъ даже элементарнымъ общимъ образованіемъ и едва-ли можетъ представлять собою, при такой ограниченности пониманія дѣйствующихъ въ обществѣ силъ, какую-нибудь серьезную идейную и научную цѣнность. Я такъ именно и понималъ надутую, неестественную рѣчь профессора, не имѣвшаго, очевидно, и малѣйшаго представленія о русской журналистикѣ, о Бѣлинскомъ, Герценѣ, Чернышевскомъ, Добролюбовѣ, Михайловскомъ, Бельтовѣ и т. д. и т. д. *) Я ясно видѣлъ, что всеобщій историкъ Варшавск. Унив. не даетъ себѣ рѣшительно никакого отчета въ цѣнности своей собственной дѣятельности, которую онъ несомнѣнно дерзаетъ противопоставлять работѣ русскихъ журналистовъ, работѣ, проникнутой часто высокимъ идейнымъ подъемомъ и элементами гораздо болѣе отвѣчающими цѣлямъ дѣйствительной науки, нежели ученныя диссертаци и безсодержательная болтовня многихъ официальныхъ представителей ея, разныхъ тамъ варшавскихъ профессоровъ. Я и указалъ г-ну „ученому историку“ на роль русской журналистики, между прочимъ на Михайловскаго, какъ на крупнаго представителя очень глубокаго теченія въ русской общественной мысли, какъ воспитателя именно научнаго духа въ цѣломъ рядѣ поколѣній и какъ писателя и мыслителя, стоящаго выше многихъ и многихъ патентованныхъ ученыхъ **). Профессоръ очень снисходительно улыбнулся, погладилъ свою бороду, поправилъ свое репезе, желая показать, что онъ жалѣетъ меня и вдругъ выпалилъ: «а въ какихъ архивахъ работалъ Михайловскій? Какіе факты онъ открылъ? Люди и понятія не имѣютъ о наукѣ и пишутъ себѣ, высасывая изъ пальца.» Пришлось перечислить обще-извѣстныя статьи Михайловскаго, передать кратко содержаніе паиболѣе выдающихся изъ нихъ. Профессоръ какъ будто-бы не слушалъ, снисходительно позволялъ мнѣ возражать ему, и, когда я замолчалъ, то съ тономъ че-

*) Это для меня несомнѣнно и сейчасъ, хотя и кажется невѣроятнымъ, чтобы профессоръ всеобщей исторіи всего этого не зналъ.

***) Въ то время авторъ этихъ строкъ преклонялся передъ Михайловскимъ.

ловѣка, не занимающагося пустяками, вдругъ одобрилъ Михайловскаго: онъ не ожидалъ, что Михайловскій—такой дѣльный противникъ Маркса (тутъ профессоръ саркастически улыбнулся, взглянулъ побѣдоносно на меня, точно желая сказать: Марксъ ха-ха-ха! Марксъ и я, какой-то тамъ «журналистъ» и я—«профессоръ всеобщей исторіи»), онъ не думалъ, что Михайловскій такой серьезный писатель, онъ, конечно, теперь понимаетъ почему молодежь можетъ читать Михайловскаго, онъ теперь—вообще и тому подобное и такъ далѣе *). Конечно, при этомъ историкъ далъ понять, что самъ-то онъ все-таки читать Михайловскаго не станетъ и если снисходительно одобряетъ его, то, какъ писателя, „популяризирующаго“ „науку“, болѣе доступнаго толпѣ, чѣмъ напр. люди „серьезной“ науки, работающіе въ „архивахъ“ и открывающіе „новые факты.“ Всего этого было вполне, разумѣется, достаточно, чтобы понять, что профессоръ мелкая-самомнящая фигура, человѣкъ—очень невѣжественный, никакими идейными интересами не проникнутый, самую науку представляющій себѣ, по образу, и подобію своему, кладовой всякаго рода „архивныхъ“ матеріаловъ и „новыхъ фактовъ“ **). Этого было вполне достаточно, чтобы подъ напыщенными фразами о наукѣ открыть глубокое равнодушіе къ тому, что представляетъ собою суть науки — движеніе впередъ, смѣлость критической мысли, независимость идейныхъ стремленій, тенденцію синтезировать кругъ отдѣльныхъ „научныхъ“ понятій, наблюденій и „открытій“, чтобы во всей этой фигурѣ ученаго человѣка съ кошачьими манерами и трусливыми улыбками, увидѣть, какъ это обнаружилось впоследствии, просто чиновника и академическаго Хлестакова, не нашедшаго еще своего Гоголя. Но объ этомъ профессоръ я зналъ мнѣніе одного очень уважаемаго мною петербургскаго ученаго, считавшаго его выдающимся человѣкомъ, видѣвшаго въ немъ своего друга и нѣжно о немъ всегда говорившаго,—ученаго, который въ глазахъ моихъ былъ въ то время идеаломъ научнаго и общественнаго дѣятеля и свободнаго человѣка,—самъ профессоръ постоянно говорилъ:— „мой другъ N. N., мы съ иксомъ, я и игрекъ, я такому-то возражалъ, такой-то меня просилъ, тотъ мнѣ прислалъ свою

*) Можетъ показаться, невозможнымъ что профессоръ не стыдится признаться въ незнаніи того, что даже собою представляетъ Михайловскій, но этимъ именно и доказывается, какими пустяками онъ считаетъ журналистику.

**) Дѣйствительно, профессоръ отличается прекрасною памятью, которая вмѣщала очень много «фактовъ», не обращаясь однако въ болѣе благородное орудіе знанія и мышленія.

статью съ надписью „въ знакъ уваженія“ и т. д. и т. д., назывались при этомъ имена все людей весьма опредѣленныхъ по своимъ общественнымъ, политическимъ и этическимъ принципамъ, имена Карѣева, Лучицкаго, М. Ковалевскаго, Спасовича, Павинскаго, Мякотина, Корелина и т. д. и т. д. Можно-ли было довѣрять своему впечатлѣнiю мнѣ, скромному студенту, нѣкоторымъ изъ упомянутыхъ лицъ поклонявшемуся, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видѣвшему строгую и благородную, не знавшую никакихъ колебаній и оговорокъ нетерпимость ко всякаго рода вилянiю хвостомъ, ко всякаго рода лицемѣрiю и фальши, фальши двуличныхъ душъ, о которыхъ Щедринъ говорилъ: „они безшумно, не торопясь, переползають изъ одного періода исторiи въ другой, никому не бросивши слова участья, но и никого не вздернувши на дыбы (т. есть, быть можетъ, кого-нибудь и вздернули, но, ей Богу, не сами собою!).“ Подъ давленiемъ авторитетныхъ мнѣнiй людей, пользовавшихся уваженiемъ-всего русскаго общества и всей русской молодежи, при воспоминанiи объ отношенiи ихъ къ профессору, столь поражавшему меня своимъ пониманiемъ науки и живыхъ силъ русской интеллигенци, и блѣднѣло впечатлѣнiе, произведенное имъ на первыхъ же порахъ и невольно хотѣлось въ немъ видѣть нѣчто совершенно иное, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Но дѣйствительность очень скоро разбила всѣ колебанія, ясно и неопровержимо показала, что легко заблуждаться и заблуждаться до смѣшного, когда судишь о людяхъ изъ прекраснаго далека, что мнѣнiе петербургскихъ ученыхъ и дѣятелей о моемъ профессорѣ именно и основано на этомъ наблюденiи изъ далека, что мой профессоръ—хитрый, „бывшій человекъ“, ловко втирающій очки кому и когда слѣдуетъ. Сомнѣнiя были разбиты. Маска была сорвана безощадной рукой времени, и „уважаемый другъ“ извѣстныхъ и радикальныхъ иксовъ и игрековъ оказывался просто живой иллюстрацiей ко многому изъ того, что говорится въ произведенiяхъ Салтыкова о „любезныхъ“ и молчалиныхъ, у Чехова о „людяхъ въ футлярахъ“ и „хамелеонахъ“ и т. д. и т. д.

Уже въ своихъ курсахъ, упомянутыхъ выше, профессоръ проявился со всѣми своими качествами, навсегда оставившими въ душѣ чувство стыда и досады за нашу университетскую науку.

Общiй курсъ исторiи, который добросовѣстный и талантливый преподаватель могъ-бы использовать, какъ превосходное орудiе просвѣщенiя молодежи, который къ столь многому обязываетъ профессора и требуетъ отъ него самого напряженнаго вниманiя къ росту науки и требованiямъ обра-

зованія, продуманности основныхъ точекъ зрѣнія и опредѣленности общественныхъ интересовъ, этотъ курсъ въ рукахъ нашего профессора обратился въ нѣчто прямо-таки ужасное, беспорядочное, безвкусное и дерзко развязное. Открывался курсъ введеніемъ, возмутительно-претенціознымъ и паразитально-бесодержательнымъ. Самая внѣшность профессора при этомъ вселяла какое-то недоувѣріе къ тому, что онъ собирался сообщить студентамъ. Войдя въ аудиторію, онъ нюхаль воздухъ, недовольно морщился, какъ-то неестественно дергалъ головой, какъ-то неестественно размахиваль руками, начиналь говорить какимъ-то фальшивымъ тономъ,—говоря, временами вдругъ устремляль свои глаза въ потолокъ, желая изобразить на своемъ лицѣ серьезный творческій процессъ, будто-бы сейчасъ переживаемый имъ,—каждый жестъ, каждый взглядъ, каждое слово,—словомъ, вся фигура и вся рѣчь его представляли собою нѣчто до такой степени напускное и дутое, что становилось какъ-то неприятно смотрѣть на него. Такъ и чувствовалось, что профессоръ занятъ въ этотъ моментъ не наукой, не предметомъ, не аудиторіей, не мыслью и желаніемъ послужить наукѣ и просвѣщенію, а своей внѣшностью, страстной жаждой производить впечатлѣніе внѣшними средствами, дерзостью и важностью, прикрыть ими внутреннее равнодушіе ко всему на свѣтѣ, кромѣ своихъ эгоистическихъ интересовъ, безцвѣтность мысли, полнѣйшую отсталость и неспособность понимать быстротекущую жизнь, смѣну ея теченій, ея бури, понимать уходящія тѣни минувшаго и просыпающуюся зарю будущаго. Введеніе посвящалось общимъ вопросамъ исторической науки. Профессоръ старался тутъ выяснить, что представляетъ собою исторія, какъ наука, каковы задачи и предметъ ея и затѣмъ остановился на различныхъ теоріяхъ историческаго процесса. Разумѣется, вводитъ студентовъ въ общіе историческіе вопросы чрезвычайно важно: важно дать студентамъ общую точку зрѣнія, остановить ихъ вниманіе на крупныхъ соціологическихъ и философскихъ теченіяхъ въ исторической наукѣ, вооружить ихъ критическимъ отношеніемъ къ разнообразнымъ, часто другъ-друга исключаящимъ теоріямъ и вообще заинтересовать ихъ этою чисто-синтетическою стороною данной научной дисциплины. Но для этого необходимо, чтобы самъ профессоръ зналь и понималъ надлежащимъ образомъ, самъ дѣйствительно продумаль и переработаль все это и чтобы при этомъ его собственное міровоззрѣніе отличалось вполнѣ опредѣленнымъ характеромъ продукта серьезной умственной работы и вполнѣ опредѣленнымъ содержаніемъ и направленіемъ. Нашъ-же профессоръ обнаруживаль самое

вопіющее невѣдѣніе во всѣхъ рѣшительно общеисторическихъ вопросахъ, не отдавалъ себѣ почти никакого рѣшительно отчета въ теоріяхъ, о которыхъ говорилъ съ величайшимъ апломбомъ, и, видно было, старался использовать старый жиръ, давно растаявшій и переставшій быть какою-бы то ни было теоретическою цѣнностью. Говорилъ онъ и о «Боклѣ» и о «Монтескье», и о «Бурдо» и «Спенсерѣ», говорилъ и объ «историческомъ процессѣ» и «прогрессѣ» и объ историческихъ факторахъ и о необходимости сочетать разнообразныя силы историческихъ перемѣнъ, не выдѣляя изъ нихъ ни одной, но собственно, чѣмъ въ данномъ случаѣ профессоръ отличался отъ насъ, студентовъ, что онъ въ данномъ случаѣ лучше зналъ и понималъ, сказать рѣшительно невозможно было-бы. Все, что онъ такъ усердно и авторитетно размазывалъ, все это могъ-бы сказать любой студентъ 1-го курса, такъ какъ и о Боклѣ и о Спенсерѣ и о прогрессѣ и процессѣ, и т. д. и т. д. профессоръ говорилъ такъ, что невольно въ душу закрадывалось подозрѣніе, да читаль-ли обо всемъ этомъ когда-либо «уважаемый» ученый хоть что-нибудь серьезное и канитальное, читаль-ли Бокля, Спенсера и т. д. и если читаль, то вынесъ-ли онъ изъ этой работы хоть что-нибудь оригинальное и существенное, прибавило-ли это хоть что-нибудь къ тому идейному багажу, которымъ онъ навѣрное обладалъ до «Бокля» и «Спенсера» и безъ «Бокля» и «Спенсера». Особенно курьезное впечатлѣніе производила его «критика» марксистской идеологін, съ которой онъ раздѣлывался покавалерски, съ видомъ неотразимаго сердцеѣда и обворожительнаго побѣдителя. Нужно сказать, что вообще профессорская критика марксизма у насъ до сихъ поръ отличается удивительною поверхностью, отсутствіемъ серьезнаго знакомства съ доктриною и малою продуманностью ея социологическихъ основъ и, если-бы не это, то что можно было-бы имѣть противъ самой критики, какъ таковой, даже самому марксисту: дѣльная, серьезная и продуманная критика оживляла-бы слушателей, ставила-бы цѣлый рядъ вопросовъ, которые-бы волновали молодую душу и наполняли ее жаждой работы и движенія. Если это такъ, то что должна была представлять собою критика марксизма, съ которой выступалъ передъ нами нашъ профессоръ, не имѣвшій объ этомъ и самаго отдаленнаго представленія. Вытаращивъ глаза, улыбаясь и размахивая карандашемъ торчащимъ въ рукахъ, профессоръ совершенно серьезно заявлялъ, что марксизмъ — собственно мода («это, господа, мода, вынесенная съ Запада, гдѣ... гдѣ э... э... она, да, гдѣ она давно уже исчезла»), что марксизмъ это собственно достояніе журналистики, и ничего серьезнаго и науч-

наго собою не представляет («только въ популярныхъ статьяхъ м... м... м... печатаемыхъ въ журналахъ, еще можно найти слѣды экономическаго матеріализма, но на Зап. Европѣ уже нѣтъ этого крайняго и ненаучнаго ученія») и что весь марксизмъ состоитъ въ томъ, что желудокъ двигаетъ исторіей (тутъ профессоръ обыкновенно чуть-чуть улыбался и закрывъ глаза мычалъ: съ какою дескать глупостью приходится имѣть дѣло серьезному ученому, благодаря жалкимъ студентамъ, увлекающимся желудочными теоріями). Изложивъ такъ блестяще марксизмъ, онъ затѣмъ почти цѣлый часъ терзалъ слушателей своей критикой марксизма и молодые люди, несомнѣнно имѣвшіе полное нравственное право помнѣяться въ данномъ случаѣ ролями съ профессоромъ и поучить его очень многому, были поражены и возмущены, не вѣря ни ушамъ, ни глазамъ своимъ. Противъ марксизма профессоръ имѣлъ три побѣдоносныхъ аргумента, которые изъ года въ годъ повторялись имъ на разные лады и которыми онъ, по видимому, очень гордился, не рѣдко заявляя, что все это онъ думаетъ напечатать: марксизмъ, заявлялъ профессоръ, заблуждается потому, что, во 1-хъ, противъ него—крестовые походы, какъ явленіе чисто-религіознаго характера въ своемъ источникѣ, во 2-хъ,—капиталъ въ исторіи является не только въ видѣ скопленій звонкой монеты, но, напр., и въ видѣ кораблей, домовъ и т. д. и, наконецъ, въ 3-хъ, человѣкъ столько же нуждается въ свѣтѣ и въ воздухѣ, сколько и въ пищѣ. Какъ жаль, что страшный врагъ марксизма до сихъ поръ не удосужился напечатать своей безпощадной критики «модной теоріи» и публично изложить свою «историческую теорію», какъ онъ называлъ серьезно свою безсодержательную фразеологию, «теорію», о которой онъ не разъ при томъ утверждалъ съ видомъ шаловливаго гениа, не дорожащаго крупными своихъ несмѣтныхъ идейныхъ богатствъ, что она сильно отличается отъ ученій и «Бокля» и «Тэна» и «другихъ» и что она бросаетъ «новый свѣтъ» на судьбы всего западно-европейскаго человѣчества и вводитъ новый совершенно «статистическій методъ» въ исторію. Какъ жаль!

Что можно было ожидать отъ самаго курса новой исторіи послѣ такого введенія? И дѣйствительно, ничего рѣшительно оригинальнаго, свѣжаго и интереснаго этотъ курсъ не представлялъ собою, будучи какимъ-то безпорядочнымъ хаосомъ именъ, историческихъ курьезовъ и анекдотовъ, аляповатой комнляціей давнымъ-давно прочитанныхъ и забытыхъ „пособій“, путаницей историческихъ представленій и явленій. Это былъ несомнѣнно распространенный «Иловайскій», только безъ его своеобразной простоты и стройности.

Общая характеристика феодализма, роль церкви въ среднѣе вѣка, аскетизмъ, основанія, заставляющія начинать новое время съ XIV ст., итальянскій гуманизмъ, возрожденіе въ другихъ странахъ, реформація — вотъ въ общихъ чертахъ канва его курса. Несомнѣнно профессоръ хотѣлъ эти рамки наполнить соотвѣтствующимъ содержаніемъ, но для этого у него не хватало ни подготовки, ни умѣнія, ни даже просто силъ готовиться къ своимъ лекціямъ, подняться выше того уровня, на которомъ застрялъ онъ уже лѣтъ 20 тому назадъ. вмѣсто результатовъ серьезной работы, профессоръ приносилъ въ аудиторію однѣ лишь великія претензіи, заявленія вродѣ: „это, господа, совершенно новая точка зрѣнія“ (новая точка зрѣнія, напр. состояла въ томъ, что возрожденіе слѣдуетъ относить не къ средн. вѣкамъ, а къ новому времени), „это результатъ спеціальныхъ изслѣдованій“ (такимъ результатомъ напр. была одна страница изъ извѣстной старой исторіи Cantù) и матеріалъ, который почти цѣликомъ можно было-бы найти въ коллективной исторіи Лависа и Рамбо. вмѣсто сжатаго, яркаго изложенія, вмѣсто тонкаго и всесторонняго обзора историческихъ явленій и процессовъ, вмѣсто научнаго и синтетическаго воспроизведенія жизни западно-европейскихъ народовъ съ XIV по XVI в., вмѣсто всего этого намъ приходилось т. обр. слушать пережевываніе Лависа и Рамбо, Cantù и Лорана и т. п. Я не думаю, конечно, сказать этимъ, что профессоръ бралъ Лависа и Рамбо и затѣмъ прямо не краснѣя передавалъ намъ содержаніе прочитаннаго, я хочу сказать только, что профессоръ ничего рѣшительно не давалъ, чего нельзя бы было найти у Лависа и Рамбо и при томъ въ болѣе связномъ и осмысленномъ видѣ. Но, удивительное дѣло, самъ профессоръ этого, какъ будто бы, и не понималъ. Не разъ онъ выражалъ сожалѣніе, что среди студентовъ нѣтъ стенографа, который могъ бы записать лекціи профессора, чтобы затѣмъ ихъ отпечатать отдѣльной книгой. Не разъ онъ высказывалъ надежду, что со временемъ онъ издастъ нѣсколько томовъ исторіи новаго времени, не разъ гордо говорилъ: „въ моемъ курсѣ, какъ вы помните; мой курсъ, какъ вы знаете“. Мы студенты искренно смѣялись промежъ себя самоослѣпленію ученаго и удивлялись, до какой суеты, до какого самоумнѣнія можетъ иногда унизиться человѣкъ. Но было ли это дѣйствительно самоумнѣніе, усыпившее послѣдній остатокъ здороваго самознанія, была ли это прости увѣренность въ томъ, что студенты дураки и ничего не понимаютъ и потому можно имъ подобными выходками внушить уваженіе къ своему авторитету, была ли это своего рода бессознательная хлестаков-

щина, въ своихъ собственныхъ иллюзіяхъ находящая отраду, что именно въ дѣйствительности было это — кто могъ бы сказать: темна и непонятна душа человѣка, особенно человека, влюбленнаго въ себя, и весь міръ — и небо и землю считающаго нустыками въ сравненіи съ его мизерными интересами и скрытными стремленіями туда, туда—гдѣ... генеральскій чинъ и проч.

Ничего лучшаго не давалъ профессоръ и въ своихъ курсахъ по исторіи католической реакціи и XIX в. А между тѣмъ, что можно было сдѣлать изъ курса, напр. XIX в. человѣку, дѣйствительно знающему, мыслящему и работающему? Трусливый профессоръ сознательно вычеркивалъ изъ исторіи XIX в. все, что составляетъ смыслъ и суть этой исторіи, стиралъ съ жизни западно-европейскихъ обществъ XIX в. всѣ краски ея, выжималъ изъ нея всѣ соки ея и затѣмъ, нисколько не смущаясь, повѣствовалъ о короляхъ, конгрессахъ и военныхъ походахъ. Скучными тѣнями, мертвыми зыбями, деревянными фигурами, гниющими трупами наполнялъ онъ весь западно-европейскій міръ XIX ст. и самый скучный и мертвый думалъ скрыть отъ насъ все это аппеляціей къ наукѣ, размахиваніемъ выхоленныхъ рукъ и осанкой храбрящагося чиновника, еле-еле преодолевающаго страхъ и трепетъ. Уважая науку, уважая просто правду, могъ ли бы онъ столь сложный переплетъ социальнихъ, экономическихъ и политическихъ отношеній, какъ XIX в., обратить въ плоскій протоколъ департамента полиціи? Зачѣмъ онъ брался за столь страшный для него сюжетъ, зачѣмъ онъ «руку подымалъ»? Если онъ думалъ, что нельзя говорить „всего“, если онъ думалъ, что роль его при изложеніи исторіи XIX в. должна свестись къ роли тѣхъ увѣковѣченныхъ исторіей русскихъ цензоровъ, которые въ свое время страшились просто выраженія «аѳинская республика», если онъ думалъ это, то зачѣмъ же было брать на себя эту преступную и недостойную роль, зачѣмъ было вообще объявлять курсъ исторіи XIX ст.? Не для того ли, чтобъ потомъ было извѣстно, что такой то профессоръ въ Варшавск. Унив. читалъ курсъ XIX в. „Онъ—либераль, онъ — независимый, онъ — просвѣщенный“, скажутъ тѣ, передъ кѣмъ важно зарекомендовать себя съ этой стороны, ибо кто посмѣетъ, кто можетъ подумать, что профессоръ, читающій исторію XIX в., обращаетъ ее въ нѣчто оскорбительное для науки и правды; кто спросить студентовъ, кто провѣритъ? тѣ же, кѣмъ чины даются, скажутъ: «онъ — благоразумный, онъ серьезный, настоящій», ибо они то провѣритъ могутъ, они получаютъ программу, до нихъ дойдутъ жалобы студентовъ, а что можетъ лучше ре-

комендовать профессора, какъ ни жалобы «крамольной» молодежи. Но можетъ быть тутъ играло роль просто невѣжество то специфически академическое невѣжество, которое закрываетъ отъ глазъ все жизненное и существенное и выдвигаетъ на первый планъ все, что является лишь дымомъ и гарью жизни. А невѣжества нашъ профессоръ дѣйствительно не страшился. Можно сказать съ увѣренностью, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ несомнѣнно сознавалъ свое невѣжество и тѣмъ не менѣе какъ разъ въ этихъ случаяхъ онъ бывалъ особенно храбрый мужчина. Едва-ли можно сомнѣваться, напр., что онъ сознавалъ, въ какомъ вопіющемъ состояніи находятся его знанія по исторіи древней Греціи, и, несмотря на это, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ онъ брался за курсъ исторіи древней Греціи, ни разу не подумавъ хоть скольконибудь поработать въ этомъ направленіи, хоть скольконибудь освободиться отъ необходимости, вмѣсто серьезнаго дѣла, говорить пустыя фразы, вмѣсто научнаго матеріала, давать презрительные жесты, ничего не говорящее чмоканье и чрезвычайно важную мину. И весь курсъ древней исторіи въ тотъ именно моментъ развитія науки, когда античный міръ сталъ притягивать къ себѣ вниманіе образованныхъ людей и онъ явился передъ нами совершенно инымъ сплетеніемъ соціально-экономическихъ и культурныхъ явленій, чѣмъ это представляли себѣ раньше, весь курсъ древней исторіи въ рукахъ нашего профессора превращался въ жалкое лепетаніе о никому ненужныхъ явленіяхъ и фактахъ. Куда дѣвались тѣ стороны древнегреческой исторіи, которыя намъ студентамъ были извѣстны хотя бы изъ извѣстной книжки Аландскаго? Были ли профессору извѣстны труды Бузольта, Гиро, Франкотта, Мейера, Белоха, Пельмана и т. д.? Да, онъ упоминалъ объ нихъ, чаще предпочитая имъ Курціуса, Грота, Куторги, Іегера и т. д., но читалъ ли, зналъ ли онъ ихъ въ дѣйствительности? Можно ли было, зная ихъ, утверждать напр., что Пельманъ и Тэнъ съ одной стороны, Мейеръ и Фюстель де Куланжъ съ другой — держатся однихъ и тѣхъ-же методовъ изслѣдованія вообще и пониманія древняго міра въ частности? Можно ли было, зная дѣйствительное состояніе исторической науки, утверждать что работы Perrot и Chirriac дають все, что только можетъ дать современная наука по исторіи древности? Профессоръ рѣшительно ничего не дѣлалъ, являлся въ аудиторію, не зная, что и какъ онъ будетъ говорить, съ багажемъ, который годами не тяжелѣлъ и уплотнялся, а наоборотъ, таялъ и испарялся. Онъ не могъ не понимать и не знать этого. Да, онъ зналъ, онъ понималъ это, и ни разу не хватило у него мужества

или совершенно отказаться отъ науки или же засѣсть и поработать. Напротивъ, онъ высоко держалъ свою голову, онъ съ улыбкой презрѣнія говорилъ о блестящей книгѣ Винпера по исторіи древней Греціи, и смѣя глядѣть въ глаза свидѣтелямъ своего святотатственнаго отношенія къ древней Греціи, нерѣдко говорилъ студентамъ: «въ моемъ курсѣ исторіи Греціи, это, вы конечно помните, не такъ изображалъ я, какъ Винперъ, какъ иксъ» и т. д. Считалъ ли онъ за глупцовъ тѣхъ, кому онъ говорилъ это, или въ этотъ моментъ онъ искренно забывалъ свое собственное невѣжество и въ жестокой зависти желалъ утѣшить свое сердце «критикой»—не все ли равно для характеристики пустого ученаго чванства и чистопробной ученой хлестаковщины.

Но, можетъ быть, профессоръ, не готовясь къ лекціямъ и не трудясь надъ выработкой хоть сколько-нибудь сносныхъ курсовъ, ставилъ хорошо практическія занятія? Оба профессора всеобщей исторіи устраивали у насъ такъ назыв. семинаріи: по исторіи среднихъ вѣковъ практическимъ занятіямъ посвящалось обыкновенно 2 необязательныхъ часа въ недѣлю, а по новой исторіи—одинъ, но зато обязательный часъ. Тѣмъ не менѣе на практическія занятія по новой исторіи никто почти не являлся, а если и являлся, то какъ на пытку, въ то время, какъ на семинаріяхъ проф. Петрушевскаго всегда было множество студентовъ историко-филол. и юридич. факультета и шла бойкая, дружная, увлекательная и плодотворная работа. И неудивительно: практическія занятія по новой исторіи представляли собою просто комедію, единственную цѣлью которой было, чтобы въ концѣ академическаго года въ отчетѣ вдругъ появилось: по новой исторіи устраивались такія-то практическія занятія. Профессоръ въ буквальномъ смыслѣ этого слова не зналъ, что дѣлать на этихъ практическихъ занятіяхъ. То, бывало, принесетъ документы по исторіи папъ, и студенты должны были вслухъ переводить ихъ, то вдругъ принесетъ отчеты папскихъ нунціевъ и опять начинаются бессмысленные, совершенно ненужные переводы, то вдругъ раздастъ студентамъ мелкія работы проф. Лучицкаго, и они должны были писать „рефераты“, а затѣмъ прочитывать ихъ въ аудиторіи, то, ни съ того ни съ сего, начнетъ „изучать“ историческую географію и т. д. и т. д. Студенты убійственно скучали, ничего рѣшительно на этихъ практическихъ занятіяхъ не получали, злились на профессора, не умѣвшаго сообщить имъ хоть что-нибудь новое и важное, дать имъ хоть какія-нибудь практическія научныя указанія, а профессоръ зѣвалъ, поминутно смотрѣлъ на часы и въ свою очередь злился, что студенты нонимаютъ его. И тѣмъ

не менѣе профессоръ гордился своими практическими занятіями, рассказывая людямъ, не знающимъ, что дѣлается въ Варшавск. Унив.: „на моихъ семинаріяхъ... изъ моихъ семинарій“ и важно критикуя постановку практическихъ занятій въ другихъ университетахъ и у другихъ профессоровъ. Да, онъ гордился, такъ какъ ничего ему не нужно было, кромѣ проформы, кромѣ права указать на голый фактъ, а до того, что дѣлается подъ прикрытіемъ этого факта, кому какое дѣло, кромѣ студентовъ,—ну, а студенты ни чиновъ не даютъ, а въ Варшавѣ и профессорской репутаціи не создаютъ. Правда, случалось при этихъ баснеописаніяхъ профессора передъ своими „друзьями“ изъ другихъ университетовъ присутствовать иногда и студентамъ,—въ такомъ случаѣ онъ прибѣгалъ къ приему того человѣка, зазывающаго въ балаганъ, котораго Л. Толстой видѣлъ въ Парижѣ: очень интересно, очень интересно, входите,—кричалъ этотъ человѣкъ: вотъ этотъ господинъ только что былъ тамъ и знаетъ, какъ интересно,—указывалъ онъ на Толстого. Что могъ сказать Толстой? опровергать и возражать? *).

Итакъ, вотъ она—всеобщая новая исторія въ Варшавскомъ Университетѣ, и не должно быть больно и обидно полякамъ, всё это знающимъ и нереживающимъ на своей шкурѣ? И не должно подняться въ сердцѣ ихъ негодованіе? Тутъ же въ Варшавѣ живетъ ученый, обширныхъ познаній, глубокой и безкорыстной любви къ наукѣ, никакихъ чиновъ, никакихъ привиллегій и доходовъ не дающей ему, ученый, несмотря на неблагоприятныя для него условія научной работы, даже въ дни своей старости идущій все далѣе и далѣе, дающій одинъ трудъ за другимъ,—и тѣмъ не менѣе не онъ занимаетъ кафедру новой исторіи въ Варшавск. Универс. Я говорю о г. Корзонѣ **). Полякъ по національности и человѣкъ строго послѣдовательный и прямой въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ долженъ уступить мѣсто представителю привилегированной націи, русскому, застывшему надъ своими диссертациями, профанирующему науку, ненавистнику поляковъ, человѣку неопредѣленныхъ общественныхъ и политическихъ взглядовъ, не спасающихъ его даже отъ трепета передъ указательнымъ пальцемъ квартальнаго и позволяющихъ ему въ однихъ случаяхъ вдругъ покраснѣть и щеголять краснымъ цвѣтомъ, въ другихъ,—вдругъ сдѣлаться лиловымъ, въ

*) Къ сожалѣнію, точно привести эту картину, рассказанную Толстымъ, я не имѣю возможности и принужденъ довѣриться тутъ одной памяти.

**) Этимъ я не думаю сказать, чтобы г. Корзонъ, какъ историкъ, стоялъ на высотѣ современныхъ научныхъ воззрѣній. *Ceteris paribus* онъ во всякомъ случаѣ работающій и любящій свое дѣло ученый.

третьихъ—вдругъ перекраситься во всѣ цвѣта благонадежности, умѣренности и аккуратности, „солидности“ и „благоразумія“. Съ крупнымъ ученымъ, съ профессоромъ, поднимающимъ молодежь, просвѣщающимъ ее, высоко держащимъ знамя науки и превосходно исполняющимъ свой учительскій долгъ, можно было-бы примириться; тогда можно было-бы, но крайней мѣрѣ, сказать: да, каѳедру занимаетъ русскій, но зато настоящій просвѣтитель и ученый *). Но знать, что онъ занимаетъ каѳедру только потому, что онъ русскій, знать, что онъ даже своими научными и общественными воззрѣніями не можетъ удовлетворить ни одинъ изъ элементовъ даннаго общества, знать, что онъ возможенъ только въ Варшавск. Унив., что въ другомъ универс. онъ давнымъ давно уже былъ-бы освистанъ студентами,—какъ должно быть обидно и горько знать все это! **) И они эти виновники ненависти поляковъ и «презрѣнія» ихъ къ русской наукѣ и культурѣ, они осмѣливаются, послѣ этого, говорить о нетерпимости поляковъ, они осмѣливаются возмущаться польскимъ обществомъ, они осмѣливаются своими руками касаться святынь многострадальнаго народа, они осмѣливаются считать себя представителями русской культуры, русскаго общественнаго сознанія и русской науки!

Отъ всеобщей исторіи перехожу къ исторіи Россіи. Въ Варшавскомъ Универс. исторія Россіи занимаетъ особенное мѣсто въ ряду другихъ предметовъ преподаванія. Слушать исторію Россіи обязаны не только студенты историко-филологическаго факультета, но и студенты-юристы въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Предполагается, что это необходимо для руссификаціи польской молодежи, для ознакомленія ея съ „правдивымъ освѣщеніемъ“ судебъ русскаго народа и русской государственности, для борьбы, такимъ образомъ, со „склонностью“ польской литературы представлять прошлое и настоящее Россіи, какъ царство варварства и тьмы. Уже одна такая постановка вопроса ясно показываетъ, насколько научными являются въ дѣйствительности тенденціи Варшавскаго университета. Тутъ и лежитъ объясненіе тому странному, какъ думаютъ нѣкоторые поляки, факту, что преподаваніе исторіи Россіи въ Варшавск. Унив. всегда находилось

*) Извѣстно, съ какимъ уваженіемъ вспоминаютъ тѣ же самые поляки профессорскую дѣятельность въ Варшавск. Унив. Н. И. Карѣва. Точно также, кромѣ уваженія и благодарности, ничего другого не пытаются они и къ проф. Петрушевскому.

**) Тутъ необходимо подчеркнуть еще разъ, что нашъ проф. всеобщей исторіи такимъ рисуется именно по своимъ лекціямъ: наоборотъ, работы его совершенно иного характера.

въ рукахъ людей, отличавшихся непроходимымъ невѣжествомъ, абсолютной свободой отъ всякихъ слѣдовъ западно-европейскаго просвѣщенія и неслыханной научной первобытностью. Въ самомъ дѣлѣ, „правдивое“ освѣщеніе минувшихъ судебъ русскаго общества и государства на языкѣ официальной Россіи всегда значило служеніе „патріотизму“, „народной гордости и любви къ отечеству“. Самое преподаваніе исторіи Россіи, съ точки зрѣнія этихъ патріотовъ, должно быть не чѣмъ инымъ, какъ „зеркаломъ поученія и воспитанія“, манифестаціей величія „русскаго духа“ и громомъ литавровъ и барабановъ на страхъ врагамъ. Таковой, несомнѣнно, только таковой и должна быть исторія Россіи въ Варшавск. Унив., въ этомъ „русскомъ научномъ оазисѣ въ царствѣ иноплеменниковъ“, по живописному «патріотическому» выраженію одного изъ представителей этого убѣжища „русскаго“ научнаго „духа“ въ Царствѣ Польскомъ. Можно-ли себѣ представить, чтобъ за такую позорную задачу взялся крупный ученый, имѣющій въ виду прежде всего интересы науки, независимаго изслѣдованія даннаго конкретнаго матеріала въ чисто теоретическихъ цѣляхъ. Какое можетъ быть дѣло такому дѣйствительно ученому историку до «патріотическихъ» завываній и до специфическаго духа «русскаго» университета въ „царствѣ иноплеменниковъ?“ Какъ можетъ научно настроенный человѣкъ, берегущій въ сердцѣ своемъ святыню истины, какъ можетъ онъ излагать исторію Россіи съ какой-то особенной „русской“ точки зрѣнія, хотя-бы онъ по своимъ общественнымъ и политическимъ симпатіямъ и былъ „русскимъ“ патріотомъ? Представьте себѣ на кафедрѣ исторіи Россіи въ Варшавѣ, напр., такого замѣчательнаго знатока и истолкователя ея, какъ Милюковъ. Несомнѣнно передъ слушателями въ его лекціяхъ встала бы во весь свой ростъ настоящая наука, не знающая ни эллина, ни іудея, развернулась-бы увлекательная картина историческаго процесса, говорила-бы вспыхивая и воспламеняя живая человѣческая мысль—и они, эти слушатели, несмотря на то, что это—русская исторія и русскій профессоръ, были-бы увлечены и удивлены, и въ сердцѣ ихъ затеплилась-бы любовь и проснулось-бы пониманіе той простой и чистой истины, что наука, оставаясь наукой, всегда увлекательна въ какихъ-бы національныхъ рукахъ ни находилась она. Такъ было напр., на самомъ дѣлѣ съ лекціями проф. Петрушевскаго. Но можетъ-ли съ этимъ примириться официальный «русскій» исторіотизмъ? На что ему любовь къ наукѣ, возбужденная русскимъ? Что ему до любви поляка къ русскому профессору? Не все-ли ему равно, понимаетъ полякъ или нѣтъ, что наука не знаетъ національ-

ныхъ различій, что и въ рукахъ русскаго она можетъ оставаться на своей прекрасной высотѣ всечеловѣческой правды! Что ему до просвѣщенія, до истины, до простой даже правды? Пусть излагаетъ исторію Россіи не Милюковъ, а Иловайскій, пусть наука будетъ унижена и протитуирована, пусть придутъ на мѣсто талантовъ, оплодотворенныхъ научнымъ духомъ и силою независимой мысли, ничтожества, неспособныя подняться выше пресмыкающихся червей, портящихъ книги,— пусть придутъ и господствуютъ, лишь-бы только торжествовалъ „активный“ „патріотизмъ“, лишь-бы только „Русью пахло“—такъ разсуждаетъ истинно-русская политика. И они приходятъ и господствуютъ и активный патріотизмъ проявляютъ, ибо кто-же, кромѣ ничтожествъ, кромѣ червей и летучихъ мышей, за чинъ, за званіе продастъ душу, свято-татственно занесетъ преступную руку надъ наукой, загадитъ ея „святая святыхъ“. Правда, въ душѣ польскихъ слушателей подымется чувство негодованія, ненависти и озлобленія, самое имя русскаго станетъ въ ихъ глазахъ синонимомъ тиранніи, невѣжества и татарщины, но зато, думаетъ официальная Россія, они поймутъ „силу“, страхомъ и трепетомъ преисполнятся ихъ сердца, а это пужнѣе и безопаснѣе мира, любви и пониманія. Да, официальная Россія не примиренія поляковъ съ русскими, не взаимнаго пониманія польскаго и русскаго общества, не взаимныхъ культурныхъ услугъ желаетъ, а покорности и рабства со стороны поляковъ по отношенію къ русскимъ и „господства“ и „патріотизма“ со стороны русскихъ по отношенію къ полякамъ. Не понятно-ли послѣ этого, почему въ Варшавѣ, напр., всякая дѣятельность русскаго, привлекающая симпатіи поляковъ, считается въ официальныхъ сферахъ опасной и крамольной, подвергаясь нерѣдко всяческимъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Итакъ, вотъ почему въ то время, которое тутъ воспроизводится, преподаваніе русской исторіи въ Варшавск. Унив. находилось въ рукахъ такихъ „представителей науки“, какъ „извѣстный“ профессоръ Цвѣтаевъ и не менѣе „извѣстный“ Филевичъ, авторъ... „Исторіи Древней Руси“, этого классическаго образца научной плоскости и чисто-скалозубовской смѣлости людей, вытянувшихъ голову и, съ оскаленными зубами, протянувшихъ свои цѣпкія руки въ сторону святыхъ просвѣщенія, когда изъ нихъ были изгнаны „призванные и достойные“, когда тучами, дымомъ и чадомъ реакціи заволокло наше русское небо.

„Профессоръ“ Филевичъ читалъ общій курсъ древней исторіи Россіи на первомъ курсѣ историко-филолог. и юридическаго факультета и затѣмъ „спеціальный“ курсъ студен-

томъ 3-го курса историко-филологическаго факультета; проф. Цвѣтаевъ—общій курсъ дальнѣйшей исторіи Россіи на 2 курсъ для студентовъ историковъ и юристовъ и затѣмъ „спеціальный“ курсъ на 4-мъ курсѣ историческаго отдѣленія. Такимъ образомъ раньше всего мнѣ пришлось познакомиться съ изложеніемъ г. Филевича Я уже раньше слышалъ, что въ лицѣ г. Филевича придется познакомиться съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ экземпляровъ тѣхъ ученыхъ, которыхъ много развелось въ Россіи подъ просвѣщеннымъ покровительствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Съ напряженнымъ любопытствомъ я ожидалъ появленія профессора въ большой аудиторіи юридическаго факультета, биткомъ набитой вновь поступившими студентами, гдѣ должно было заговорить это дѣтище той „русской незыблемой чести“, которая, по характеристикѣ Некрасова, кричитъ: „Дай ножницы такія изобрѣсти, чтобы цѣлый міръ остричь въ плотную разомъ“. Пронесшійся шепотъ притворнаго восторга и молодой задорной насмѣшки очень скоро возвѣстилъ, что профессоръ уже „направился“ къ „исполненію своихъ обязанностей“. На каѳедрѣ появилась фигура сухопараго чловѣка, съ чрезвычайно развязными манерами, въ аудиторіи моментально воцарилась мертвая тишина, юношескій смѣхъ и сарказмъ притаились, жадно ожидая обильной пищи, — и полилась рѣчь профессора, скачущая и прыгающая, то мыльнымъ пузыремъ подымаясь къ небесамъ, то безпомощной птицей—дурой падая на землю, то хромая и тупѣя, то оживляясь и пьянѣя. Это была лекція и какая лекція! Профессоръ „дѣлалъ введеніе“, онъ говорилъ о содержаніи своего курса, рассказывалъ о „методахъ“ „ислѣдованія“, о задачахъ и цѣляхъ русской исторіи, объ исторической критикѣ, о „языкѣ земли“ и т. п., въ концѣ концовъ о томъ, о семъ, а въ сущности ни о чемъ. Объ исторической наукѣ, оказывалось, онъ не имѣлъ и самаго отдаленнаго представленія и въ этомъ отношеніи являлся до такой степени жалкимъ, тѣмъ болѣе жалкимъ, чѣмъ болѣе апломба обнаруживалъ онъ, что становилось совѣстно и за него и за университетъ. Въ кругѣ его научныхъ понятій и представленій, въ его пониманіи жизни и исторіи все еще продолжали влечь свое жалкое существованіе старыя вѣрованія въ какія-то предопредѣленія русскаго народа, истасканныя давнымъ-давно рубища идеологіи „патріотическаго“ „русскаго“ происхожденія, словомъ, всякаго рода идейный хламъ, торжественно обитающій донинѣ лишь въ учебникахъ Иловайскаго да въ историческихъ „ислѣдованіяхъ“ чловѣкообразныхъ изъ „Россіи“, „Новаго Времени“ и т. п. вертеповъ. Съ наивностью

новорожденного младенца историкъ „Древней Руси“ обнаруживалъ полное незнаніе того, что происходитъ въ исторической наукѣ вообще и искренно воображалъ, что дальше Бестужева-Рюмина и Соловьева наука не пошла. Повидимому, онъ совсѣмъ не признавалъ той простой и обязательной для всякаго историка истины, что безъ знанія методовъ историческаго изслѣдованія и историческаго мышленія, выработанныхъ западно-европейской наукой, что безъ тщательной продуманности различныхъ соціологическихъ построеній и конструкций, игравшихъ и играющихъ роль въ исторической наукѣ, что безъ широкой общей научной подготовки не можетъ быть плодотворнаго изслѣдованія, не можетъ быть дѣйствительно нужной и двигающей впередъ, научной дѣятельности. Впрочемъ, кажется, большинство русскихъ историковъ не признаетъ этой истины. Кажется, большинство русскихъ историковъ убѣждено, что исторія Россіи это—одна наука съ *своими* методами и научными задачами, а исторія всеобщая—другая, со *своими* опять-таки методами и задачами. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ и научно-ли такое пониманіе дѣла само по себѣ? Конечно, ближайшіе методы и задачи изслѣдованія даннаго конкретнаго матеріала всегда бываютъ своеобразными въ зависимости отъ мѣста, времени, характера, объема и содержанія этого матеріала. Но методы построенія общей теоріи развитія общества и методы обще-историческаго мышленія должны быть одни, какъ собственно одна и самая историческая наука, лишь по объекту наблюденія и изслѣдованія въ томъ или иномъ случаѣ разбивающаяся на рядъ отдѣльныхъ дисциплинъ. Безъ близкаго знакомства съ этими общими методологическими теченіями въ исторической наукѣ, вообще, безъ знанія различныхъ построеній общественной эволюціи, существующихъ въ наукѣ, не можетъ быть вѣдь яснаго представленія о ближайшихъ цѣляхъ изученія и даннаго комплекса историческихъ явленій и о методахъ изслѣдованія, опредѣляемыхъ хотя-бы этимъ только, а не инымъ конкретнымъ историческимъ матеріаломъ. Какъ-бы вы могли, напр., представить отчетливо, научно и всесторонне процессъ развитія удѣльно-вѣчевой Россіи, не зная того, что сдѣлано по изученію феодолизма въ западно-европейской наукѣ, хотя-бы вы даже и отрицали феодализмъ въ Россіи? Какъ бы могло быть научно, въ высшемъ смыслѣ этого слова, изложеніе, напр., эволюціи аграрныхъ отношеній въ Россіи безъ достаточно основательнаго знакомства съ результатами и приемами изслѣдованія того-же предмета на западно-европейской почвѣ. Трудно представить себѣ такихъ изслѣдователей въ области русской исторіи, какъ Ключевскій, Лаппо-Данилевскій, Милю-

ковъ и т. д. безъ серьезной общеисторической подготовки, которая обнаруживается въ каждой ихъ работѣ, въ результатахъ и направленіи ея.

Но говоря обо всемъ этомъ мимоходомъ, я не думаю въ большинствѣ русскихъ историковъ видѣть однихъ лишь г. Филевичей. Я бы хотѣлъ только сказать этимъ, что всё дѣло въ степени общеисторической подготовки. Если большинство историковъ въ Россіи не можетъ сравняться по этой подготовкѣ съ Милюковымъ, Лаппо-Данилевскимъ и т. д., то всё-таки извѣстною степенью ея, хотя и совершенно недостаточною для цѣлей научнаго изслѣдованія, вѣроятно, обладаетъ. Господинъ же Филевичъ обнаруживалъ въ этомъ смыслѣ полное цѣломудріе. Дальше обычныхъ школьныхъ рамокъ и выше обычнаго школьнаго уровня, узаконеннаго учебниками Иловайскаго, этого великаго авторитета ташкентцевъ, знанія г. Филевича по всеобщей исторіи не шли. О существованіи цѣлага ряда теоретическихъ историческихъ вопросовъ онъ и не подозрѣвалъ, искренно думая, что высшимъ подъемомъ историко-философской мысли является, напр., дѣленіе русскихъ князей на типы—сѣверные и южные. Безсодержательный и дѣтскій лепетъ о „языкѣ земли“, простодушное разсужденіе о виѣшной и внутренней критикѣ текста, чисто первобытное пониманіе національнаго элемента въ исторіи— всё это у него сливалось въ представленіе о „методѣ“ и „наукѣ“, и это въ то время, когда даже поверхностное знакомство съ западно-европейскою наукою должно было-бы открыть глаза на тотъ шагъ, какой сдѣлала историческая наука отъ этихъ „пустяковъ“, уже давно ставшихъ элементарнымъ достояніемъ всякаго начинающаго историка, въ сторону углубленія и расширенія теоретическихъ задачъ. Уже самое поверхностное знакомство съ состояніемъ западно-европейской науки показало-бы ему, что даже о виѣшной и внутренней критикѣ текста, о которой онъ такъ много распространялся и впослѣдствіи на старшихъ курсахъ, что даже объ этой критикѣ приходится говорить совершенно иначе, гораздо тоньше, гораздо глубже послѣ того, что сдѣлано на западѣ по изученію источниковъ, послѣ тѣхъ пріемовъ и принциповъ, которые выработаны наукою для этого въ концѣ концовъ всё-таки элементарнаго анализа документовъ. Очень много говорилъ профессоръ и о доисторическихъ временахъ и объ антропологии и о первобытной культурѣ, но и тутъ чего-либо серьезнаго онъ не обнаруживалъ. Весь его багажъ сводился въ данномъ случаѣ, какъ можно было догадываться, къ Тэйлору и Нидерле, иногда онъ черпалъ кое-что изъ антропогеографіи Ратцеля, разумѣется, умалчивая объ источ-

никъ, но пониманія этого матеріала, попытки критическаго отношенія къ нему, сколько нибудь основательнаго знакомства съ этнологіей, столь необходимаго при изученіи начальныхъ моментовъ исторіи любого человѣческаго общества, открыть въ данномъ случаѣ нельзя было-бы даже съ микроскопомъ въ рукахъ. Какъ это часто бываетъ съ людьми невѣжественными, случайно что-либо узнавшими изъ недоступной имъ области, и въ своихъ мыслишкахъ и знаньихъ видящими что-то чрезвычайное, какъ это часто бываетъ съ новичками, воображающими, что за предѣлами ихъ „открытій“ уже нѣтъ ничего и потому говорящими объ нихъ съ авторитетнымъ и самодовольнымъ чувствомъ „взрослыхъ“ ученыхъ, такъ и нашъ профессоръ, повидимому совершенно случайно попавшій въ рѣшительно недоступную ему область этнографіи, филологіи и сравнительной географіи, съ видомъ Колумба говорилъ о „неждановскомъ“, „прогрессивномъ“, „обратномъ“ и т. п. методахъ, преувеличивая нерѣдко совершенно пустяшныя вещи, распространяясь часто съ „ученымъ видомъ знатока“ о вещахъ, только его испуганному воображенію казавшихся чѣмъ-то „научнымъ“, и часто, въ подраженіе взрослымъ, утверждая, что все это „такъ сказать, методика“, что все это, „такъ сказать“, „поселяетъ утѣшительную увѣренность въ томъ, что истина не пропадетъ“, хотя „такъ сказать процессъ ея торжества способенъ возбуждать грустныя мысли, такъ сказать“!

Курсъ древней исторіи Россіи и представлялъ собою не что иное, какъ чистѣйшій продуктъ всего этого хаотическаго состоянія профессорской учености, какъ отраженіе всей плоскости изложенной „философіи“ исторіи, всей той грустной научной репетиловщины, памятникомъ которой является „Исторія Древней Руси“, единственная въ своемъ родѣ книга во всей русской литературѣ по своему развязному невѣжеству, по ничтожеству умственной работы, исчерпанной ею, по удивительно единогласной оцѣнкѣ ея всѣми рецензентами, не пожалѣвшими для нея ни презрѣнія, ни саркастической насмѣшки. Чѣмъ курсъ этого профессора отличался отъ „курсовъ“ Иловайскаго? „Духомъ“, настроеніемъ, общими точками зрѣнія и пониманіемъ направленія русской исторической жизни отъ курсовъ Иловайскаго онъ отличаться не могъ, конечно, такъ какъ творецъ его—плоть отъ плоти и кость отъ кости той заскорузлой „науки“, въ которой Иловаискій—великій авторитетъ, такъ какъ однимъ „духовнымъ“ хлѣбомъ питаются они, одними надеждами живутъ, одними чувствами переполнены ихъ сердца, однихъ цѣлей ищутъ ихъ очи, боящіяся свѣта, негодованіемъ и озлобленіемъ искрящіяся при

видѣ подымающейся зари освобожденія, одними радостями трепещуть ихъ души, торжествующія и гогочущія при видѣ кулака, тяжелымъ молотомъ опускающагося на головы лучшихъ сыновъ Россіи, давящее все святое и свѣжее и очищающаго путь имъ, „патріотамъ“, „вѣрнымъ сынамъ“, имъ, „истиннымъ“. Но количествомъ и качествомъ матеріала, объемомъ и рамками курсъ нашего профессора все-таки могъ-бы отличиться отъ учебниковъ Иловайскаго, еслибъ профессоръ хоть внѣшнимъ образомъ владѣлъ предметомъ настолько, насколько это необходимо для преподавателя высшаго учебнаго заведенія и еслибъ онъ хотя до извѣстной степени могъ приблизиться къ тому, чѣмъ владѣетъ хоть тотъ-же Иловайскій, не весь, какъ извѣстно, уложившійся въ свои школьныя писанія для „старшаго возраста“. Не говоря уже о томъ, что въ курсѣ нашего профессора нельзя было найти и намекъ на попытку заглянуть въ соціальную и экономическую жизнь, не говоря уже объ этомъ въ высокой степени грубомъ и невѣжественномъ отношеніи къ историческому процессу, нельзя было не поражаться той легковѣсности, какой отличалось изложеніе одной только политической стороны исторической жизни русскаго народа, тому школьному и поверхностному пониманію такихъ явленій, какъ удѣльные отношенія, какъ ростъ княжеской власти и т. п., которое обнаруживалъ профессоръ, тому воспроизведенію культурнаго бытія минувшихъ временъ, которое дальше средневѣковыхъ представленій не шло. Профессоръ какъ будто-бы не слышалъ о такихъ замѣчательныхъ обзорахъ историческаго развитія русскаго общества и государства, какъ лекціи профессора Ключевскаго, въ литографированномъ видѣ въ то время обошедшія почти всю мало-мальски образованную Россію, или о такихъ попыткахъ синтезировать монографическія изслѣдованія въ единую обшую историко-соціологическую картину съ углубленіемъ и съ большимъ расчлененіемъ основныхъ линий, намѣченныхъ Ключевскимъ, какъ извѣстные „Очерки“ Милюкова, уже въ то время давашіе каждому мало-мальски интересующемуся студенту надлежащій научный масштабъ для опредѣленія точки развитія, какой достигла уже исторія Россіи, какъ наука, и требованій, какія слѣдуетъ предъявлять къ „курсамъ“ и „обзорамъ“. Смѣло и дерзко профессоръ проходилъ мимо всего, чѣмъ богата русская исторіографія, и, несмотря на весь свой патріотическій пылъ, развертывалъ передъ своими слушателями-поляками такую по существу блѣдную и сѣрую картину, такія пустыни небытія и прозябанія, мрака и дикости что становилось вчужѣ обидно за „официальный патріотизмъ“, только такихъ защитниковъ

и слугъ находящій, только въ такихъ рыцаряхъ приобрѣтающій руку, размахивающую картоннымъ мечомъ въ воздухѣ для посрамленія и пораженія „враговъ“: слюнявыя выкрикиванія о князьяхъ-герояхъ, о князьяхъ-идеалистахъ, о князьяхъ-практикахъ, восторженныя, вспрыснутыя морфіемъ восклицанія о расчищеніи лѣсовъ, о великихъ передвиженіяхъ и т. д. и т. д.—все это кликушество, разумѣется не могло закрыть отъ глазъ слушателей пустынь и дебрей, ибо не восклицаніями и не „патріотизмомъ“ достигается это, а научнымъ пониманіемъ и отношеніемъ къ дѣлу, основательностью и зрѣлостью мысли и знанія, чего какъ разъ въ распоряженіи курьезнаго профессора и не оказывалось. Понятно, что студенты являлись на экзамены и не думая заглядывать въ его курсъ, такъ какъ достаточно было хорошо помнить гимназическій учебникъ Иловайскаго или возстановить его въ памяти, затѣмъ достаточно было хорошо усвоить фразеологию о „неждановскомъ методѣ“ и „языкъ земли“—и профессора легко можно было заставить съ удивленіемъ раскрыть ротъ, искренно поражаться „серьезной подготовкѣ“ студентовъ и сыпать пятерками направо и налево. О, какъ жалко становится его еще и теперь изъ прекраснаго далека воспоминаній! Какъ жалко становится вообще „истинной“ Россіи, только и состоящей изъ такого рода мужей ума и совѣта, и какъ радостно становится за молодую Россію которой должно быть „приятно видѣть своихъ враговъ уродами!“

Еще разъ пришлось встрѣтиться съ тѣмъ-же профессоромъ на 3 курсѣ историческаго отдѣленія и тутъ ближе познакомиться съ его умственными горизонтами, съ глубиною его научныхъ интересовъ, со всею его научною и общественной фізіономіей. Онъ долженъ былъ читать спеціальныя курсы, но онъ на первой же лекціи объявилъ намъ, что весь смыслъ своихъ занятій съ нами, историками, онъ видитъ не столько въ своихъ лекціяхъ, сколько въ нашихъ самостоятельныхъ работахъ и въ свободномъ обсужденіи совмѣстно съ нимъ различныхъ относящихся къ предмету его преподаванія научныхъ вопросовъ. Лучшаго, конечно, желать нечего было. Можетъ-ли быть сомнѣніе въ томъ, что лишь самостоятельная, активная работа молодого ума, что лишь свободное обсужденіе научныхъ вопросовъ, надлежащимъ образомъ руководимое и поставленное, что лишь эта, такъ сказать, лабораторная работа вводитъ начинающаго человѣка въ міръ настоящихъ научныхъ интересовъ, открываетъ ему пути познанія, — вооружаетъ его необходимыми методическими и литературными навыками, неразрывными нитями связываетъ съ увлекательнымъ процессомъ коллективнаго научнаго

творчества и наполняетъ душу его пріятнымъ, въ высокой степени воспитательнымъ и дисциплинирующимъ переживаніемъ этого процесса—все равно въ какой степени и дозѣ? Но какъ разъ вотъ это требуетъ отъ профессора гораздо большаго, нежели просто чтеніе лекцій. Въ аудиторіи на кафедрѣ профессоръ можетъ выбрать тему, излагать ее по тѣмъ или инымъ пособіямъ, говорить, не заботясь о вопросахъ, которые могутъ подняться въ томъ или иномъ студентѣ, тутъ онъ не рискуетъ наткнуться на подводные камни, встрѣтиться съ неожиданными требованіями, можетъ не проникать въ самую суть, на самое дно своего предмета, — въ лабораторіи же, наоборотъ, онъ уже долженъ быть во всеоружіи своей науки, ея проводникомъ и представителемъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова: тутъ наука, такъ сказать, въ немъ должна получить свое воплощеніе и то, что наука могла-бы дать на данный вопросъ, возникшій хотя-бы случайно, онъ, ея представитель, долженъ дать, не колеблясь и не сомнѣваясь. Но, если къ историку, имѣющему дѣло съ необозримымъ моремъ явленій, наблюденій и комбинацій и обыкновенно сосредоточивающемся лишь на одномъ незначительномъ уголкѣ этого океана, и нельзя предъявлять такого требованія въ полномъ объемѣ, то все таки едва-ли можно отрицать, что *руководитъ* самостоятельными занятіями студентовъ къ тому же специализирующихся въ данной области знанія, можетъ только широко образованный и серьезно подготовленный научно профессоръ. Въ семинаріяхъ Лампрехта, Пельмана, Эд. Мейера, Шмоллера очень часто встрѣчаются молодые люди, которые по данному спеціальному вопросу знаютъ гораздо больше своихъ руководителей, — одинъ изслѣдуетъ, скажемъ, торговлю въ 13 в. спеціально двухъ какихъ нибудь ганзейскихъ городовъ, другой пишетъ, положимъ, работу о шелковой промышленности въ Ліонѣ въ XVI в. и т. д.,—и руководители въ данномъ случаѣ получаютъ отъ своихъ слушателей совершенно новый, нерѣдко и для нихъ поучительный матеріалъ и даже выводъ, но они несомнѣнно все таки выше своихъ учениковъ, они даютъ имъ руководящую нить, открываютъ имъ доступъ къ матеріалу не въ техническомъ, а въ чисто научномъ смыслѣ этого слова, помогаютъ имъ осмыслить этотъ матеріалъ, разрѣшаютъ сомнѣнія,—словомъ, создаютъ настоящую школу, гдѣ безраздѣльно витаетъ ихъ авторитетъ, импонирующій молодежи и наполняющій ее вѣрой въ науку, въ силу критическаго анализа и теоретической мысли. Но что сказать о руководителѣ, который не только и въ самой малой долѣ не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, который и самаго сла-

баго сравненія съ только что упомянутыми учеными не выдерживаетъ, сравненія оскорбительнаго для нихъ, но и представляетъ собою того „профессора“, того автора „Исторіи Древней Руси“, который охарактеризованъ выше? Что могли представлять собою самостоятельныя работы, руководимыя имъ? Какая могла быть польза отъ свободнаго обсуждения научныхъ вопросовъ, направляемаго имъ? И, дѣйствительно, все въ концѣ концовъ свелось къ бесплодной потерѣ драгоценнаго времени, къ безконечной скукѣ, и къ едва-ли поучительной демонстраціи беспомощности теоретической мысли и скудости и ограниченности образованія профессора. Прежде всего профессоръ остановился на вопросѣ о древней Руси, на разборѣ мнѣній Бѣла, Бенеке, Вольфа, затѣмъ какъ и на младшемъ курсѣ, явился на сцену опять тотъ-же Неждановъ съ его дѣйствительно интересными взглядами, далѣе пошли дальнѣйшіе разговоры о „славянской школѣ“, о „славянской наукѣ“, о Суровецкомъ, Шафарикѣ, Темберѣ, Миленгофѣ, но весь смыслъ невразумительныхъ и очень поверхностныхъ разговоровъ состоялъ не въ томъ, чтобы вызвать дѣйствительно самостоятельную работу студентовъ, а только въ томъ, чтобы доказать, что книга профессора „Исторія Древней Руси“—замѣчательное изслѣдованіе, что какъ онъ заявлялъ многозначительно, „пересматривая свою работу самымъ тщательнымъ образомъ, онъ по совѣсти ничего исправить не находитъ возможнымъ“, и что „процессъ торжества истины вообще способенъ возбуждать грустныя мысли.“ Профессоръ просто обнаруживалъ неособенно глубокое знаніе различныхъ „мнѣній“, заставлялъ студентовъ излагать ихъ по первой части своей уже названной книги, и это называлось критическимъ изученіемъ вопроса о началѣ Руси. Только изрѣдка подымались вопросы, и то по инициативѣ студентовъ, о различныхъ теоріяхъ, существующихъ въ наукѣ по данному вопросу, но какъ грустны бывали эти моменты, какъ ужасно бывало въ этихъ случаяхъ положеніе профессора! Имена Аксакова, Соловьева и т. д. вызывали на его устахъ улыбку восхищенія, съ чувствомъ патріотическаго восторга говорилъ онъ о славянофилахъ, снисходительно и съ тономъ человѣка, не желающаго тревожить прахъ почившихъ, упоминалъ онъ о западникахъ, но войти въ ближайшую оцѣнку и въ болѣе или менѣе исторической и соціологической анализъ этихъ различныхъ теченій русской общественной мысли, привлечь ко всему этому конкретный матеріалъ, прослѣдить ту или иную точку зрѣнія, ея трансформацию, ея изгибы и повороты въ исторической литературѣ, показать, какъ различные капитальные вопросы, связанные съ изуче-

ніемъ исторіи Россіи, получали то или иное рѣшеніе въ зависимости отъ этихъ общеисторическихъ концепцій, всего этого продѣлать профессоръ былъ рѣшительно не въ состояніи. Не былъ въ состояніи онъ даже просто обосновать свои симпатіи къ славянофильству и болѣе чѣмъ критическое отношеніе къ западничеству, и на возраженія, дѣлаемыя между прочимъ, въ видѣ вопросовъ, онъ не находилъ почти никакого болѣе или менѣе вѣскаго, аргументированнаго отвѣта. Малѣйшее уклоненіе въ сферу теоретическихъ разсужденій, неизбѣжныхъ при обсужденіи такого рода вопросовъ, вызывало въ немъ какую-то, правда, едва уловимую, растерянность, и тутъ-то оказывался онъ особенно прижатымъ къ стѣнѣ, корчась въ мукахъ невѣдѣнія и непониманія. Какъ къ спасителямъ, какъ къ авторитетамъ, передъ однимъ дыханіемъ которыхъ должны разсыпаться невѣдомыя ему теоріи разныхъ тамъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ ученыхъ, онъ обращался въ этихъ случаяхъ къ Данилевскому и къ К. Леонтьеву, но что дѣльнаго и научнаго могли они отвѣтить на вопросы о расѣ, о происхожденіи націи, о факторахъ историческаго процесса, о прогрессѣ, объ историческихъ законахъ и т. д., что можно было, основываясь только на ихъ теоріяхъ, сказать противъ соображеній и наблюденій, выдвинутыхъ западноевропейской наукой, къ тому-же соображеній и наблюденій, въ которыхъ профессоръ не разбирался, какъ новорожденный, или, можетъ быть, какъ существо, чуждое „земныхъ страданій и борьбы, земныхъ восторговъ и надеждъ“. Взять, напр., теорію культурныхъ типовъ Даниловскаго. Не говоря уже о томъ, какимъ надо быть отсталымъ по образованію человѣкомъ, чтобы умудриться остаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, когда все вокругъ течетъ, когда въ шумныхъ волнахъ смѣняющихся и нарастающихъ, углубляющихся и расширяющихся научныхъ теченій старое мѣняется до неузнаваемости, появляются новые побѣги, не говоря уже объ этомъ, возможно-ли хоть сколько нибудь удовлетворительно даже отстаивать эту теорію культурныхъ типовъ, не зная современныхъ, этнологическихъ, социологическихъ и экономическихъ возрѣній. Или взять, напр., такой вопросъ, какъ происхожденіе общины. Достаточно-ли современному ученому историку, руководящему молодыми людьми, специализирующимися въ исторической наукѣ, достаточно-ли ему въ данномъ случаѣ всего только разбираться во взглядахъ славянофиловъ, Чичерина и Бѣляева? Можетъ-ли профессоръ, и понятія не имѣющій, въ какомъ положеніи этотъ вопросъ находится въ западноевропейской этнологической и исторической литературѣ, дать въ данномъ

случаѣ хоть какое-нибудь дѣльное указаніе студенту, направить его работу, вдохнуть въ нее широту научнаго интереса и вложить остроту научнаго анализа? Но оставляя въ сторонѣ все это, можно было-бы все таки примириться съ „узкимъ специалистомъ“, если-бы этотъ специалистъ былъ дѣйствительно специалистъ въ истинномъ т. сказать нѣмецкомъ смыслѣ этого слова, что-бы онъ войдя въ сферу своей специальности имѣлъ право сказать: „я царствую: послушна мнѣ, сильна моя держава!“ Нашъ профессоръ этого права однако не имѣлъ, и вотъ почему, вѣроятно, поставивъ вопросъ о происхожденіи Руси, дальше „языка земли“ итти не рисковалъ и занимался Миленгофами, вмѣсто того, что было-бы болѣе къ лицу настоящему специалисту и дѣльному педагогу—руководителю, и полезнѣе для студентовъ, — напр., хотя бы изученія и анализа начальной лѣтописи со всѣми привходящими сюда проблемами, методологическими указаніями и сравнительно-историческими иллюстраціями. Можно подозрѣвать, что такая чисто научная задача нашего профессора и не интересовала, что не наукой желалъ онъ заниматься, а главнымъ образомъ „предохраненіемъ“ молодыхъ умовъ отъ „разъѣдающихъ“ и „гибельныхъ“ теорій „всякихъ критиковъ“ націонализма и славянофильства, о которыхъ нынѣшніе пѣвцы „славянскихъ идей“, съ легкой руки К. Леонтьева обратившихся въ официальную философію департамента полиціи, говорятъ, какъ о разбойникахъ и крамольникахъ. Иначе зачѣмъ было такъ увлекаться желаньемъ „раскритиковать“ Милюкова, какъ это дѣлалъ нашъ профессоръ? Милюковъ былъ, повидимому, его кашмаромъ, его бредомъ, его пыткой, и онъ заставлялъ студентовъ „критиковать“ „заблужденія“ этого представителя „не русскаго“ направленія въ русской исторической наукѣ. Въ аудиторіи совмѣстно со студентами онъ самымъ тщательнымъ образомъ прочитывалъ каждую строку изъ статей Милюкова въ „Энцикл. Слов.“ Брокгауза и Ефрона, останавливался на исторіографической работѣ его, на его „Очеркахъ“ — и громилъ, громилъ, громилъ... Признавая за Милюковымъ лишь литературный талантъ, онъ всѣми средствами силился доказать несостоятельность „милюковскихъ выходокъ“, онъ „открывалъ“, онъ иронизировалъ и простодушно думалъ, что изъ его громовъ и молній передъ глазами побѣжденныхъ слушателей встаютъ образы истинно русскаго духа, Данилевскихъ и Леонтьевыхъ — прекрасные, нетронутые, въ сіяніи непобѣжденнаго и непобѣदिмаго величія и торжества. А они, между тѣмъ, на самомъ то дѣлѣ стояли передъ нами точио приговоренные къ смерти, блѣдные, съ дрожащими губами, съ

глазами, полными безнадежной и бессильной злобы, глазами, которые съ тренетомъ глядѣди на новую жизнь, на новое солнце, гнавшее ихъ въ царство смерти, печали и гніенія. Какая трагедія для профессоровъ, подобныхъ этому критику „не русскихъ теченій“! Критиковать, нападать, громить врага, и вмѣсто своей побѣды, получать сугубое торжество его, вмѣсто его смерти видѣть безсознательное, а потому страшное, ужасное самоубійство, даже участья не возбуждающее,—ничего, кромѣ смѣха и случайно брошеннаго вниманія мимопроходящихъ людей! Это-ли не трагедія, отъ которой можетъ подняться скрежетъ зубовъ и непреодолимая страсть хоть висѣльцами, хоть бичами и топорами, хоть потоками крови и муками великихъ и прекрасныхъ говорить, какъ у Щедрина: „Безъ насъ дѣло не обойдется... шагу безъ насъ не сдѣлаютъ,—только зѣвать въ этомъ дѣлѣ не нужно, а слѣдуетъ разъ-разъ-разъ... Вашему превосходительству имѣю честь явиться!“

Другой профессоръ исторіи Россіи читалъ два курса: общій—студентамъ 2 курса историко-филологическаго и юридическаго факультета и спеціальный—студентамъ четвертаго курса историческаго отдѣленія. Это была очень комичная фигура. Круглый и приземистый, хитрый и ловкій и, когда нужно „убѣжденный“ и льстивый, онъ производилъ впечатлѣніе самаго истинно-русскаго урядника, попавшаго въ профессора въ силу той самобытной патріотической философіи, которая нашла классическое выраженіе въ историческихъ словахъ Кукольника: „прикажутъ—завтра-же буду акушоромъ“.

Наука въ его рукахъ получала характеръ какого то толченія воды въ ступѣ, превращалась въ безсвязное повѣствованіе о „дѣлахъ давно минувшихъ дней“, въ простое исполненіе служебныхъ обязанностей, въ передачу содержанія XIII и послѣдующихъ томовъ Соловьева и въ нѣчто ползающее, слѣпое, ни на минуту не способное поднять своей головы къ небу и смѣло глядѣть въ лицо солнцу и міру. И онъ самъ и его наука представляли собою несомнѣнно нѣчто до такой степени чуждое настоящаго духа изслѣдованія и обобщенія, настоящаго творческаго подъема и критической пытливости, что о какой бы ни было системѣ общихъ научныхъ представленій, о какихъ-бы то ни было чисто теоретическихъ задачахъ и цѣляхъ не могло быть въ данномъ случаѣ даже и рѣчи. Едва-ли онъ представлялъ себѣ не только ясно и отчетливо, но хоть смутно истинную суть историческаго познанія и едва-ли поэтому онъ обладалъ опредѣленнымъ пониманіемъ тѣхъ линій, по которымъ намѣчалось и развивалась историческая жизнь русскаго народа. Возникаетъ

даже вопросъ, сливались ли въ его головѣ отдѣльныя историческія наблюденія и явленія просто въ общую историческую картину, которая-бы представляла собою нѣчто хоть до нѣкоторой степени цѣльное и единое, нѣчто хоть съ какой либо точки зрѣнія продуманное и систематизированное. Было только совершенно ясно, что всѣ его вкусы и симпатіи выросли въ той атмосферѣ, которая, строго говоря, является не столько царствомъ науки, сколько задворкомъ этого царства. Это были вкусы и симпатіи книжнаго червя, буддиста въ худшемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ не безкорыстной любви къ „пыли вѣковъ“, столь характерной для Вагнеровъ, а въ смыслѣ копанія опредѣленного, „одобренного“ матеріала и въ смыслѣ извлеченія изъ этого вполнѣ опредѣленныхъ корней, съ наукой, какъ таковой, ничего общаго не имѣющихъ. Могло-ли на почвѣ этихъ вкусовъ и симпатій вырасти научное міропониманіе? Могла-ли эта почва дать просторъ широтѣ научнаго интереса? Могла-ли она не ослѣплять научнаго взора, не вносить въ процессъ воспроизведенія исторической картины суету, хаотичность и самой этой картины не разбивать на части, не превращать ее въ протоколъ, не обливать ее специфическимъ ароматомъ официальной науки? Просто книжный червь, просто Вагнеръ. уходить въ мелочи и подробности, собираетъ и группируетъ „факты“, рѣшительно стираетъ со своей духовной фізіономіи всякую индивидуальность, превращается въ аппаратъ, механически накопляющій „матеріаль“,—въ лучшемъ случаѣ возвышается до своеобразной философіи „позитивизма“, „исторической правды“ и „реализма“, которая однако, кстати сказать, не спасаетъ его отъ смертоноснаго вліянія этой атмосферы „фактовъ“, не вноситъ въ эту герметически закрытую область „учености“ ни одной свѣжей струи воздушнаго пространства, ни одного порыва быстро текущей жизни,—но онъ все таки можетъ представлять собою извѣстную научную цѣнность и заслуживать уваженія. Думая, что „большое наслажденіе повсюду наблюдать различный духъ временъ и какъ жилъ человѣкъ и какъ здѣсь мыслить онъ, и далеко-ль теперь развито просвѣщеніе“, такой Вагнеръ можетъ дать дѣйствительно громадный матеріаль въ руки истинно-ученыхъ людей, на внѣшнюю разработку, систематизацію и извлеченіе его изъ, такъ сказать, рудниковъ онъ можетъ отдать всего себя и быть, такимъ образомъ, полезнымъ и нужнымъ орудіемъ въ рукахъ науки. Но нужно при этомъ помнить двѣ вещи: во 1-хъ, нужно помнить, что и для этой подготовительной черной въ научномъ смыслѣ работы необходимо быть вооруженнымъ извѣстною глубиною спеціализаціи, из-

вѣстными техническими навыками и извѣстнымъ искусствомъ не фальсифицировать „факты“, что далеко не такъ легко, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ,—и во 2 хъ, нужно помнить, что совокупность даже всѣхъ этихъ навыковъ, всего этого искусства, всей этой спеціализаціи, всѣхъ, словомъ, вагнеровскихъ „академическихъ“ требованій, интересовъ и взглядовъ, что все это далеко еще не дѣлаетъ человѣка *ученымъ*, а науки *научной* въ истинномъ смыслѣ этого слова; какъ инструменты самые сложные и замѣчательные въ рукахъ естествоиспытателя всего лишь орудія, а не сама наука, такъ и эти „специалисты“; они лишь чернорабочіе въ наукѣ, которые только собираютъ кирпичи, даже обдѣлываютъ, шлифуютъ, такъ сказать, совершенствуютъ ихъ, но планъ, идея зданія и осуществленіе этой идеи и этого плана—ради чего и самые кирпичи оказываются нужными и необходимыми,—но вотъ все это проявленіе истиннаго творчества и истиннаго порыва дать отвѣтъ на ту или иную потребность жизни, на тотъ или иной вопросъ ея—все это не руками чернорабочихъ создается, а руками архитекторовъ, отъ которыхъ и они, эти чернорабочіе руки, получаютъ свой смыслъ и свое опредѣленное значеніе: каждый болѣе или менѣе значительный шагъ въ наукѣ всякій разъ дѣлался или тогда, когда появлялся сильный и властный архитекторъ, сразу превращавшій никому ненужную, оторванную отъ жизни работу тысячи чернорабочихъ въ нѣчто осмысленное, нужное и жизненное или тогда, когда въ такомъ чернорабочемъ въ тоже время оказывался и архитекторъ. Вотъ почему мы и не можемъ въ такого рода ученыхъ спеціалистахъ вмѣстѣ съ ними видѣть нѣчто, огмѣчающее ихъ какою-то особенною печатью премудрости, и вмѣстѣ съ ними думать, что они выше „толпы“ и что они заслуживаютъ особеннаго почтенія и вниманія со стороны ея; каждый изъ насъ имѣетъ право сказать о нихъ словами Герцена: „все это имѣетъ свою пользу, но несправедливость въ томъ, что они себя считаютъ по праву головою выше насъ, жрецами Паллады, ея любовниками, хуже—мужьями ея“. Такъ дѣло обстоитъ съ Вагнерами и то идеальными. Но что сказать о профессорѣ, которому даже до этого идеала далеко, какъ до звѣзды небесной. Да, нашъ профессоръ исторіи Россіи не былъ просто Вагнеромъ, просто архивнымъ и книжнымъ червемъ. Весь пропитанный въ научномъ смыслѣ интересами этого червя, онъ далеко однако не отрѣшался отъ роли архитектора. Напротивъ, онъ хотѣлъ быть архитекторомъ, но въ специфическомъ смыслѣ истинно-русскаго строителя, прислушивающагося къ голосу вдохновенія—да! но вдохновенія,

„одобреннаго и позволеннаго“ цензурою „сферъ“, которая у насъ въ Россіи, какъ извѣстно, и въ фельдфебелѣ умѣютъ открыть философа посильнѣе всякихъ Вольтеровъ. Нашъ Вагнеръ не могъ-бы отдать жизнь „большому наслажденію повсюду наблюдать различный духъ временъ—и какъ жилъ человѣкъ, и какъ здѣсь мыслилъ онъ“, не могъ-бы, „живя вдаль отъ свѣта, людей въ годъ разъ видѣть и то, какъ въ телескопъ, изъ оконъ кабинета“, для этого у него не хватило бы истинно вагнеровскаго самоотреченія во имя науки, самоотреченія, все таки почтеннаго, для этого у него несомнѣнно не было достаточной любви къ „матеріалу“, и онъ—человѣкъ земной суеты, чиновникъ Мин. Нар. Просв.—человѣкъ совершенно не способный подняться на высоту научнаго пониманія предмета, хотя бы только догадываться объ истинныхъ требованіяхъ теоретическаго познанія міра—историческихъ отношеній и движеній, онъ и входилъ весь въ роль того истинно русскаго архитектора, о которомъ только что говорилось нами. А извѣстно, какъ поступаютъ такого рода архитекторы. „Факты“, „явленія“, „отношенія“, „движенія“ изъ „дней минувшихъ“—все это наваливается ими въ одну груды, распредѣляется затѣмъ по группамъ, указаннымъ „патріотическимъ“ чувствомъ, потомъ накрывается крышей, полученной изъ заводовъ и фабрикъ, принимающихъ исключительно казенные заказы и, наконецъ, сверху ко всему этому прикрѣпляется національный флагъ съ надписью: „наука оправдываетъ насъ—страшись и трепещи, сушествовать; бей его, тащи и не пушай!“ О какой тутъ наукѣ можетъ быть рѣчь? Какая тутъ нужна особенная, хотя бы даже вагнеровская подготовка? И въ самомъ дѣлѣ, возьмите, напр., такого виднаго представителя этого „направленія“ въ русской исторіографіи, какъ Д. И. Иловайскій. Возможно-ли, мыслимо-ли назвать его человѣкомъ науки? Есть-ли въ его „Исторіи Россіи“ хоть одна строчка, продиктованная истинно научнымъ духомъ или даже просто хотя-бы вагнеровскою наукой. Не та-ли это наука, которая вся цѣликомъ основана на чисто отечественной „увѣренности въ нашей талантливости“, возбуждающей мысль, „что для насъ не полагается даже никакой профессиональной подготовки“, такъ какъ „всякая профессія доступна намъ, ибо ко всякой профессіи мы отъ рожденія вкусъ получили“¹⁾. не та ли это наука, которая невольно заставляетъ вспомнить мѣткія слова сатирика: „Человѣкъ, видѣвшій въ шкафу сводъ законовъ, считаетъ себя юристомъ; человѣкъ, изучившій форму кредитныхъ билетовъ,

¹⁾ Слова Щедрина.

называетъ себя финансистомъ, человѣкъ, усмотрѣвшій нагую женщину, изъявляетъ желаніе быть акушеромъ. Все это люди, не обремененные знаніями, которые въ „свѣжести“ своей почерпнуть рѣшимость для исполненія какихъ угодно приказаній, а въ практикѣ отыщутъ и секретъ для ихъ осуществленія“. Нашъ профессоръ новой исторіи Россіи не даромъ преклонялся передъ представителемъ этой „науки“? Иловайскій не даромъ представлялся ему однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ историковъ, котораго жестокое время разныхъ „революціонеровъ“ не желаетъ признавать по невѣжеству и въ жадѣ мести за „образъ мысли“, за героическую вѣрность великимъ завѣтамъ Мининыхъ и Пожарскихъ. Не даромъ онъ, ни разу не упомянувъ на своихъ лекціяхъ о трудахъ напр. Костомарова, Сергѣевича, Ключевского, Семевского, Лаппо-Данилевскаго, Милюкова, очень много и очень часто тѣмъ не менѣ говорилъ объ Иловайскомъ, рекомендовалъ его, увлекался имъ, читалъ о работахъ его свою статью, удивлялся его „научности“, его „искусству“, его „широтѣ“ и „глубинѣ“. И дѣлалось это вполнѣ простодушно, до нѣкоторой степени мужественно, смѣло, съ полнымъ прирѣніемъ къ „обшепріятымъ возрѣніямъ, съ полною самостоятельностью и вѣрою въ непогрѣшимость и безпристрастѣе своего отношенія къ непризанному генію. Совершенно серьезно и искренно онъ заявлялъ нерѣдко, что, по совѣсти говоря, онъ не знаетъ, почему установилось „такое“ отношеніе къ трудамъ Иловайскаго и думалъ, что, если онъ не знаетъ,—стало быть, это отношеніе ошибочно и пристрастно. Это чрезвычайно характерно для подобныхъ ему „ученыхъ“ людей; не имѣя дѣйствительно научнаго масштаба, не зная настоящихъ образцовъ научнаго творчества, не имѣя никакого понятія о требованіяхъ науки, что могутъ они найти ненаучнаго въ трудахъ Иловайскихъ, какъ могутъ они не увлекаться искренно ими, какъ могутъ они понять ихъ настоящимъ образомъ? И вотъ такой-то „ученый знатокъ“ исторіи Россіи брался рисовать передъ нами судьбы русскаго народа съ XVI ст. до XIX-го! Онъ долженъ былъ познать нать насъ съ тѣми процессами русской общественной жизни, изъ которыхъ складывалась исторія этихъ вѣковъ! Онъ долженъ былъ воспроизвести передъ своими слушателями всю сложность и всю пестроту этой исторіи, глубоко интересной, дающей столь громадный и любопытный матеріалъ для научнаго анализа, для соціологическихъ конструкцій! Что же хорошаго и поучительнаго могло выйти изъ этой затѣи? Профессоръ скользилъ по поверхности, „описывалъ“ по рецепту Иловайскаго, „говорилъ“ о „русскихъ царяхъ“, „о дней ми-

нувшихъ славѣ“ — вотъ и вся его исторія. Сложнѣйшія и любопытнѣйшія соціальныя и экономическія явленія XVI—XVII вѣковъ оставлялись почти безъ всякаго вниманія. Профессоръ какъ будто-бы и понятія не имѣлъ о нихъ, обнаруживая поверхностное и наивное пониманіе историческихъ процессовъ; съ видомъ величайшей учености и глубокомыслія онъ рассказывалъ намъ о борьбѣ претендентовъ на московскій престолъ и важно называлъ это историческимъ „процессомъ“. О тѣхъ перемѣнахъ въ классовомъ составѣ русскаго общества, въ экономической структурѣ и во взаимоотношеніи различныхъ слоевъ его, о тѣхъ перемѣнахъ, которыя и представляли собою содержаніе исторіи данного времени, слушатели не получали и самаго отдаленнаго представленія. Всей возникшей на этой почвѣ умственной атмосферѣ, идейныхъ теченій и стремленій — профессоръ и не касался. Его больше интересовала жизнь русскихъ царей, этикетъ, „обычаи и нравы“, какъ обыкновенно понимаютъ ихъ всякаго рода любители русскихъ „древностей“. Его умственный взоръ ни разу не пытался проникнуть въ глубину жизни и исторіи, какъ будто бы онъ, человѣкъ конца XIX вѣка, вращающійся въ „ученой“ средѣ, читающій новѣйшія изслѣдованія, хотя бы по той же русской исторіи, и не слышалъ о совершенно иныхъ требованіяхъ исторической науки. Ему казалось, что достаточно глубокомысленныхъ разсужденій о восточномъ вопросѣ, что достаточно этотъ восточный вопросъ выдвинуть, какъ одну изъ наиболѣе важныхъ проблемъ русской исторической дѣйствительности, чтобы имѣть право быть свободнымъ отъ всякаго „багажа“, который считается обязательнымъ для историка одними лишь учениками „гнилого запада“. Можете себѣ представить, во что должна была обратиться въ его изложеніи дальнѣйшая исторія XVIII вѣка! Эпоха Петра Великаго, Екатерины Великой — какая благодарная тема, какой превосходный историческій матеріалъ для дѣйствительно научно настроеннаго и находящагося на высотѣ своего призванія профессора! Но въ рукахъ нашего профессора весь этотъ матеріалъ какъ-то сморщивался, высыхалъ и превращался въ груды безжизненныхъ указовъ, формулярныхъ списковъ, уставовъ, „приказовъ“, донесеній. Правда, нѣкоторые студенты увѣряли, что въ лекціяхъ нашего профессора много собственно лекцій проф. Ключевскаго, тогда еще, кажется, и не думавшаго напечатать свой курсъ, но если это и такъ, то тѣмъ не менѣе, тотъ богъ, который жилъ въ нашемъ профессорѣ, съѣдалъ духъ изложенія Ключевскаго до косточки и превращалъ его въ жалкую фальсификацію. Передъ нами развертывалась во

всей своей, такъ сказать, официозности исторія собственно русскаго правительства: всѣ т. наз. реформы Петра В., Екатерины В. и т. д. все, словомъ, чѣмъ дѣятельность этого правительства была отмѣчена, должно было, по замыслу профессора, представлять собою въ нашихъ глазахъ животворящій духъ, съ высоты официальной Россіи проносящійся надъ пустыней безмолвной и безпомощной, получающей смыслъ лишь отъ него, отъ этого духа „государственности“, „порядка и гармоніи“. Жизнь массъ, голосъ общества, волненія народнаго сердца, — всё, что, съ нашей „крамольной“ точки зрѣнія, давало и даетъ смыслъ самому существованію ихъ, всё это испарялось въ изложеніи нашего историка, какъ дымъ, точно всего этого никогда и не было, точно во всемъ этомъ — нѣтъ и не было ни черточки, заслуживающей вниманія науки, вниманія просто людей, интересующихся судьбами своего отечества. Такъ и казалось, что, если-бы профессоръ вздумалъ напечатать свой курсъ, то на заглавной страницѣ его пришлось бы прочитывать:—„составлено по порученію министерства“; у насъ вѣдь двѣ науки—одна, которую дѣлаютъ въ разныхъ тамъ университетахъ т. наз. „люди науки“, наука „крамольная“, и другая, которую дѣлаютъ въ министерствахъ чиновники, никогда никакой науки и „не нюхавшіе“, но за то наука настоящая, ибо „что есть наука, какъ не воля начальства, что есть воля начальства, какъ не наука!“ На языкѣ „превосходительствъ“ и пресмыкающихся передъ ними рептилій всё это называется „объективнымъ“ изложеніемъ исторіи Россіи, свободнымъ отъ „тенденцій“ и „космополитизма“! Вычеркиваніе изъ исторіи Россіи цѣлыхъ страницъ и притомъ наиболѣе существенныхъ и интересныхъ, умолчаніе о томъ, о чемъ даже камни вопіяли, сознательное и систематическое извращеніе, стало-быть, подлинной дѣйствительности—это не тенденція въ худшемъ смыслѣ этого слова! Это патріотизмъ! Это любовь къ отечеству! Легко понять послѣ этого, почему поляки проникались такимъ презрѣніемъ къ профессорамъ исторіи Россіи, презрѣніемъ, въ которомъ не было даже негодованія и злобы, самаго убійственнаго, самаго ужаснаго вида презрѣніемъ. Легко понять послѣ этого, почему въ преподаваніи исторіи Россіи они видѣли просто поруганіе науки, насмѣшку надъ вѣковой культурой запада, выработавшей совершенно иное представленіе о наукѣ, видѣли кулакъ занесенный надъ головами ихъ! Этого, конечно, не отрицаютъ и сами „патріоты“, но понимаютъ они это нѣсколько иначе. Не профессеры, думаютъ они, виноваты, а сами поляки, органически ненавидящіе русскихъ, органически ненавидящіе русскую исторію, неспособные понять еѣ и за-

интересоваться ею. Да, разумѣется, и среди поляковъ находятся точно такіе же патріоты, какъ и эти истинные русскіе, которые вѣдь и съ своей стороны органически ненавидятъ поляковъ, органически неспособны понять ихъ исторіи и заинтересоваться ею. И среди поляковъ можно найти не мало „истинныхъ“, которые при одномъ только звукѣ русскаго языка, хотя-бы и звукѣ протеста противъ гнета, приходятъ во гнѣвъ и бѣшенство. Конечно, польское общество не представляетъ исключенія: какъ во всякомъ обществѣ, такъ и въ немъ можно отмѣтить разныя теченія, группы, направленія. Но во 1-хъ, удивляться-ли ненависти и непониманію поляковъ, если даже русскіе профессора, эти „носители культуры“, которые, казалось-бы, ничего общаго съ полицейскимъ кулакомъ и звономъ шпоръ не должны были-бы имѣть, если даже они въ большинствѣ случаевъ являются въ Царство Польское представителями не той Россіи, которая жила и живетъ народными интересами, мыслью о счастіи народа, а той Россіи, которая, какъ вихрь отъ поры до времени проносилась по лицу народному, которая была проникнута полицейскимъ патріотизмомъ. Удивляться-ли презрѣнію и нетерпимости поляковъ, когда русскій кнутъ гулялъ по польскимъ нивамъ, всямъ и городамъ въ бѣшенной вакханаліи при дружныхъ аплодисментахъ и восторженной пляскѣ даже „людей науки“ *), даже университета, даже тѣхъ изъ представителей его, которые среди петербургскихъ либераловъ пользуются репутаціей „милыхъ и культурныхъ“ людей, ихъ дружбой и покровительствомъ? А во 2-хъ, почему поляки должны были заинтересоваться изложеніемъ исторіи Россіи, которое даже въ русскомъ ничего, кромѣ ужаса и сожалѣнія, не вызывало? Почему они должны были вмѣстѣ съ профессоромъ преклоняться передъ Иловайскимъ и въ официальной исторіи видѣть дѣйствительную науку? Истинная наука общечеловѣческая и чистая, какъ процессъ отвлеченнаго творчества, нокоряетъ умъ, смягчаетъ сердце. Дайте истинно-научную исторію Россіи и даже тѣ поляки, которые ненавидятъ Россію, не хотятъ знать Россіи, даже они будутъ заинтересованы не исторіей Россіи, какъ таковой, а исторіей вообще, процессомъ научнаго анализа даннаго, хотя-бы ненавистнаго, конкретнаго матеріала. Не „исторію Россіи“ давайте имъ, а науку, ибо „исторія Россіи“ вродѣ „курсовъ“ Иловайскаго и его поклонниковъ ненужна и русскимъ, ибо одна только наука можетъ быть воспитатель-

*) Достаточно напомнить, что въ годъ открытія въ Вильнѣ памятника Муравьеву вѣшателю, варшавскіе профессора, по собственной инициативѣ послали привѣтственную телеграмму въ Вильно, восхваляя дѣятельность Муравьева.

ной и объективной силой, а всякаго рода вдохновенныя освѣщенія съ „русской“ точки зрѣнія—тенденція и публицистика, служащая не истинѣ и правдѣ, а грубой матеріальной силѣ, въ своемъ рабскомъ паденіи сознательно лгущая и убивающая въ себѣ чувство естественнаго человѣческаго протеста противъ рабовладѣльцевъ. Но представителямъ официальной народности нѣтъ никакого рѣшительно дѣла до науки, разъ не „Россія“ сама по себѣ производитъ впечатлѣніе, разъ не „громъ побѣды“ и не барабанный бой патріотическихъ восторговъ, разъ не „русская точка зрѣнія“ наполняетъ сердце „порывомъ счастья и вдохновенія“. Напротивъ, самая наука, какъ-бы величава ни была она въ своей глубинѣ, какъ-бы высока она ни была по своимъ принципамъ, самая наука, не обращающаяся въ орудіе „патріотическаго просвѣщенія“, должна быть съ ихъ точки зрѣнія рсзбита вдребезги, какъ опасное вольнодумство, или, въ лучшемъ случаѣ, засажена въ кутузку, какъ бунтъ. Внутренній трепетъ уваженія къ общечеловѣческому научному творчеству, къ научной истинѣ и къ научному беспристрастью въ этомъ случаѣ не сожметъ ихъ сердца. Несомнѣнно, нашъ историкъ, столь вѣрный завѣтамъ Карамзина и Иловайскаго, именно такъ понималъ науку. Несомнѣнно, онъ хотѣлъ „воспитывать“ молодежь, хотѣлъ быть „педагогомъ“ и наука съ этой точки зрѣнія дѣлалась у него „средствомъ“, служащимъ „великимъ цѣлямъ“ „русской политики“, методомъ пропаганды, орудіемъ „воздѣйствія“. Онъ не догадывался, что самъ онъ—величина ничтожная, ученый, не обладавшій и минимальной долей пониманія исторіи, лишенный общаго образованія, самостоятельности и истиннаго огня убѣжденія и вѣры, онъ не догадывался, что онъ самъ своею личностью окончательно дискредитировалъ и „политику“ и „методы“ и „средства“ и даже, къ его ужасу и несчастью, „великія цѣли“. Впрочемъ, кто знаетъ: можетъ быть, ему было и это все равно, можетъ быть, не въ возвеличеніи этихъ цѣлей состояли его „золотыя мечты“ и „сновидѣнія“, а въ единственномъ отрадномъ сердцу русскаго чиновника сознаніи: „начальство изволятъ быть довольными и одобряютъ“.

На старшемъ выпускномъ курсѣ профессоръ ставилъ себѣ и намъ, своимъ слушателямъ, нѣсколько иныя цѣли. Тутъ онъ уже хотѣлъ научить насъ самостоятельно работать и подготовить къ практической педагогической дѣятельности. Одни изъ насъ, разсуждалъ онъ, могутъ посвятить себя ученой карьерѣ, другіе заняться „воспитаніемъ и образованіемъ юношества“ и поэтому очень важно заранѣе вооружиться предварительной подготовкой. Ничего поучительнаго

ожидать отъ него, конечно, не приходилось. Тѣмъ не менѣе все-таки было трудно повѣрить, чтобы профессоръ могъ такъ мало удовлетворять своему назначенію, такъ мало понимать свое дѣло, какъ это оказалось въ дѣйствительности. Вся „подготовка“ состояла въ томъ, что одинъ изъ насъ долженъ былъ изложить своими словами письменно одну главу изъ книги Шильдера объ Александрѣ I, другой—вторую и т. д. и затѣмъ прочитать свой „рефератъ“ въ аудиторіи. Затѣмъ то же самое продѣлывалось съ XIII т. исторіи Соловьева и, наконецъ, послѣднимъ, вышедшимъ тогда томомъ „Исторіи Россіи“ Иловайскаго. Разумѣется, студенты никакой самостоятельной работѣ не научились и въ большинствѣ случаевъ рефераты прочитывались или фиктивные, или до такой степени сшиты на скорую руку, что о какой-бы то ни было пользѣ отъ этой комедіи не приходилось и говорить.

Иногда «рефераты» студентовъ уступали мѣсто авторитетнымъ «чтеніямъ» самого профессора, но, несмотря на весь ученый тонъ его рѣчи съ многозначительными остановками и подчеркиваньями, ему трудно бывало скрыть въ этихъ случаяхъ отъ взоровъ своихъ слушателей лежавшій передъ нимъ на кафедрѣ томъ исторіи Соловьева, который онъ просто излагалъ своими словами,—нельзя сказать, чтобы очень ужъ оригинально и свободно. Но бывали особенно торжественные дни «практическихъ занятій», когда профессоръ оставлялъ всю эту прозу и увлекалъ насъ въ міръ «иныхъ восторговъ». Обыкновенно онъ предупреждалъ насъ заранее: «слѣдующій разъ, господа, я познакомлю васъ съ историческими документами и способомъ ихъ чтенія». «Въ слѣдующій разъ» профессоръ и являлся въ аудиторію съ кинкой рукописныхъ «документовъ» и, точно священнодѣйствуя, показывалъ ихъ намъ. Мы осторожно перелистывали старые пожелтѣвшіе листы исписанной бумаги и глубококомысленно притворялись, что ощущаемъ какой-то священный трепетъ передъ этими «скрижалями минувшаго» и глубокій, скрытый по скромности восторгъ передъ тѣмъ, кому все это доступно, кто вотъ сейчасъ стоитъ передъ нами, точно вдохновенный жрецъ, которому открыта эта «книга жизни». Самъ жрецъ съ умиленіемъ слѣдилъ за нашими руками, перелистывавшими «документы» и являлъ видъ умудреннаго опытомъ жизни и науки «учителя», окруженнаго восторженными «учениками». Такъ и казалось, что уста его готовы прошептать: «идите и научите». Потомъ начиналось чтеніе «документа». Въ «Актахъ Историческихъ» въ «описи имущества царя Василія Ивановича» и т. д. читаемъ: «часы боевые съ игрой, влагалище золочено». Но въ подлинникѣ:

«часы боевые сыромъ, влагалищъ, золочены». Что вѣрнѣе? Очевидно, чтеніе, установленное профессоромъ по подлиннику. Какъ онъ торжествовалъ, сдѣлавъ это открытіе! Какъ онъ искренно смѣялся надъ ошибкой въ «Актахъ Истор.»! Мы, конечно, должны были поражаться его глубинѣ, необыкновенной остротѣ его критическаго отношенія къ «документамъ» и необыкновенному обилію его знаній. Въ особенномъ же специфическомъ пониманіи значенія «документовъ» нашъ профессоръ достигалъ, дѣйствительно, необыкновенной основательности и широты. Имъ было, напр., издано два тома «приложеній къ историческому изслѣдованію», которымъ вѣроятно суждено сдѣлаться однимъ изъ самыхъ поразительныхъ памятниковъ учености русскаго профессора, не умѣющаго разобраться даже въ томъ, что хламъ, а что дѣло. Развертываю эту книгу наугадъ и читаю: «Приемно-сдаточный протоколъ о передачѣ недвижимости № 2768, принадлежащій учебному вѣдомству, въ пользу Общества Варшавской дѣтской больницы 5 окт. 1872 г. На вышеозначенныхъ мѣстностяхъ находятся строенія: а) фронтовой... домикъ, длиною 63³/₄ саж. и т. д. в) фронтов... домъ длиною 181¹/₂ футовъ и т. д. с) двухъ этажный флигель... длиною 150¹/₂ ф. и т. д. і) деревянный отхожія мѣста на каменной ямѣ, покрытыя цинкомъ, длиною 14¹/₄ фут., шириною 9³/₄ ф.» Такихъ историческихъ памятниковъ въ книгѣ масса. Загляните хотя бы только въ оглавленіе, и вы едва повѣрите глазамъ, читая: «Отношеніе Министерства внутр. дѣлъ къ генер.-губернатору Гурко о разрѣшеніи произвести капитальную передѣлку и поправку памятника Коперника 11 марта, 1893 г.», «Отнош. Мин. ви. д. къ ген.-губ. Гурко о разрѣшеніи производства дополнительныхъ работъ по отдѣлкѣ и поправкѣ памятника Коперника 10 марта 1894 г.», «Предписаніе попечителя Апухтина объ учрежденіи конкурса на составленіе проекта по устройству церкви I Варш. муж. гимн. 23 апр. 1892 г.», «Заниска архитектора Варш. учебн. окр. о перестройкѣ зданія I Варш. муж. гимн. 30 сент. 1901 г.», «Изъ привѣтственной рѣчи законоучителя I Варш. муж. гимн. при входѣ архієпископа въ гимназич. храмъ 3 ноября 1898 г.» И т. д. и т. д. на протяженіи цѣлыхъ 70 печатныхъ листовъ. Какой ученостью надо обладать, чтобы создать столь ужасный хламъ, чтобы отпечатать нѣсколько десятковъ листовъ, ничего рѣшительно не говорящихъ, не обнаруживающихъ даже микроскопической доли пониманія, что есть историческій источникъ и что значить его изданіе? Развѣ не можетъ тоже самое продѣлать съ наименьшимъ успѣхомъ любой писецъ, любой встрѣчный-поперечный че-

ловѣкъ, лишь бы хватило у него охоты заняться столь бессмысленной тратой времени, лишь бы было у него достаточно смѣлости отъ имени науки требовать денегъ на издание «трудова». А между тѣмъ «трудъ» нашего профессора получилъ санкцію самаго «храма науки». Въ предисловіи читаемъ: «Съ разрѣшенія университета Историко-Филологическій факультетъ это изданіе документовъ принялъ на свои средства». Такимъ образомъ не только самъ «ученый историкъ» оказывается не пошелъ дальше самаго первобытнаго пониманія научныхъ задачъ изслѣдованія и изданія документовъ, но и «Историко-Филологич. факультетъ» въ цѣломъ и общемъ *), не пожалѣвшій своихъ и безъ того скудныхъ средствъ для того, чтобы дать возможность появиться на свѣтъ Божій такому труду одного изъ своихъ членовъ. Очевидно, творецъ этого труда былъ если и не выше, то и не ниже общаго научнаго уровня историко-филологическаго факультета, или, по крайней мѣрѣ, обладалъ не меньшимъ уваженіемъ къ наукѣ и не менѣе серьезнымъ отношеніемъ къ ней, чѣмъ факультетъ, столь заботливо содѣйствовавшій изданію его произведенія. «Да, собралась, можно сказать, компанія, одинъ другого стоитъ.»—невольно вспоминаются слова одного польскаго ученаго, довольно хорошо знавшаго всю эту «компанію» «магистровъ и докторовъ» **).

Кромѣ упомянутыхъ торжественныхъ дней практическихъ занятій по иовой исторіи Россіи, бывали дни еще болѣе торжественные, дни, когда нашъ профессоръ достигалъ уже зенита своего величія и подымалъ носъ на самый олимпъ ученой премудрости, вводилъ насъ въ самые тайники научнаго творчества. Вотъ, напр., одинъ изъ такихъ торжественныхъ дней. Передъ лекціей педель объявляетъ намъ, что профессоръ ждетъ насъ въ библіотекѣ. Отправляемся въ библіотеку. Профессоръ встрѣчаетъ насъ съ видомъ вдохновеннаго кудесника и приглашаетъ насъ слѣдовать за нимъ. На подъемной машинѣ мы подаемся въ отдѣленіе, разбитое

*) Разумѣется, надо имѣть въ виду не всѣхъ поголовно членовъ факультета, а большинство: можно быть увѣреннымъ, что среди профессоровъ было человѣка два, не одобрявшихъ неразборчивой мудрости факультета.

**) Характеристика названныхъ профессоровъ тѣмъ и интересна, что она собственно является характеристикой и всей варшавской профессорской среды. Мы имѣемъ въ виду, конечно, большинство, которое вѣдь и создастъ духъ Варшавск. универс. Необходимо назвать тутъ исключенія: проф. Петрушевскій, Вульфъ, Насоновъ, Щербакъ, Горбуновъ, Погодинъ. Впрочемъ, большинство изъ нихъ въ настоящее время уже не состоитъ профессорами Варшавскаго Университета.

желѣзными рѣшетчатыми перегородками на этажи и представляющее собою такимъ образомъ рядъ полокъ, на которыхъ стоятъ въ извѣстномъ порядкѣ книги. Мы обходимъ эти полки, то поднимаемся вверхъ, то опускаемся внизъ. Это мы практически „изучаемъ источники“. Затѣмъ профессоръ подводитъ насъ къ опредѣленному мѣсту и, торжественно указывая пальцемъ на полки, заявляетъ: „здѣсь, господа, стоятъ русскіе историческіе журналы“. Мы почтительно подходимъ къ полкамъ и вполголоса съ благоговѣніемъ читаемъ на корешкахъ книгъ: „Историческій Вѣстникъ“, „Русская Старина“, „Русскій Архивъ“ и т. д. Профессоръ приглашаетъ желающихъ отыскать такой-то номеръ за такой-то годъ „Историч. Вѣстн.“. Желаящій находится и съ успѣхомъ, вызывающимъ полное одобреніе профессора, находитъ соотвѣтствующую книгу. „А ну, теперь постарайтесь найти въ этой книгѣ библиографическій отдѣлъ“. Найдено и это. Затѣмъ то же самое продѣлывается съ „Русскимъ Архивомъ“, „Русской Стариной“ и т. д. Но часъ уже прошелъ. Лекція окончена. Профессоръ очень доволенъ „практическими занятіями“. Студенты недоумѣваютъ, что все это значило. Приходилось однако и намъ называть все это „практическими занятіями по русской исторіи“. Впрочемъ, профессоръ иногда вмѣсто только-что описанной комедіи продѣлываетъ другую болѣе приличную по внѣшности, но по существу столь же печальную и такъ же ярко характеризующую всю бесполезность нашего дипломированнаго руководителя. Вмѣсто обозрѣнія библіотеки профессоръ устраивалъ иногда въ профессорской читальнѣ обозрѣніе различныхъ книгъ по русской исторіи. Студенты должны были брать по очереди въ руки ту или другую книгу, просматривать оглавленіе и убѣждаться такимъ образомъ, что книга посвящена именно такому, а не иному вопросу. Особенно усердно должны были просматриваться справочныя изданія вродѣ указателей Межова и т. п. Профессоръ всему этому придавалъ очень серьезное значеніе. Онъ былъ убѣжденъ, что во всемъ этомъ и состоитъ научная подготовка молодого человѣка. Но надо быть справедливымъ. Надо признаться, что большинство университетскихъ руководителей молодежи собственно такъ именно и смотритъ на научную подготовку. Въ большинствѣ случаевъ выдвигается на первый планъ именно эта внѣшняя, эта чисто техническая сторона. Въ Варшавскомъ университетѣ такъ, напр., поступалъ, и тотъ всеобщій историкъ, который такъ страстно хотѣлъ быть грознымъ врагомъ матеріализма и такъ комично симулировалъ серьезнаго и дѣловитаго критика разныхъ Марксовъ. Методологія этимъ ученымъ

представляется не въ видѣ известной системы общихъ воззрѣній и известнаго пониманія историческаго процесса, а въ видѣ чисто внѣшнихъ правилъ. Они несомнѣнно имѣють въ виду въ данномъ случаѣ не задачи самостоятельнаго научнаго творчества, а цѣли самой обыкновенной компиляціи. Конечно, сами они этого не сознають. Въ простотѣ сердца свои профессиональные чисто внѣшніе приемы компиляціи и изслѣдованія они возводятъ въ нѣчто очень высокое, „спеціальное“, придавая этому слову какой-то таинственный смыслъ, смыслъ чего-то недоступнаго и непонятнаго профанамъ. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно типиченъ одинъ случай все съ тѣмъ же всеобщимъ историкомъ, специализировавшимся въ чисто внѣшней обрядности научнаго воспитанія молодежи. Профессоръ говорилъ какъ-то объ одной итальянской фамиліи. Перейдя къ генеалогіи ея, профессоръ съ важнымъ и чрезвычайно серьезнымъ видомъ человѣка, которому приходится метать бисеръ передъ свиньями, подошелъ къ доскѣ и сталъ чертить линіи, которыя должны были изображать различныя степени родства между представителями этой фамиліи. Ничего особеннаго во всемъ этомъ, какъ видите, не могло быть. Подобнаго рода генеалогическія таблицы знакомы, разумѣется, всякому съ гимназической скамьи младшихъ даже классовъ. Каконецъ, та таблица, которую изобразилъ на доскѣ профессоръ, въ готовомъ почти видѣ помѣщена въ книгѣ Cantù, книгѣ, ничего особеннаго ни по таинственности ни по учености не представляющей. И тѣмъ не менѣе профессоръ, указывая на горизонтальныя и вертикальныя линіи, изображенныя имъ на доскѣ, вдругъ важно и съ презрительною снисходительностью промолвилъ: „впрочемъ, это все слишкомъ спеціальныя вещи, это все требуетъ основательной спеціализаціи“. Лица студентовъ вытянулись и изобразили не то недоумѣніе не то удивленіе. Профессоръ же улыбнулся и поигравъ томно глазами, перешелъ къ болѣе популярнымъ вещамъ. Не въ навыкахъ мысли, не въ остротѣ анализирующаго взгляда, проникающаго въ матеріаль, не въ искусствѣ читать памятники и подслушивать шорохъ давно минувшей жизни, искусствѣ, которое такіе историки, какъ Фюстель де Куланжъ и Ранке, считали главнымъ и едва ли не единственнымъ качествомъ настоящаго историка, не въ приемахъ синтеза, не въ умѣннн въ обрывкѣ минувшаго уловить общій духъ времени и общее теченіе жизни, не въ этомъ видятъ такого рода руководители истинную спеціализацію, а въ какомъ-то ученомъ ритуалѣ, который самъ по себѣ, какъ всякая обрядность, никакого интереса не представляетъ и, лишенный животворящаго духа, содержанія, является лишь

мертвящей внѣшностью, вредною видимостью. Знать генеалогическія таблицы, рисовать хитро всякаго рода условныя линіи, въ цитатахъ вмѣсто русскаго „стр. такая-то“ непременно ставить „р.“ (=pagina), вмѣсто „см. назв. соч.“ непременно ставить „о. с.“ (=op. cit.), вмѣсто перевода непременно пользоваться оригиналомъ, работѣ непременно предпосылать библиографію („исторіографія“) и т. д. и т. д.— вотъ что представляется имъ важнымъ и необходимымъ прежде всего, вотъ съ чего они начинаютъ обыкновенно подготовку молодыхъ людей къ самостоятельному научному творчеству. По крайней мѣрѣ, дальше этого ни наши русскіе историки, ни нашъ всеобщій историкъ не шли. Думается, что причина заключалась въ томъ, что сами они не были изслѣдователями въ благородномъ смыслѣ этого слова, что всѣ ихъ способности по существу были компиляторскими способностями. Научить мыслить, анализировать и синтезировать, подходить къ предмету съ чисто научными запросами можетъ только тотъ, кто самъ мыслить, кто самъ постоянно переживаетъ этотъ процессъ мышленія, для кого оно стало второю жизнью, кто въ изученіе того или иного предмета вноситъ интересъ къ какой-либо общей проблемѣ. Наши же руководители въ этомъ смыслѣ представляли собою нѣчто въ высшей степени печальное. Собрать сырой матеріалъ, порыться въ архивахъ, извлечь на свѣтъ божій новыя данныя, построить на основаніи ихъ болѣе или менѣе стройную картину они, вѣроятно, были способны. По „архивнымъ матеріаламъ“ написать книгу, богатую фактическимъ содержаніемъ и кое-какими соображеніями они, конечно, могли. У одного вышла бы книга болѣе дѣльной и интересной, у другого менѣе,—вотъ и вся по существу разница между ними. Но чѣмъ все это отличается отъ компиляціи? Неужели все отличіе такихъ работъ отъ кѣмпильяціи нужно видѣть въ томъ, что они написаны по „архивнымъ матеріаламъ“? Не ѣлѣдуетъ ли отличительныхъ свойствъ компиляціи съ одной стороны и продуктовъ дѣйствительно оригинальнаго творчества съ другой искать не въ томъ, на основаніи какого матеріала написаны они (сырого, архивнаго или печатнаго), а въ томъ, какіе умственные процессы создалн ихъ, какими общими интересами стимулировались они, какими путями рѣшали они ту или иную проблему жизни и науки и какъ въ нихъ поставленъ самый анализъ даннаго фактическаго матеріала. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать компиляціей, на примѣрѣ, „Очерки“ Милюкова, „Deutsche Geschichte“ Лампрехта, Grandeza e dekadanza di Roma Ферреро, хотя въ наиболѣе существенныхъ частяхъ своихъ эти работы написаны не на ос-

нованіи „архивныхъ матеріаловъ“. И, наоборотъ, что, кромѣ компіляціи, представляютъ собою напр., работы профессора Филевича и Цвѣтаева, хотя онѣ и основаны на сыромъ, архивномъ матеріалѣ, ибо что какъ не чисто механическая особенность умственного аппарата проявилась въ нихъ, какъ неспособность собирать, группировать и связывать чисто внѣшними узами различныя комплексы историческихъ явленій и фактовъ? Разумѣется само собою, что Лампрехтъ, Милюковъ и т. д. много могутъ дать молодому человѣку, не лишенному способностей,—въ смыслѣ пониманія задачъ изслѣдованія, въ смыслѣ умѣнія браться за дѣло—могутъ дать именно потому, что они настоящіе спеціалисты, спеціалисты по навыкамъ мысли, по приѣмамъ анализа, и рѣшительно ничего не могутъ дать въ этомъ смыслѣ Филевичи и Цвѣтаевы именно потому, что навыки ихъ мысли ничѣмъ рѣшительно не отличаются отъ обыкновенныхъ обывательскихъ приѣмовъ анализа и отъ искусства пониманія, какими обладаютъ и профаны, и, стало быть, и ихъ слушатели, „ученики“. Нельзя, конечно, отрицать, что не всѣмъ спеціалистамъ дано достигнуть такой спеціализаціи, и было бы странно отъ всякаго ученаго человѣка требовать обязательно такой научности. Но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что педагогическое значеніе могутъ имѣть только именно такіе спеціалисты, что только ихъ преподаваніе въ университетѣ представляетъ собою факторъ умственного и научнаго развитія молодежи, что только въ нихъ университетъ находитъ орудіе осуществленія своихъ высокихъ и вѣчныхъ задачъ. Пусть даже профессоръ будетъ „блестящій лекторъ“, пусть даже молодежь окружаетъ его обожаніемъ и поклоненіемъ, но если онъ, профессоръ, не подымается надъ толпою, если онъ не поднялся выше компілятора и рассказчика, то можно сказать съ увѣренностью, что никакой научной педагогической роли онъ не играетъ и, стало быть, осуществленію цѣлей университета, какъ органа просвѣщенія и научнаго воспитанія, не содѣйствуетъ. Но про профессоровъ исторіи Варшавскаго Университета приходится сказать нѣчто худшее. Они не только не были, какъ мы видѣли, блестящими лекторами и увлекательными рассказчиками, не только не играли той педагогической роли, на которую указывается тутъ, но не представляли собою и просто хоть сколько-нибудь сносныхъ и толковыхъ руководителей. Бѣда ихъ состояла не только въ томъ, что они были компіляторами по своимъ вкусамъ, по всему складу своего ума, по всѣмъ своимъ ученымъ привычкамъ и хваткамъ. Бѣда нашихъ профессоровъ, кромѣ всего прочаго, состояла еще въ томъ, что они были страш-

ными эгоистами, никакого интереса къ дѣлу не чувствовавшими, занятыми своими личными интересами, не интересовавшимися молодежью, цѣликомъ ушедшими или въ служебныя дразги, или въ свой эгоцентризмъ, или въ честолюбивые замыслы или просто въ самую отчаянную лѣнь, въ самое циничное ничего недѣланіе безъ малѣйшей краски стыда, безъ малѣйшей попытки проснуться отъ долготнлаго сна, оплачиваемаго народомъ и бѣдными студентами, жаждущими знанія и свѣта. Бѣда нашихъ профессоровъ состояла въ томъ, что будучи ограниченными и необразованными людьми, что не имѣя и самаго отдаленнаго представленія о задачахъ и цѣляхъ педагога, что не находясь на высотѣ своего научнаго призванія и не обладая никакими рѣшительно талантами, они въ то же время нисколько не интересовались своимъ дѣломъ, не работали, не стремились хоть что нибудь усвоить изъ педагогической практики болѣе подготовленныхъ и продумавшихъ свое дѣло профессоровъ, работающихъ въ другихъ русскихъ и европейскихъ университетахъ. Безсмысленныя практическія занятія профессора Цвѣтаева, обращающіяся въ бесплодное и комичное обозрѣніе библиотечныхъ полокъ, не только результатъ невѣжества, но и самаго отчаяннаго равнодушія къ той сторонѣ профессорской дѣятельности, о которой обыкновенно въ профессиональной ученой средѣ очень мало говорятъ и которую вообще разсматриваютъ какъ нѣчто второстепенное и неважное. Что профессоръ написалъ, каковы его диссертациі, —этимъ обыкновенно интересуются очень живо, но что профессоръ даетъ студентамъ и даетъ ли онъ имъ что-нибудь, этимъ не только мало, но часто и вовсе не интересуются. А между тѣмъ, вѣдь профессоръ не столько своими диссертациями, часто написанными для 2—3 хъ специалистовъ, служить дѣлу просвѣщенія, сколько своею преподавательскою дѣятельностью. Профессоръ въ университетѣ прежде всего долженъ быть преподавателемъ, долженъ что-нибудь давать молодежи, долженъ работать для нея, долженъ отдавать ей все свое время и всѣ свои силы, хотя бы это даже никакихъ благъ и никакой славы не обѣщало. Самое писаніе диссертациій и работъ должно представлять собою не что иное, какъ самосовершенствованіе въ интересахъ того же просвѣщенія родины, какъ проявленіе прогрессирующаго стремленія открывать передъ молодежью побольше свѣта, шире и шире раздвигать передъ нею горизонты, выше и выше поднимать ея сознаніе и ея научный пылъ. Если же профессоръ между своими научными работами и своею педагогическою дѣятельностью не находитъ никакой органической

связи, если его научныя работы представляют собою служеніе наукѣ, то, что обыкновенно на языкѣ ученаго цеха называется «двигать науку», а преподавательская дѣятельность нѣчто второстепенное, ни въ какой связи съ этимъ служеніемъ не находящееся, то онъ со всею своею наукою является въ университетѣ все-таки безполезной величиной. Съ точки зрѣнія узкихъ интересовъ личнаго честолюбія и съ точки зрѣнія цеха такое «служеніе наукѣ» можетъ представляться нормальнымъ и даже вполнѣ удовлетворяющимъ тому идеалу, который всецѣликомъ укладывается въ специфически буддистское требованіе «двигать науку», но съ точки зрѣнія болѣе широкихъ интересовъ, съ точки зрѣнія интересовъ общества и культуры, интересовъ тѣхъ, для которыхъ существуетъ и наука и университеты и книга и профессора, съ точки зрѣнія этихъ интересовъ мы вправѣ сказать: «пишите свои спеціальныя книги, увлекайтесь этимъ процессомъ творчества, дѣлайте это полезное и необходимое дѣло, да будетъ вамъ честь и слава, не будемъ вмѣшиваться въ ваше дѣло служенія наукѣ въ мѣру силъ, какими надѣлила васъ природа, но... но оставьте университетскія кафедръ, не занимайте ихъ попустому, если вы въ качествѣ профессоровъ ничего молодежи дать не можете и не хотите, если васъ не интересуеетъ и не увлекаетъ роль преподавателя, эта прекрасная и увлекательная, эта высокая и благородная роль педагога». Едва ли будетъ ошибкой утверждать, что между профессорами и студентами существуетъ часто взаимное непониманіе именно потому, что одни изъ нихъ выдвигаютъ на первый планъ интересы «науки», а другіе интересы общества и культуры. Профессоры въ большинствѣ случаевъ имѣютъ въ виду «науку», понимая подъ нею какое-либо спеціальное изслѣдованіе, студенты же въ большинствѣ случаевъ стоятъ на болѣе широкой точкѣ зрѣнія, выдвигая интересы просвѣщенія, т. е. той же науки, но понимаемой гораздо глубже и болѣе жизненно. Вотъ почему часто «старшіе» удивляются дерзости молодежи, когда она ни во что не ставитъ профессоровъ, которые въ кругахъ специалистовъ приобрѣли репутацію «серьезныхъ изслѣдователей», но которые этой то молодежи однако ничего рѣшительно не даютъ: «старшіе» видятъ такого профессора съ одной стороны, а «младшіе» съ другой—и обѣ стороны по существу правы. Но справедливость требовала бы въ профессорѣ искать сочетаніе и того и другого—и изслѣдователя и преподавателя. Если же передъ нами только всего «изслѣдователь», то и слѣдуетъ согласиться съ молодежью и признать, что для нея онъ безполезенъ, что въ университетѣ онъ ненуженъ.

Если онъ преподаватель университета, то онъ и подлежить суду не только научному, но и педагогическому и нечего поэтому возмущаться если даже очень основательный специалистъ, не имѣя никакихъ педагогическихъ дарованій и интереса къ педагогической работѣ, вызываетъ въ молодежи ледяное равнодушіе и даже какъ это нерѣдко бываетъ презрѣніе, ибо какъ ни какъ, а этотъ специалистъ все-таки болѣе узкое существо, чѣмъ молодежь, все-таки онъ живетъ лишь малою долею жизни и отдаетъ себя лишь самой незначительной струйкѣ жизненнаго потока, тогда какъ лишь жизнь какъ она есть, лишь полное обладаніе жизненной энергіей, лишь служеніе жизни во всей ея цѣлостности можетъ вызывать уваженіе и поклоненіе, наполнять человѣка трепетомъ стремленій и движенія. Обыкновенно члены профессорскихъ корпорацій и чаще всего именно тѣ, которые и знать не желаютъ никакой молодежи, на всѣ эти соображенія отвѣчаютъ указаніемъ на нѣмецкую науку. Дѣйствительно, въ нѣмецкихъ университетахъ можно найти много узкихъ специалистовъ, никакими педагогическими талантами не обладающихъ и въ указанномъ нами смыслѣ представляющихъ собою балластъ. Но что же изъ того, что плохіе профессора встрѣчаются и въ Германіи, въ этой классической странѣ научнаго творчества и научнаго движенія. Не слѣдуетъ забывать, что въ Германіи не только профессора являются носителями свѣта, что, наконецъ, въ той же Германіи развились научные семинаріи, въ которыхъ получило научную подготовку не мало русскихъ ученыхъ и образованныхъ людей, семинаріи, съ которыми не можетъ сравниться ни одна изъ аналогичныхъ организацій существующихъ въ русскихъ университетахъ. А затѣмъ, одно дѣло профессорство въ Германіи, а другое въ Россіи. Совершенно иная отвѣтственность передъ обществомъ и народомъ тамъ и совершенно иная у насъ; совершенно иная исторія просвѣщенія въ Германіи и совершенно иная въ Россіи; совершенно иной долгъ у нѣмецкаго ученаго и совершенно иной у русскаго. Кто этого не понимаетъ, кто этого не ощущаетъ въ своемъ сердцѣ, тому не мѣсто въ рядахъ тѣхъ русскихъ людей, которые несли и несутъ на своихъ плечахъ дѣло развитія русской культуры, дѣло борьбы съ тьмою, дѣло насажденія духа просвѣщенія, свѣта, знанія.

Какъ видитъ читатель, преподаваніе исторіи въ Варшавскомъ Университетѣ поставлено было болѣе чѣмъ печально. Если бы въ этомъ университетѣ не было профес. Петрушевскаго, то можно было бы сказать, что исторической науки тамъ въ мое, по крайней мѣрѣ, время не было и вовсе, можно было бы сказать, что профессоры исторіи отнимали

у студентовъ напрасно время, профонировали знаніе, оскорбляли достоинство науки и самымъ откровеннымъ образомъ пользовались всяческими привилегіями, связанными съ государственной службой въ Царствѣ Польскомъ, въ свое личное удовольствіе. Въ „Письмахъ о провинціи“ Салтыкова есть прекрасныя страницы, посвященныя характеристикѣ „исторіографа“ (см. письмо 4-е). Если бы Салтыковъ дожилъ до нашего времени, онъ увидѣлъ бы, что его «исторіографъ» пробрался даже въ университетъ, что онъ въ наши дни взялся даже за роль представителя русской культуры и науки среди окраинныхъ жителей и что вмѣстѣ съ „фофонами“ тутъ подымаетъ свой голосъ, не рискуя ничѣмъ и ничего не страшась—ни презрѣнія того общества, съ которымъ онъ ничѣмъ не связанъ и которое онъ въ глубинѣ своей души ненавидитъ, ибо что ему презрѣніе „враговъ“, ни осужденія русскаго общества, ибо что русскому обществу до него, ни критики своихъ коллегъ, ибо лестью и притворствомъ, ложью и хлестаковщиной онъ ослѣпитъ ихъ, ни, наконецъ, молодежи, ибо не привыкъ онъ любить ее, не привыкъ онъ дорожить ея отношеніемъ къ себѣ, всецѣликомъ поглощенный мыслію о позышеніяхъ, наградахъ, знакахъ вниманія, министерскихъ рукопожатіяхъ и одобреніяхъ „высшаго общества“ *).

*) Считаю необходимымъ для того, чтобы уяснить свою мысль о профессорѣ-педагогѣ, назвать тутъ нѣсколько именъ извѣстныхъ мнѣ всеобщихъ историковъ, которые могутъ служить примѣромъ профессора—ученаго и педагога, не забывающаго для «науки» своихъ святыхъ обязанностей учителя и руководителя молодежи. Въ Петербургскомъ универ. такими профессорами являются насколько мнѣ извѣстно, Гревсъ, Карѣевъ и Форстенъ, въ Московскомъ универ. такимъ былъ проф. Виноградовъ, а теперь такимъ является проф. Випперъ и тотъ же проф. Петрушевскій. Не увлекаясь ролью рассказчика и не забывая задачъ университета и научнаго воспитанія молодежи, они, какъ это извѣстно, представляютъ собою настоящихъ профессоровъ—педагоговъ: среди такихъ историковъ, какъ варшавскіе, могутъ найтись, конечно, критики, не согласные съ «научными возрѣніями» названныхъ ученыхъ и гордо указывающіе на ихъ «недостатки», но эти господа критики тѣмъ не менѣе при всей своей гордости остаются все-таки бесполезными гробокопателями, не достойными даже вниманія тѣхъ людей, ничего отъ «критики» варшавскихъ коллегъ не теряющихъ. Разумѣется, нельзя отрицать, что и среди молодежи можно найти «критиковъ», не понимающихъ значенія и роли профессора и истинному руководителю въ наукѣ предпочитающихъ рассказчиковъ и «ораторовъ», но это говорить только противъ этой молодежи, противъ толпы, наиболѣе же серьезные и наиболѣе научно настроенные студенты сами понимаютъ это и осуждаютъ и профессора, берущаго лишь вышними эффектами, и слушателей, увлекающихся формой, а не содержаниемъ.—Не думаю, чтобы послѣ этихъ словъ можно было обвинять автора этихъ строкъ въ томъ, что онъ не понимаетъ сущности университетскаго преподаванія, что онъ осуждаетъ Варшавскихъ профессоровъ, не зная дѣла.

IV.

**Наука въ Варшавскомъ Университетѣ.
(Звѣзды второй величины).**

Окончивъ курсъ по историческому отдѣленію историко-филологическаго факультета, я и могъ очень хорошо познаться съ научными качествами и педагогическими талантами историковъ, этихъ столповъ науки въ Варшавскомъ Университетѣ, какъ они сами считали себя и какъ ихъ называли и называютъ до настоящаго даже дня нѣкоторые изъ почитателей и друзей ихъ. Вотъ почему я такъ подробно излагалъ ихъ систему преподаванія, далъ такую детальную характеристику ихъ научной и преподавательской физиономіи. Теперь остановлюсь на другихъ извѣстныхъ мнѣ профессорахъ Варшавскаго Университета, но въ краткихъ и общихъ словахъ, такъ какъ все, что сказано мною по поводу историковъ, можно было бы сказать, за незначительными исключеніями, и о другихъ „представителяхъ науки“ такъ какъ въ дѣятельности историковъ точно въ зеркалѣ отразился общій духъ Варшавскаго Университета, нашла себѣ выраженіе вся его научная и педагогическая атмосфера, воплотилось все, чѣмъ гордятся его строители и птенцы и въ чемъ такъ много специфическихъ ароматовъ официальной науки и ученой руссификаціи.

Первое мѣсто послѣ «историковъ» по праву принадлежитъ профессору всеобщей литературы. Читатель уже знакомъ съ нимъ: описаніе его «вступительной лекціи» должно было дать довольно яркое представленіе объ этомъ «мужѣ науки». Большой личный пріятель всеобщаго историка, онъ и въ дальнѣйшихъ своихъ чтеніяхъ оставался плотью отъ плоти и костью отъ кости того же самаго научнаго духа, вѣрнымъ служителемъ котораго былъ этотъ историкъ. Общія точки зрѣнія, пониманіе историческаго процесса, отношеніе къ великимъ твореніямъ человѣческаго генія и исторіи, любовь и ненависть—все словомъ было одно и то же и въ исторіи западно-европейскихъ литературъ и въ новой исторіи западно-европейскихъ обществъ. Какъ во всеобщей исторіи въ постановкѣ профессора Л., такъ и въ исторіи западно-европейскихъ литературъ въ постановкѣ профес. Сазоновича царилъ безгранично духъ равнодушія къ наукѣ, какъ къ таковой, духъ застоя и отрицанія прогресса, и изъ сухого безжизненнаго и закоптѣлаго отъ времени изложенія выглядывали, хлопая подслѣповатыми глазами, давно прошедшія увлеченія и

истины, слышались давно уже умершіе голоса и звуки, едва проникавшіе въ ухо свѣжихъ и жаждущихъ движенія людей. Недаромъ историкъ всегда говорилъ: «мой другъ Ив. П.», а Ив. П.: «мой другъ Н. Н.». Они были друзьями, и дружба ихъ какъ бы символизировала однородность ихъ вкусовъ, ихъ научнаго содержанія и нитей, которыми ихъ «наука» была связана съ самымъ обыкновеннымъ мѣщанствомъ, съ самыми простыми, свободными отъ всякой науки, процессами обывательскаго мышленія и чувствованія. Дальше передачи содержанія различныхъ памятниковъ западно-европейскаго художественнаго творчества и дальше біографическаго повѣствованія нашъ историкъ всеобщей литературы не шель. И то, что онъ давалъ въ такомъ первобытномъ видѣ, было въ высокой степени поверхностно, лишено настоящаго научнаго смысла и интереса: литературные памятники попадали точно въ костлявыя руки скелета, давно уже разставшагося съ кровью и жизнью и неретиравшаго попадавшія въ его руки созданія животворящаго духа въ прахъ и пыль. Профессоръ не умѣлъ даже содержаніе того или иного произведенія передать хоть сколько-нибудь ярко, сохранить въ своемъ изложеніи хоть миллионную частицу того, чѣмъ данное литературное явленіе отличалось отъ другихъ продуктовъ художественнаго творчества, что сообщало ему жизнь и оригинальность. Воиніющее непониманіе задачъ настоящей исторіи литературы, полное отсутствіе художественнаго чутья— вотъ чѣмъ собственно отличалось изложеніе нашего профессора. Деревянный и сухой, ограниченный и жестоко наказанный судьбою, лишившей его той искры божьей, безъ которой не понять духа Данте и Торквато Тасса, генія Гете и Шиллера, безъ которой не понять процесса творчества, хотя бы и обладать при этомъ запасомъ громаднхъ фактическихъ знаній, грубый въ обращеніи съ тончайшими продуктами чловѣческаго порыва къ красотѣ и теплу, къ свѣту и идеалу, онъ, этотъ нашъ профессоръ всеобщей литературы рѣшительно не способенъ былъ проникнуть ни въ историческій и общественный смыслъ литературныхъ явленій и процессовъ, о которомъ говорилъ съ такимъ чисто профессорскимъ апломбомъ и авторитетомъ, ни отдаться истинному эстетическому подъему, увлечься красотой созданій эстетическаго творчества, проникнуться тѣмъ чувствомъ восторга, которое возбуждаетъ созерцаніе красоты въ каждомъ чловѣкѣ, хоть сколько-нибудь эстетически развитомъ и хоть сколько-нибудь художественно образованномъ. Все въ его безжизненномъ и казенномъ изложеніи сводилось къ трофарету мѣщанскаго пониманія литературы и исторіи, къ протокольной

регистраціи фактовъ и къ обязательнымъ знакамъ восклицанія и восторга, холоднаго, какъ полицейское „ура“ и какъ казарменное «здравія желаемъ»,—каждый разъ, когда по долгу службы необходимо было дать доказательства «идеализма» и просвѣщенности. Весьма возможно, что онъ былъ въ данномъ случаѣ тѣмъ, чѣмъ и слѣдуетъ быть профессору, какъ представляють его члены цеха, но едва ли это можетъ все-таки примирить насъ съ историкомъ литературы, не понимающимъ этой самой литературы и не умѣющимъ найти въ ней отзвуки жизни, трепеть нарождающихся теченій будущаго и предсмертныя судороги умирающаго прошлаго. Что представляли бы собою истинно-литературныя работы, напр., Тэна, если бы авторъ самъ не обладалъ тѣмъ чувствомъ историческаго пониманія и тѣмъ умѣніемъ проникнуть въ духъ произведенія и въ красоту его конструкціи и формы, какимъ и проникнуты увлекательныя продукты его блестящаго и мощнаго пера? Историкомъ литературы, какъ историкомъ искусства, можетъ быть только человѣкъ, умъ котораго искусился во всѣхъ главнѣйшихъ аналитическихъ и синтетическихъ работахъ социальныхъ наукъ, глазъ котораго привыкъ внимательно останавливаться на всѣхъ типичныхъ, яркихъ и захватывающихъ теченіяхъ прошлой и настоящей жизни, сердце котораго привыкло порываться къ слиянію съ лучшими теченіями современности, быть чуткимъ къ самомажнѣйшимъ черточкамъ эстетической красоты, умѣть проникнуть въ тончайшія узоры, выводимые рукой художника, рукой творческаго генія. Не нелѣпость ли напр., исторія музыки, написанная человѣкомъ, который не способенъ разобратъся въ звукахъ Бетховена и какого нибудь доморощеннаго «композитора». Невольно вспоминаются прекрасныя слова Войницкаго изъ Чеховской драмы «Дядя Ваня», эти убійственныя для присяжныхъ историковъ литературы слова: „Человѣкъ ровно двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не поимая въ искусствѣ. Двадцать пять лѣтъ онъ переживаетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ; двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно уже извѣстно, а для глупыхъ неинтересно,—значить, двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее. И въ то же время какое самомажнѣніе! Какія претензіи! Посмотри: шагаетъ, какъ полубогъ!“ Быть можетъ, ни одна изъ университетскихъ наукъ не обнаруживаетъ всей ужасающей уродливости системы полученія права на открытіе университетскаго курса, какъ именно исторія литературы. Въ большинствѣ случаевъ въ нашихъ университетахъ читають исторію литературы

люди, абсолютно лишённые всякой общей научной подготовки и совершенно неспособные къ оригинальному, самостоятельному воспріятію эстетическихъ впечатлѣній, читають, имѣють право читать потому, что удовлетворили извѣстнымъ казеннымъ требованіямъ: выдержали магистерскій экзамень, написали какую-нибудь работу по всѣмъ правиламъ оффиціального искусства и т. д. А между тѣмъ внѣ университетовъ можно было бы назвать много прекрасно подготовленныхъ людей, которые отдаются исторіи литературы по внутреннему влеченію, понимаютъ и любятъ ее, тоику, такъ сказать, чувствуютъ ее и умѣють уловить въ ней звуки, недоступные профанамъ. Для молодежи, для воспитанія ея вкусовъ, для расширенія ея горизонтовъ, для развитія ея точекъ зрѣнія и обогащенія ея умственного и чувственного въ широкомъ смыслѣ слова опыта эти люди сдѣлали бы гораздо больше, нежели разные магистры и доктора, духъ которыхъ, важный, надутый и ученый, стелется по землѣ, лишёнъ отваги смѣло и гордо поднимать голову и искать красоты и правды, глядѣть смѣло и на землю и на небо, дерзко желать познать и то и другое. Въ той же самой Варшавѣ одновременно съ нашимъ профессоромъ всеобщей литературы жилъ одинъ изъ русскихъ писателей, прекрасныхъ и глубокихъ знатоковъ литературы. Онъ отличался тонкимъ пониманіемъ переплета различныхъ историческихъ линій соціального и культурнаго развитія человѣческихъ обществъ, ясно видѣлъ ихъ отраженіе въ литературныхъ памятникахъ, умѣлъ улавливать опытнымъ взглядомъ тончайшія сплетенія различныхъ историческихъ силъ въ эволюціи литературныхъ формъ, умѣлъ подойти къ анализу продуктовъ художественнаго творчества съ громадной силой эстетическаго проникновенія и своимъ впечатлѣніямъ, наблюденіямъ и выводамъ давать краткую и выразительную формулировку. Онъ обладалъ всѣми качествами, столь необходимыми для настоящаго историка литературы. А между тѣмъ не онъ преподавалъ въ Варшавскомъ университетѣ исторію всеобщей литературы, а совершенно не интеллигентный „ученый“, давно уже переставшій даже читать и пробавлявшійся такою пищею, какъ статьи «Новаго Времени». Онъ не имѣлъ даже права просто открыть свой необязательный курсъ въ университетѣ, и студенты должны были удовлетворяться какою-то пародіей на исторію всеобщей литературой, какою-то жалкою компиляціей сытаго барина, плюющаго на весь свѣтъ и вмѣсто того, чтобы работать и идти дальше въ своихъ познаніяхъ и развитіи, занимающагося копченіемъ неба да «патріотизмомъ». Человѣкъ, живущій для того, чтобы «мыслить и страдать»,

чтобы мыслью и сердцем проникать въ жизнь, въ ея движеніе и продукты, человѣкъ свѣжій, интеллигентный, неспособный для чрева и мѣщанскаго комфорта пожертвовать умственными интересами, онъ, этотъ литераторъ былъ лишенъ тѣхъ благопріятныхъ условій работы, въ которыхъ находился «ученый», ничего не дѣлавшій и дѣлать что-нибудь и не помышлявшій, онъ былъ стѣсненъ въ своей работѣ, онъ жаждущій работы, а всяческія средства достиженія научныхъ цѣлей были въ рукахъ человѣка, которому въ сущности ничего не нужно было, кромѣ званія профессора да, пожалуй, сытнаго обѣда! Пишущему эти строки названный писатель какъ-то горестно жаловался на то, что даже книгъ раздобывать въ Варшавѣ онъ не можетъ въ нужномъ ему количествѣ и по интересующимъ его вопросамъ и съ удивленіемъ указывалъ на то, что въ библіотекѣ Варшавскаго Университета, въ которомъ каѳедру всеобщей исторіи литературы занималъ нашъ «ученый мужъ», нѣтъ почти ничего по исторіи западно-европейскихъ литературъ. И самъ авторъ этихъ строкъ неоднократно убѣждался, что профессоръ совершенно не заботился пополненіемъ соответствующаго отдѣла университетской библіотеки, стало быть, совершенно не слѣдилъ за соответствующей литературой, стало быть, многого онъ не только прочитать, но и видѣть не могъ*). Понятно, что ему и приходилось изъ года въ годъ повторять слово въ слово одно и то же. въ свой жалкій и пустой ученый лепетъ ни одной новой черточки не вносить, не пропускать ни одного новаго луча, ни одного новаго звука. Онъ былъ именно *лекторъ* въ первоначальномъ значеніи этого слова, онъ только *читалъ* давно составленныя записки. Но вѣдь такая роль доступна всякому, умѣющему читать, доступна безъ всякихъ докторскихъ степеней, безъ всякихъ испытаній и безъ всякой «подготовки». Профессоръ могъ съ великимъ успѣхомъ передать вмѣстѣ съ своими записками

*) Въ этихъ случаяхъ профессора обыкновенно отговариваются тѣмъ, что они сами для себя выписываютъ нужныя вещи, которыя въ ихъ собственныхъ библіотекахъ и имѣются такимъ образомъ. Дѣйствительно часто это такъ и бываетъ. Но напр. истор. всеобщ. литер., при своей любви къ болтовнѣ, которую нерѣдко заводилъ въ аудиторіи, отложивъ въ сторону свои записки, какъ то замѣтилъ, что у него громадная библіотека, но находится она въ его имѣніи, а въ Варшавѣ онъ книгъ въ домѣ почти вовсе не держитъ. Какъ же онъ могъ слѣдить за наукой, найдя почти цѣлый круглый годъ въ Варшавѣ и ничего въ университетскую библіотеку не выписывая. Въ Варшавской библіотекѣ нельзя найти даже авторовъ, только иногда встрѣчаются въ разрозненномъ видѣ переводы Байроновъ и т. д. Читалъ ли въ подлинникахъ западно-европейскихъ писателей самъ профессоръ? Если читалъ, то развѣ не ощущалъ ни разу необходимости обратиться къ тексту прочитаннаго?

и свои лекторскія обязанности любому хорошо грамотному пределю: «наука» нисколько не пострадала бы. Но профессор могъ сдѣлать нѣчто и лучшее: онъ могъ вмѣсто своихъ записокъ читать просто какую-нибудь хорошую книгу, могъ онъ читать хотя бы извѣстныя лекціи Шахова, того «приватъ-доцента», которому конечно далеко было до «чиновъ и степеней» варшавскаго патріота, но который тѣмъ не менѣе, будучи даже «мальчишкой», съ презрѣніемъ могъ бы взглянуть на «мужа» увѣнчаннаго лаврами официального одобренія его «заслугъ» и «ума замѣтъ». Это я говорю совершенно серьезно, какъ ни дерзокъ и ни золь смыслъ моихъ словъ,—говорю серьезно, ибо лекціи Шахова, написанныя лѣтъ 35 тому назадъ, представляютъ собою настоящую научную и литературную цѣнность, а лекціи профессора Созоновича, написанныя много лѣтъ спустя, никакой рѣшительно цѣнности собою не представляли. Да, лучше было бы, если бы «господинъ профессоръ», вмѣсто патріотическихъ ляганій, и для себя и для хотя бы «руссификаціи» почиталъ основательнѣе и серьезнѣе такихъ мальчишекъ, какъ Шаховъ.

Кромѣ исторіи западно-европейскихъ литературъ, читались въ нашемъ университетѣ еще курсы по исторіи русской литературы, народной русской словесности и славянскихъ литературъ. О профессорѣ исторіи русской литературы кое-что было сказано уже въ главѣ о вступительныхъ лекціяхъ. Всѣ тѣ особенности, которыми блеснула его первая лекція въ годъ моего поступленія въ Варшавскій университетъ, въ дальнѣйшихъ его чтеніяхъ нашли себѣ болѣе выпуклое выраженіе и вылились въ вполне определенную черту всего его научнаго и умственнаго облика. А отличительною стороною его научной и преподавательской дѣятельности было полное отсутствіе какого бы то ни было своеобразія и какой бы то ни было просвѣщенности: міръ для него былъ закрытъ, и за строками «пергаментовъ», за формами чисто внѣшняго выраженія человѣческой психики и человѣческаго творчества, за грудю «фактовъ», печатныхъ и рукописныхъ «матеріаловъ» онъ не видѣлъ ни неба, ни свѣтилъ, не ощущалъ ни жизни, ни тревоженій земли, ни порываній, ни подъемовъ, ни паденій, ни пораженій, не видѣлъ и не чувствовалъ всего того, продуктомъ и выраженіемъ чего является литература. Историкъ русской литературы, онъ не зналъ и не понималъ русской культуры и русскаго творчества, и изъ литературной эволюціи русскаго общества онъ дѣлалъ сухой перечень и сухое повѣствованіе, и отъ «жизни отлетала жизнь» и отъ «мысли уходила мысль»: оставался сухой скелетъ, оставались лишь внѣшнія лініи, вѣрнѣе оставался реестръ, даже не

планъ, а роспись, даже не общій рисунокъ, а лишь блѣдный разсказъ объ этомъ и безъ того блѣдномъ и мертвомъ чертежѣ. Конечно, хорошо дѣлалъ онъ, что новой русской литературы не касался почти совсѣмъ; судя по тому, что онъ говорилъ о Пушкинѣ и Грибоѣдовѣ, онъ даже внѣшнихъ формъ въ данномъ случаѣ понять не могъ бы, — мертвыми руками онъ бы исковеркалъ живую душу этой новой русской литературы, искажилъ бы своимъ мертвеннымъ пониманіемъ красоты и жизни ея дивный обликъ, своими старческими и безсильными ласками оскорбилъ ея молодость, ея восторги, ея негодованіе и ея «святую скорбь». Но какъ все-таки характерно для постановки преподаванія исторіи русской литературы въ Варшавскомъ университетѣ это полное почти игнорированіе новой литературы! Студенты никакого представленія объ этой сторонѣ культурнаго развитія Россіи не получали. Будушіе преподаватели русской литературы, они уходили изъ университета невѣжественными и слѣпыми людьми. Ихъ сердцу не говорили Бѣлиискіе и Герцены, ихъ ума не шевелили Чернышевскіе, ихъ мысль не останавливалась въ раздуміи надъ рѣчами Салтыкова, листомъ чистой бумаги является для нихъ весь тотъ сложный процессъ соціальной и литературной эволюціи, какой пережила русская интеллигенція въ 19-мъ вѣкѣ, — закрытой книгой оказывалась для нихъ вся русская журналистика и публицистика этого времени, вся эта жизнь «кипящаго сердца» и «волнующаго ума» носителей русской культуры, — случайными образами, предметами случайнаго поклоненія обывателей оставались для нихъ мощныя и увлекательныя фигуры русскихъ мастеровъ художественнаго слова, — и они шли просвѣщать молодежь, шли воспитывать ея умъ и ея сердце, и они шли, шли смѣло нести русскую культуру, представлять ея богатства, ея «правду и истину», ея «священный огонь» и ея «справедливость». О, какой скорбью наполняется сердце при одномъ только взглядѣ на шествіе этой фаланги въ среду молодежи, этихъ нерѣдко страшно грубыхъ и невѣжественныхъ, этихъ нерѣдко неразвитыхъ и ничего незнающихъ людей, этихъ учениковъ Созоновичей и Смирновыхъ, учениковъ, которые должны распроетранять свѣтъ, полученный изъ рукъ такихъ источниковъ культурнаго просвѣщенія, какъ эти профессора, учениковъ, которые должны были излагать молодежи судьбы русской литературы, не зная, не понимая и не любя ее, не умѣя преклониться передъ «великими и чистыми» ея создателями и толкователями и рабски повторяя заученныя одновременно со своими „воспитанниками» страницы Смирновскихъ и тому подобныхъ школьныхъ боговъ! Какимъ него-

дованіємъ наполняется душа, когда вмѣстѣ съ тѣмъ представишь себѣ, что эти то люди, покровительствуемые властью, получившіе санкцію на «руссификацію», что эти то люди смѣютъ возмущаться нетерпимостью поляковъ къ русскимъ, ихъ неинавистью къ русской литературѣ, къ продуктамъ русской культуры. Гдѣ польская молодежь видѣла и видитъ русскую литературу и русскую культуру? Что вы даете ей подъ видомъ этой русской литературы и культуры? И въ средней школѣ и въ Варшавскомъ университетѣ она видитъ не русскую литературу и культуру, а какое-то специфическое пережевываніе и той и другой, видитъ не силы этой литературы и культуры, а какую-то грубую такъ наз. «ученую» и «педагогическую» операцію надъ ней, видитъ силы тьмы и разрушенія, силы насилія и поруганія, силы, которыя искажаютъ творческой духъ и умерщвляютъ свободное развитіе мысли и слова *). И послѣ этого господа Созановичи осмѣливаются возмущаться тѣмъ, что Варшавскій университетъ пустуетъ, что польское общество отвернулось отъ него! Послѣ этого эти культуртрегари осмѣливаются говорить о Варшавскомъ университетѣ, какъ объ очагѣ русской культуры въ

*) Всѣмъ этимъ я не хочу сказать, что исключеній не встрѣчается. Я бы могъ назвать нѣсколько преподавателей въ Варшавскихъ учебныхъ заведеніяхъ, рѣшительно не подходящихъ подъ характеристику, данную выше. Моя цѣль—только подчеркнуть, что Варшавск. унив. не даетъ учителямъ Царства Польск., разсадникомъ которыхъ онъ является, никакой рѣшительно литературной и исторической подготовки, и отчасти указать на тѣ причины, которыми объясняется справедливое отношеніе польской молодежи къ такимъ учителямъ. Замѣчу кстаи, что надлежащее преподаваніе русской литературы и исторіи людьми, дѣйствительно подготовленными и культурными, въ польской молодежи никогда не возбуждаетъ ненависти или даже равнодушія. Скорѣе наоборотъ. Преслѣдуя общеобразовательныя и просвѣтительныя цѣли, культурный и подготовленный человѣкъ никогда не вооружитъ польскую молодежь противъ русской культуры: истинное знаніе, истинное пониманіе и чистота чисто педагогическихъ, чисто просвѣтительныхъ намѣреній сами по себѣ силы непобѣдимыя. Не хочу закрывать глаза и на другую сторону дѣла. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что среди польскихъ политиковъ, какъ и среди русскихъ встрѣчаются люди, шовинистическія чувства которыхъ не позволяютъ различать языкъ, напр., Герцена отъ языка Каткова, языкъ русской интеллигенціи отъ языка официальной Россіи. Извѣстно, напр., какъ польскій шовинизмъ устами одной дѣятельницы еще недавно требовалъ изгнанія изъ частныхъ польскихъ школъ русскихъ преподавателей, которые де, будучи русскими, ничего, кромѣ самовара и кнутологіи (sic!) не знаютъ, хотя въ частныхъ школахъ и преподаютъ тѣ русскіе, которые лишились штатныхъ должностей часто по своему чисто *идейному* желанію, и хотя въ то же время въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, бойкотуемыхъ обществомъ, остались занимать штатныя должности нѣкоторые изъ поляковъ. Но надо помнить, что не только прогрессивные элементы польскаго общества, но и націоналистическіе на подобнаго рода выходки шовинизма смотрятъ съ осужденіемъ и негодованіемъ.

Царствѣ Польскомъ! Они осмѣливаются говорить о русской культурѣ!

Но почему сторонники и идеологи руссификаціи допустили такое вопіющее, такое ужасающее искаженіе преподаванія русской литературы въ Варшавскомъ университетѣ? Не лучше ли было бы съ точки зрѣнія даже руссификаціи именно въ Варшавскомъ университетѣ исторію русской литературы поставить на надлежащую высоту, преподаваніе ея поручить людямъ, которые могли бы потрясти сердце, очаровать умъ, ослѣпить красотой мысли и глубиной чувства, проникающаго лучшіе продукты русской культуры, увлечь и согрѣть молодую и впечатлительную душу? Вѣдь утверждаютъ же нѣкоторые поляки, что истинными руссификаторами являются тѣ именно русскіе люди, которые вышли изъ русской интеллигенціи, тѣ носители идеаловъ русской литературы и русскаго общественнаго движенія, которые являются врагами насилія и оффиціального образа мыслей. Вѣдь говорятъ же эти хранители «національной чистоты» польскаго народа, что чѣмъ русскій хуже, тѣмъ лучше для нихъ, что чѣмъ хуже, чѣмъ слабѣе и уродливѣе ставится въ школахъ преподаваніе русской исторіи и русской литературы, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ національное возрожденіе поляковъ и тѣмъ легче будетъ борьба съ «русскими тисками» *). Несомнѣнно, что идеологи

*) Дѣйствительно, нѣкоторые наиболѣе шовинистически настроенные элементы польскаго общества не терпятъ тѣхъ русскихъ, которые пользуются популярностью среди польской молодежи. Извѣстны случаи, когда въ женскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ предпринимались рѣшенія не приглашать въ преподаватели русской исторіи и литературы людей, которые достигли того, что молодежь начинала читать русскихъ писателей и поражаться открытію, что въ Россіи можно найти много прекраснаго и вдохновеннаго: вмѣсто такихъ людей часто предпочитали брать преподавателей невѣжественныхъ и некультурныхъ, лишь бы только они были «порядочными», т. е. лишь бы они говорили по-польски и не занимались доносами. Пишущій эти строки самъ на себѣ имѣлъ случай испытать всю тягость подобнаго рода страннаго пониманія руссификаціи. По просьбѣ польской молодежи, напр., онъ какъ-то прочиталъ публичную лекцію о Чернышевскомъ, и газета г. Дмовскаго «Gazeta Polska» по этому поводу разразилась цѣлою громовою статью, обвиняя польскую молодежь въ самоубійствѣ, въ добровольной руссификаціи. Статья была озаглавлена весьма характерно: «Прогрессистская руссификація». Я бы могъ еще указать на нѣсколько характерныхъ въ этомъ смыслѣ фактовъ изъ своей собственной практики. Долженъ однако оговориться, что подобнаго рода отношеніе къ прогрессивнымъ русскимъ, которыхъ съ другой стороны истинно русскіе называютъ измѣнниками, встрѣчается лишь въ самыхъ шовинистическихъ кругахъ польскаго общества и притомъ наиболѣе охваченныхъ партійною страстью. Вообще же даже націоналистически настроенныя сферы польскаго общества воздаютъ этимъ русскимъ должное, нерѣдко даже переходя границы простаго вниманія и уваженія. Самъ я съ великою благодарностью вспоминаю сейчасъ многихъ даже націона-

руссификаціи и «патріотически» настроенные русскіе «дѣятели» лучше разбираются въ данномъ случаѣ, чѣмъ поляки, думающіе только что указаннымъ образомъ. Представители и слуги официальной Россіи прекрасно знаютъ, что никакой руссификаціи отъ основательнаго и надлежащаго знакомства съ русской литературой и исторіей произойти не можетъ. Они прекрасно понимаютъ, что тѣ люди, которые раскрыли бы передъ взорами польской молодежи всѣ глубины и сокровища русскаго художественнаго творчества и русской общественной мысли, что тѣ представители русской интеллигенціи, которые могли бы открыть польской молодежи доступъ въ міръ порывовъ, идеаловъ, надеждъ и вѣрованій, разочарованій и печалей Бѣлинскихъ, Герценовъ, Чернышевскихъ, Добролюбовыхъ и т. д. и т. д., что тѣ люди никакой руссификаціи и не хотятъ, *никакой руссификаціи достигнуть и не могутъ*, или что тѣ русскіе могутъ только помирить поляковъ съ «русскимъ духомъ», или могутъ связать ихъ узами пониманія, уваженія и симпатіи съ тѣми русскими элементами, съ тѣми силами русской жизни, которыя являются врагами официальной Россіи, врагами всякаго насилія, національнаго гнета и религіозной нетерпимости. Они понимаютъ, что лишь только отъ польскаго общества къ русскому и обратно протянутся нити пониманія и симпатіи, взаимнаго знакомства и уваженія, что лишь только настанетъ этотъ моментъ, то погибла руссификація, погибли силы ея, и во всей своей наготѣ предстанетъ предъ всѣмъ міромъ лишь одна грубая матеріальная сила, ибо могла ли бы тогда руссификація говорить объ „антогонизмѣ народовъ“, посмѣла ли бы тогда она апеллировать къ чувству ноціональной гордости русскаго народа, торжествуя указывая на «польскую ненависть» къ «русскому имени», какъ это въ настоящее время сплошь и рядомъ дѣлаютъ идеологи и практики «русскаго» «патріотизма»? Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть руссификаціей знаніе русской литературы и исторіи, русскаго языка и русской интеллигенціи? Можетъ ли быть руссификаціей уваженіе и поиманіе лучшихъ сторонъ русской жизни и русской общественной мысли? Можно ли назвать польскую молодежь руссифицированной, если она ясію представляетъ себѣ взаимныя отношенія разныхъ элементовъ русскаго обще-

листовъ поляковъ, оказывавшихъ мнѣ вниманіе и понимающихъ мое настроеніе должнымъ образомъ, настроеніе, которое, не позволяя мнѣ быть русскимъ патріотомъ въ ковычкахъ, не можетъ позволить мнѣ быть и польскимъ патріотомъ хотя бы и безъ ковычекъ, настроеніе, которое одно только и можетъ диктовать точку зрѣнія, враждебную равно и русскому и польскому и всякому иному шовинизму.

ства, если она умѣетъ заслушаться дивными звуками Пушкина, если она умѣетъ проникаться чувствомъ благодарности и восторга къ Чехову за «слезы сладкія», за «муку наслажденія», если она умѣетъ преклонить свои колѣни передъ великими и вдохновенными русскими мучениками, если она достигаетъ той высоты сознанія и идеализма, безпристрастья и порыва, на которой не можетъ быть безотчетной и слѣпой ненависти къ каждому и всякому принадлежащему къ другой нации, ко всему, что написано и сдѣлано русскими людьми—и къ цвѣтамъ и шипамъ, и къ молитвѣ и къ проклятію, и къ призыву къ братству, и къ проповѣди смерти и истязаній, и къ русскому солнцу, и къ чаду русскаго «патріотизма», ко всему безъ различія, ко всему безъ разбору, разъ «здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ»? Руссифицированными элементами польскаго общества были бы только тѣ люди, которые утратили свой національный обликъ, утратили свой родной языкъ и порвали почти всѣ связи съ своей культурой и исторіей. И если бы было доказано, что между съ одной стороны знаніемъ и пониманіемъ русской литературы и исторіи, между знаніемъ и пониманіемъ русскаго языка и русской интеллигенціи, между уваженіемъ къ лучшимъ представителямъ русскаго общества и между утратой этого національнаго облика, этихъ связей съ родною почвою, съ родной культурой и роднымъ языкомъ съ другой—существуетъ непосредственная связь, какъ между причиной и слѣдствіемъ, то въ такомъ случаѣ—да, это можно было бы назвать руссификаціей. Но въ такомъ случаѣ констатировалось бы, что одни только звуки русской рѣчи, что одна только русская литература и исторія однимъ только фактомъ своего существованія, независимаго отъ человѣческой воли, ни отъ воли самихъ русскихъ, ни отъ воли поляковъ,—что одна только эта русская литература и исторія и одни только эти звуки русской рѣчи обладаютъ такой чудесной силой поглощенія чужой культуры и національной самобытности, очарованія и подчиненія себѣ окружающаго міра, что самый протестъ противъ этого долженъ быть бессмысленнымъ и нелѣпымъ, какъ протестъ, напр., противъ красоты и истины, побѣждающей своею внутреннею силою, какъ протестъ противъ цивилизаціи и прогресса, побѣждающихъ именно самимъ фактомъ своего существованія, не нуждающагося ни въ висѣлицахъ, ни въ застѣнкахъ, ни въ грохотѣ пушекъ, ни въ блескѣ штыковъ. Однако такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Тѣ русскіе дѣятели въ Царствѣ Польскомъ, которые какъ-разъ и опираются на эти штыки и самымъ усерднымъ образомъ задерживаютъ притокъ въ польскую среду носителей лучшихъ сторонъ

русской культуры, тѣ русскіе „патріоты“, которые никогда бы не дали возможности разинуть рта въ Царствѣ Польскомъ „русскимъ измѣнникамъ“, тѣ лучше поляковъ, тѣхъ поляковъ, которые имѣются тутъ въ виду, тѣ лучше этихъ поляковъ знаютъ, что это далеко не такъ. Польская культура настолько еще не развила всѣхъ своихъ силъ, въ ней еще настолько много жизненной энергіи, развитію которой трудно предвидѣть конецъ, внутреннія силы польской культуры настолько стихійны и свѣжи, настолько устойчивы и непобѣдимы, настолько глубоко уходятъ въ исторію и въ нѣдра національнаго творчества, что говорить о возможности поглощенія національной самобытности поляковъ какою бы то ни было культурой, выросшей на ихъ національной почвѣ, не приходится. Поэтому несомнѣнно оскорбляетъ національный духъ поляковъ тотъ, кто думаетъ, что знаніе русскаго языка, пониманіе русской литературы и исторіи, уваженіе къ лучшимъ представителямъ русской интеллигенціи, что все это ведетъ къ руссификаціи. Утверждающіе это не вѣрятъ въ силы польской культуры. Утверждающіе это открыто, стало быть, признаютъ, что они, несмотря на патріотическую фразеологию, боятся за „вѣрность жены своей“. Нѣтъ болѣе глубокаго оскорбленія для честной женщины, какъ подозрѣніе, что она можетъ измѣнить своему мужу. Никто не можетъ оскорбить такъ больно женщину, какъ мужъ, боязливо прячущій ее отъ мужчинъ, ревнующій ее къ каждому мужчинѣ, трепещущій за ея чистоту и цѣломудріе всякій разъ, какъ она попадаетъ въ мужское общество. И никто не унижаетъ ее такъ въ глазахъ друзей и враговъ, какъ этотъ ревнивый мужъ, по своему несомнѣнно, любящій ее и горячо и искренно. Вѣрить въ силу своей націи, понимаетъ ее и, главное, глубоко уважаетъ ее тотъ, кто гордо держитъ свою голову и не дрожитъ за нее при всякомъ шорохѣ чужой культуры, при каждомъ шелестѣ листовъ чужой книги, чужой исторіи и литературы. Я вѣрю въ силы своего народа, своей родной культуры—и не боюсь я ни нѣмцевъ, ни французовъ, ни англичанъ, ни поляковъ. Пусть придутъ даже лучшіе представители ихъ мысли, геніальнѣйшіе, сильнѣйшіе изъ нихъ въ самое сердце моей родины,—и ихъ вдохновенныя рѣчи, ихъ литература, ихъ языкъ, ихъ музыка, потрясши мою душу, раскрывши передъ умомъ моимъ новый міръ, поднявши меня надъ моею хатою, за мой частоколь въ болѣе широкій міръ челоуѣческихъ желаній и челоуѣческихъ отрицаній, ни на минуту тѣмъ не менѣе не взволнуютъ моей груди чувствомъ страха за національную самобытность моихъ братьевъ по крови и чувствомъ сомнѣнія въ „вѣрность жены

моей“, въ „цѣломудріе матери моей“. Уваженіе къ полякамъ, какъ носителямъ культуры, любовь къ ихъ литературѣ и искусству, пониманіе и знаніе ихъ исторіи, глубокое сочувствіе ихъ національнымъ скорбямъ и искреннее желаніе имъ скорого и благополучнаго выхода въ царство свободы, на путь національнаго самоопредѣленія—вотъ эти чувства, вотъ эти представленія о силѣ польской культуры и заставляютъ меня говорить противъ тѣхъ польскихъ патріотовъ, которые такъ боятся руссификаціи со стороны русской интеллигенціи, со стороны просто скромныхъ русскихъ культурныхъ работниковъ, осуществляющихъ такъ или иначе лишь требованія общечеловѣческой правды и справедливости. Въ тѣхъ элементахъ польской молодежи, которые увлекались русской литературой, говорили охотно по русски, напр., со мною, человѣкомъ совершенно частнымъ, никакого отношенія къ оффиціальнымъ сферамъ—ни косвеннаго ни прямого—не имѣющимъ, изучали русскую исторію, близко знакомились съ русскою общественною мыслью, въ тѣхъ элементахъ я никогда не наблюдалъ отсутствія „національнаго самознанія“, отсутствія знанія своей литературы и исторіи, пониманія ближайшихъ задачъ національнаго возрожденія и искренней горячей любви къ будущему своей родины. И напрасно думали бы, что это все должна быть социалистическая польская молодежь, тѣ, которые не могутъ представить себѣ, чтобы польскій юноша, не социалистически настроенный, могъ увлекаться русской литературой. Нѣтъ, увлекалась русской литературой, изучала русскую исторію и охотно и самостоятельно, безъ всякаго принужденія и безъ всякой часто практической цѣли и такая польская молодежь, которая ничего общаго съ социализмомъ—ни международнымъ ни національнымъ—никогда не имѣла и не имѣетъ. Вмѣстѣ съ такою картиною мнѣ не разъ однако приходилось наблюдать и иную: русскаго языка не знаютъ, надъ русской литературой смѣются, не зная и не понимая ея, русской исторіи не терпятъ, не имѣя объ ней и самаго отдаленнаго представленія, словомъ, казалось бы, что все требуемое „истиннымъ патріотизмомъ“ имѣется, а между тѣмъ рядомъ съ этимъ нерѣдко приходилось наблюдать столь же вопіющее незнаніе и польской литературы и польской исторіи и польскаго языка и не только незнаніе, но и равнодушіе ко всему этому. Оно конечно и не удивительно. Неужели польскій писатель и польскій общественный дѣятель, напр., Л. Крживицкій, знающій русскую литературу, сотрудничавшій въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, имѣющій многообразныя связи съ русскими писателями и учеными,

неужели онъ поэтому то именно и не полякъ, менѣе полякъ, чѣмъ какая-нибудь невѣжественная дама, не желающая знать русской литературы только потому, что эта литература русская, считающая преступленіемъ какія бы то ни было связи съ русскими людьми и въ концѣ концовъ все-таки никакой рѣшительно дѣйствительной національной цѣнности, несмотря на весь свой націонализмъ, и не представляющая? Большую національную цѣнность, болѣе опредѣленную національную величину представляетъ тотъ, кто больше знаетъ, кто лучше и шире понимаетъ, кто не замыкается въ свою національную скорлупу и здраво относится къ внѣшнему міру. Съ національной именно точки зрѣнія для русскихъ болѣе высокую цѣнность представляетъ Герценъ, чѣмъ, напр., Катковъ. Национальная цѣнность Толстого—врага патріотизма, націонализма и государственной власти—гораздо выше, нежели национальная же цѣнность всей, напр., редакціи „Новаго Времени“, несмотря на все ея благородное кликушичество на патріотическіе мотивы. Национальная цѣнность Милюкова *) несоизмѣрима съ національной цѣнностью напр., Филевича, никакой въ сущности цѣнности—и именно національной—и не представляющаго, несмотря на весь его „патріотическій“ пылъ и на всю его близость къ такимъ специалистамъ по патріотической части, какъ Суворинъ отецъ и шутоватый Меньшиковъ, патріотической смѣлости которыхъ не хватило, какъ извѣстно, даже на то, чтобы указать на истинную цѣль и на истинный смыслъ манчжурскихъ „предпріятій“ и даже чтобы воздержаться отъ словословія Гурко.—Все это однако отнюдь не значить, что руссификаціи въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ. Напротивъ, этимъ подчеркивается, что руссификація въ Царствѣ Польскомъ существуетъ, руссификація воинствующая, опирающаяся на систему организованнаго и планоустроеннаго гоненія противъ польскаго языка и польской національной самобытности, руссификація, не терпящая даже русскихъ, разъ они являются проводниками идеаловъ русской интеллигенціи, а не принциповъ русскаго націонализма, не принциповъ государственной централизаціи и національной нивелировки. Эта руссификація не достигаетъ цѣли, какъ не можетъ достигнуть цѣли и никакая иная руссификація, ибо

*) Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣчу: это неоднократное упоминаніе имени Милюкова не значить, что я раздѣляю политическія воззрѣнія Милюкова и примыкаю къ партіи, лидеромъ которой онъ является. Я только не могу не видѣть въ г. Милюковѣ одного изъ замѣчательныхъ русскихъ историковъ и не признавать его громаднхъ научныхъ и культурныхъ заслугъ.

для этого нѣтъ въ польской культурѣ и польской націи элементовъ разложенія, нѣтъ оцѣпенѣнія ея внутреннихъ силъ, ибо польская нація сама творитъ культуру и вырабатываетъ все, что необходимо для самостоятельнаго движенія по широкому историческому общечеловѣческому руслу прогресса,—да, эта руссификація не достигаетъ цѣли, и руссификаціи, какъ результата, какъ превращенія хоть одной пылинки польскаго національнаго быта въ элементъ русской стихіи, нѣтъ и не можетъ быть, но руссификація, какъ цѣль политической системы, какъ жажда „русскихъ патріотовъ“, какъ тяжелый камень, давящій націю, эта руссификація существуетъ, требуетъ, повелѣваетъ, смиряетъ, потрясаетъ, озлобляетъ. Противъ нея естественно поднимается негодованіе и должно подниматься и не потому, что эта система грозитъ превращеніемъ поляковъ въ русскихъ, и не потому, что она можетъ достигнуть своей цѣли, и не потому, что страшна и ужасна русская культура сама по себѣ, что позорно быть русскимъ, говорить по-русски, знать Россію, ея литературу, ея лучшія стремленія, ея лучшіе идеалы, а только потому, что въ данномъ случаѣ передъ нами насиліе, что въ данномъ случаѣ стѣсняется движеніе націи къ осуществленію поставленныхъ передъ нею цѣлей, что въ данномъ случаѣ создаются муки, тѣ муки, которыя порождаются въ насъ. когда похищаютъ у насъ право свободно мыслить и говорить, свободно любить и ненавидѣть, свободно исповѣдовать свои національныя и культурныя вѣрованія. Но для борьбы съ этимъ нѣтъ никакой необходимости въ націонализмѣ, въ безусловной ненависти къ русскому, въ безусловномъ отрицаніи русской литературы и какихъ бы то ни было чувствъ, связующихъ съ русскимъ обществомъ. Противъ этого борются вѣдь и не одни націоналисты, противъ этого протестуютъ вѣдь и сами русскіе, тѣ русскіе, которые не хотятъ имѣть ничего общаго съ системой оффиціального патріотизма и съ шовинизмомъ русскихъ „завоевателей“, протестуютъ далеко не одни только наиболѣе нередовые русскіе, не одни только лучшіе и просвѣщеннѣйшіе, а и рядовые, массовые русскіе люди. Авторъ этихъ строкъ, конечно, понимаетъ, что при всемъ томъ не слѣдуетъ въ польскомъ націонализмѣ съ одной и въ русскомъ націонализмѣ съ другой стороны видѣть нѣчто однородное, что, протестуя противъ польскаго націонализма, слѣдуетъ помнить его причины, до нѣкоторой степени объясняющія и оправдывающія его. Да, націонализмъ поляковъ это — ненависть, жажда и голодъ людей, лишенныхъ влаги и пищи, націонализмъ же русскій это — ненасытность торжествующаго волка,

это—ненависть, жажда и голодъ владыки, аппетиты котораго разгораются тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяетъ онъ свои похоти, чѣмъ болѣе жертвъ вокругъ себя онъ видитъ и давитъ. Совершенно понятно, что голодный, лишенный крова и покоя человѣкъ нападаетъ на каждого, въ негодованіи и въ озлобленіи не разбираетъ друзей и враговъ, рѣшается даже на насиліе, даже на оправданіе насилія. Это совершенно понятно и можетъ только возбуждать участие къ больному и истерзанному человѣку. Но непонятно, отвратительно и возмутительно, когда то же самое продѣлываетъ богатый, сытый баринъ, миллионеръ и властитель, требующій ото всѣхъ исчезновенія передъ лицомъ его, жаждущій превращенія всѣхъ въ рабовъ его только потому, что онъ—сила, только потому, что онъ можетъ сильною рукою задушить всякую справедливость и голосъ всякой правды. Конечно, мы можемъ не согласиться и съ голоднымъ человѣкомъ, когда онъ вооружается ненавистью ко всѣмъ мимо проходящимъ людямъ, когда онъ нападаетъ на всѣхъ, не разбирая виновниковъ своего несчастья и друзей своихъ,—мы можемъ отрицательно относиться къ методу его борьбы за свое благополучіе, къ средствамъ, къ которымъ онъ обращается въ своемъ стремленіи къ освобожденію отъ узъ и тисковъ, мы можемъ указать ему, что онъ вооружается такимъ же оружіемъ какимъ вооружается и его угнетатель, что онъ выдвигаетъ тѣ самые принципы въ оправданіе формъ своей борьбы, какими орудуетъ и этотъ торжествующій угнетатель, что онъ, направляя свои удары вмѣстѣ съ угнетателемъ и на всѣхъ другихъ голодныхъ и угнетенныхъ людей, и на плѣнниковъ этого угнетателя—только потому, что они принадлежатъ къ одной съ угнетателемъ націи,—что онъ, поступая такимъ образомъ, отдаляетъ цѣли своей борьбы, самъ подъ себя подкапывается и работаетъ въ интересахъ своихъ же враговъ,—все это, конечно, мы можемъ сказать ему,—но это уже совершенно иной вопросъ, ничего рѣшительно за руссификацію не говорящей и не закрывающей отъ взоровъ истинныхъ источниковъ польскаго націонализма *).

*) Понимая, къ какимъ недоразумѣніямъ все это можетъ повести, я долженъ подчеркнуть еще разъ, что имѣю въ виду только незначительную часть польскихъ націоналистовъ, такъ какъ среди польскихъ націоналистовъ все-таки больше терпимости и просвѣщенности, чѣмъ, напр., среди русскихъ Созоновичей. Долженъ подчеркнуть, что, даже будучи настроены противъ свободнаго проявленія русской культуры въ Царствѣ Польскомъ, польскіе націоналисты тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ относятся къ русскимъ, приходящимъ къ нимъ съ добрыми чувствами, нерѣдко лучше, чѣмъ слѣдуетъ. Въ этихъ случаяхъ наблю-

Да простятъ мнѣ читатели это длинное отступленіе: вопросъ о націонализмѣ въ Царствѣ Польскомъ настолько животрепещущій и острый вопросъ, что, заикнувшись о немъ, иѣтъ возможности пройти мимо него, не остановившись на нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ сторонахъ его — хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ и на нѣсколько минутъ. Возвращаясь теперь къ своей темѣ, я долженъ прежде всего подчеркнуть, что именно въ интересахъ руссификаціи преподаваніе такихъ предметовъ, какъ исторія русской литературы, въ Варшавскомъ университетѣ было поставлено столь ужасающимъ образомъ, что именно въ интересахъ политическихъ преподаваніе такихъ наукъ вручалось людямъ, отличающимся самымъ вопіющимъ непониманіемъ продуктовъ человѣческаго духа, лишеннымъ совершенно способности быть въ курсѣ современныхъ теченій въ жизни и въ литературѣ и всецѣликомъ проникнутыхъ боязнью пространства, свѣта и воздуха. Общая система, не гарантирующая наши университеты отъ бездарностей и даже создающая условія, при которыхъ такую отвѣтственную кафедру, какъ исторія литературы, могутъ занимать люди, лишенные эстетическаго развитія, широты эстетическаго взгляда и глубины социоло-

дается даже, что эти польскіе націоналисты переоцѣниваютъ качества такого русскаго человѣка и къ его добрымъ чувствамъ и поступкамъ относятся, какъ къ подвигу,—точно не обязанность всякаго добропорядочнаго человѣка поступать такъ, какъ и слѣдуетъ поступать ему. Съ другой стороны, нелишне кстати отмѣтить тутъ, что нерѣдко даже либеральные люди требуютъ отъ поляковъ какой-то особенной благодарности за то, что они «порядочные люди»,—какъ будто бы это не простая ихъ обязанность и какъ будто не ясно, что поляки благодарить порядочныхъ людей за то, что они порядочные, не обязаны. Нерѣдки случаи, когда такіе либеральные люди приходятъ въ негодованіе, если поляки требуютъ отъ нихъ вѣрности своимъ принципамъ и, гордо ставъ въ позу радикальнаго человѣка, зная, гдѣ раки зимуютъ, указываетъ грозно на польскій шовинизмъ, на свое благородство и т. п. При такихъ условіяхъ, конечно, понятно, что поляки не всегда довѣряютъ даже «друзьямъ» изъ русскихъ и, какъ показываетъ опытъ, очень часто не ошибаются. Можно указать цѣлый рядъ людей, которые просто радикальничали, находясь въ Царствѣ Польскомъ изъ-за разныхъ благъ, и сейчасъ въ Петербургѣ, всякими нерадикальными путями достигнувъ права на радикальную ни къ чему не обязывающую болтовню разные выгодныя дѣла дѣлаютъ умѣя и карманъ удовлетворить и шумѣтъ о благородствѣ, но которые въ рѣшительную минуту не сумѣли остаться вѣрными даже фразеологіи своей: лишь только судьба ударила по карману, они немедленно же стали требовать жертвъ отъ поляковъ въ благодарность за то, что они были порядочными русскими людьми и свои мелкіе интересы, свои мѣщанскіе планы прикрывать шумомъ о польскомъ націонализмѣ, о своемъ идеализмѣ, и т. д. На все это необходимо было указать, чтобы была ясна моя собственная точка зрѣнія, чуждая всякаго націонализма въ какомъ бы то ни было видѣ.

гического пониманія предмета, эта общая система въ Варшавскомъ университетѣ получила особенно рельефное выраженіе, вылилась въ рамки, особенно рѣзко очерченныя, — именно потому, что тутъ особенно рѣзко подчеркивается ея политическая сторона, именно потому, что съ нею тутъ сочетаются еще и интересы чисто политическаго характера и не только сочетаются, но и получаютъ господство. Въ интересахъ «патріотизма» важно имѣть въ Варшавскомъ университетѣ не столько такихъ людей, которые могутъ развернуть передъ слушателями красивую и интересную картину развитія русской культуры, могутъ возбудить уваженіе къ русской интеллигенціи и вниманіе къ лучшимъ плодамъ ея литературнаго и политическаго творчества, сколько люди вѣрные завѣтамъ Каткова, сколько люди, могущіе заставить уважать «русскій духъ», какъ его представляютъ идеологи официальной Россіи и отгнивающіе элементы русскаго общества, ибо что имъ до уваженія къ русской интеллигенціи, на что имъ уваженіе и вниманіе къ ея жизни и идеаламъ, къ жизни и идеаламъ, которыхъ они сами не уважаютъ, которыя они сами преслѣдуютъ, стараются убить и заглушить. И Смирновы торжествуютъ здѣсь, поучаютъ и просвѣщаютъ. Вотъ почему и учениками ихъ являются люди бездарные, неспособные дышать свѣжимъ воздухомъ, не способные въ свою молодую грудь впустить струю этого свѣжаго воздуха и, вопреки всѣмъ законамъ молодости и природы, глотающіе старую гниль, пережевывающіе отбросы своихъ старыхъ, глядящихъ въ могилу учителей. И дѣйствительно, типичнымъ ученикомъ этихъ Кулаковскихъ, Созоновичей и Смирновыхъ являлся на историко-филологическомъ факультетѣ доцентъ Францевъ, въ настоящее время, кажется, профессоръ съ чинами и орденами, какъ это и полагается казенной учености. Въ годъ моего окончанія курса онъ только-что возвратился изъ-за границы, гдѣ готовился къ профессурѣ, и занялъ каѳедру славянскихъ литературъ. Онъ читалъ намъ не то исторію чешской литературы, не то исторію славянскихъ древностей. Могло это быть и то и другое, такъ какъ по существу это была какая-то несуразная каша, какая-то неудобоваримая смѣсь самыхъ разнообразныхъ названій, именъ и датъ. Молодой человѣкъ, посвятившій себя изученію славянскихъ литературъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ крайне необразованнымъ человѣкомъ. Вся его «наука» состояла въ зубряжкѣ и въ передачѣ плодовъ такой по истинѣ сизифовой работы. Ничего, кромѣ деревяннаго терпѣнія и чисто чиновничьей усидчивости. для такой «науки» не требуется — ни таланта, ни остроты и самостоятельности мысли, ни образо-

ванія, ни просвѣщенности. И онъ простодушно, какъ новорожденный младенецъ, упивался званіемъ доцента, какъ сейчасъ, вѣроятно, упивается званіемъ профессора, не подозрѣвая, сколько жалости, сколько едва сдерживаемаго смѣха вызываетъ онъ въ людяхъ, которые привыкли искать науки не подъ однимъ лишь плащемъ профессора и обращать вниманіе на эту «ветошь маскарада» только въ тѣхъ случаяхъ, когда она является дѣйствительно символомъ науки, когда она представляетъ собою дѣйствительно даръ настоящей науки, а не только продуктъ одного долгаго сидѣнія и безчеловѣчнаго коптѣнія. Ни одной живой мысли, ни одного хоть сколько-нибудь смѣлаго шага за предѣлы чисто археологическаго копанія въ грудѣ матеріаловъ въ его курсѣ нельзя было бы найти, какъ нельзя было бы найти ихъ и въ его «изслѣдованіяхъ». Впрочемъ, и это археологическое отношеніе къ литературѣ и исторіи славянскихъ народовъ представляло собою въ его рукахъ нѣчто лишенное какого-бы то ни было интереса, всякой какой бы то ни было оригинальности. Передъ студентами являлся просто ремесленникъ, чернорабочій, автоматъ, механически превращающій факты, «матеріалы», даты и имена въ исписанный аккуратно листъ бумаги—мертвый, скучный, никому ненужный и до крайности стереотипный и холодный. Это былъ своего рода мученикъ науки, ея жертва: за честь быть по формуляру ея слугою онъ отдавалъ свою душу, кровь, жизнь, душилъ въ себѣ настоящія человѣческія чувства и радости и самоотверженно отдавалъ себя на съѣденіе архивныхъ червей и книжной пыли. Какую онъ пользу приносилъ обществу? Какая была ему цѣна? Кому и на что была нужна его ученость, его жертва, его мученичество? Два — три специалиста назовутъ когда-нибудь въ примѣчаніи къ своимъ трудамъ его имя, та или иная «библіографія» для «нолноты» упомянетъ когда-нибудь его—и затѣмъ все порастетъ мохомъ и все забудется, а пользы между тѣмъ человѣкъ никакой не принесъ, никого ничему не научилъ, никого не просвѣтилъ, никому ни въ чемъ не помогъ, для всѣхъ и cadaго былъ въ своемъ родѣ лишнимъ человѣкомъ. Досаднѣе всего было то, что это былъ все-таки молодой человѣкъ. Какъ могъ молодой человѣкъ до такой степени быть чуждымъ широты интересовъ, до такой степени не умѣть свои научныя занятія сочетать съ болѣе широкимъ взглядомъ на жизнь и науку, до такой степени рабски копировать научную фізіономію Кулаковскихъ и тому подобныхъ людей «науки», той науки, которая находится гдѣ-то внѣ времени и пространства и роковымъ образомъ вступаетъ въ тѣсную связь съ самыми темными теченіями жизни,

съ самыми глухими закоулками и съ самыми грубыми силами ея, съ силами, ничего общаго съ просвѣщеніемъ и культурой не имѣющими? Какъ могъ молодой человѣкъ, выросшій въ иныхъ условіяхъ времени и исторіи, нежели Созоновичи, всосать настроеніе этихъ по истинѣ «духовъ изгнанія», проникнуться ихъ пониманіемъ знанія и ихъ чувствами. Проникнуться всѣмъ этимъ до такой степени, что даже въ Чехіи имѣтъ связи главнымъ образомъ не съ людьми широкаго просвѣщенія, а съ элементами реакціонными и консервативными въ научномъ и политическомъ смыслѣ, что даже въ Чехіи стремиться не къ лучшимъ и наиболѣе передовымъ представителямъ чешскаго общества, а къ наиболѣе... похожимъ на Кулаковскихъ и тому подобныхъ рыцарей безъ страха и упрека. Проникнуться до такой степени, что ничего рѣшительно не понимать въ происходящемъ вокругъ, сочувствовать полонофобству и юдофобству, пожимать руку людей, которые во имя просвѣщенія и отъ имени науки оправдываютъ смертныя казни, военныя положенія, все то, что гонитъ науку и просвѣщеніе, отъ чего меркнетъ свѣтъ и того, и другого! Все это, конечно, объясняется крайнею необразованностью, полною отчужденностью ото всего того, что и представляетъ собою культуру и просвѣщеніе. Профессоръ и отчужденность отъ образованности и просвѣщенности! Это звучитъ какъ-то странно, а между тѣмъ это бываетъ—и очень часто, чаще, чѣмъ представляютъ себѣ люди, не посвященные въ тайны профессорскихъ кулисъ. Особенно часто бываетъ это не то по какой то случайности, не то по законамъ естества, не то просто по роковому сцѣпленію обстоятельствъ съ славистами. Какъ только человѣкъ начинаетъ заниматься славянскою филологіей и вообще славянами, то почти безошибочно можно сказать, за очень рѣдкими исключеніями: «обиженъ судьбой». Ни таланта, ни широты, ни свѣжести, рѣшительно ничего—въ большинствѣ, конечно, случаевъ, а не во всѣхъ безъ различія и разбора. Бываютъ, правда, случаи, когда такой славистъ вдругъ возьметъ да заговоритъ языкомъ образованныхъ людей, но зато почти всегда въ этихъ случаяхъ и происходитъ нѣчто въ высокой степени комичное и жалкое. Такъ въ Варш. Унив. наприм., одинъ развязный «ученикъ» г. Созоновича на магистерскомъ экзаменѣ съ большою важною говорилъ о „наполеоновскихъ войнахъ и *тому подобнымъ социальнымъ условіямъ*“—и слависты очень одобряли дѣльнаго и образованнаго «ученика». Другой славистъ какъ то заговорилъ на одномъ публичномъ чтеніи о схоластикѣ и совершенно серьезно („какъ другіе образованные люди“) увѣрялъ, что схоластики, *по его мнѣ-*

мию собственно очень серьезное явление въ средневѣковой Европѣ и что, *по его мнѣнію*, схоластику слѣдуетъ изучать очень серьезно, не подозрѣвая, очевидно, что онъ высказывая *свое* мнѣніе, говорилъ тѣмъ не менѣе нѣчто очень элементарное даже для гимназиста.

Въ Варшавскомъ Университетѣ слависты всѣ, какъ нарочно, были люди крайне отсталые и совсѣмъ не разбирающіеся въ благахъ общечеловѣческой культуры. Художественной литературы они не понимали, искусства не чувствовали и не знали, наслаждаться красотой его созданій не умѣли, съ философскими и политическими теченіями ни пришлыхъ ни настоящихъ временъ не были знакомы, журналистики не одобряли, въ разныхъ тамъ теченіяхъ русской общественной мысли совершенно никакого толку не видѣли и, естественно всецѣликомъ проникались ароматамъ ладона и деревяннаго масла, окружали себя образами давнопрошедшихъ увлеченій и увлекались тѣмъ, что по существу не только было уже мертво, но и сгнило, обратилось въ прахъ уже. Чего, на-примѣръ, стоилъ одинъ только профес. Кулаковскій! Читалъ онъ намъ самые разнообразныя курсы подобно г. Созоновичу по старымъ запискамъ, говорилъ онъ намъ и о чехахъ, и о полякахъ, и о хорватахъ и т. д., говорилъ и объ „мусульманскомъ мѣсяцѣ, побѣжденномъ христіанскимъ крестомъ“, и о мукахъ славянъ, и о великой миссіи „славянскаго міра“, и о возрожденіи славянъ и т. д.,—но слушать его все-таки не было никакой возможности, и студенты преспокойно углубились въ какую-нибудь книгу, пропуская мимо ушей скучную и безсодержательную рѣчь профессора. Образованнаго чело-вѣка въ немъ нельзя было найти даже при самомъ искреннемъ желаніи, даже при самой отчаянной натяжкѣ. Вся исторія славянъ у него превращалась просто въ словоизверженіе и даже въ сквернословіе, ибо что же такое специфически славянофильское повѣствованіе о „мусульманскомъ мѣсяцѣ“, какъ не простое сквернословіе? Всѣ рѣчи его были проникнуты лишь политической страстью весьма опредѣленнаго характера, но интеллигентности, образованности, научности въ нихъ не было и крупинки. Да и какъ могъ быть просвѣщеннымъ чело-вѣкомъ профессоръ, сдѣлавшійся впоследствии редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника“! Что можетъ быть общаго между просвѣщеніемъ и чело-вѣкомъ, идущимъ служить въ такихъ мѣстахъ? Какое просвѣщеніе можетъ помириться съ органомъ печати, по своей сущности чуждымъ всякой любви къ просвѣщенію, къ свободному творчеству, ибо гдѣ нѣтъ уваженія къ свободѣ творчества, тамъ нѣтъ и не можетъ быть уваженія къ просвѣщенію и наука? Да

и едва ли этот „просвѣщенный“ человекъ и желалъ просвѣщенія. На что было бы ему просвѣщеніе? На что было бы просвѣщеніе инквизиторамъ, разъ оно осудило бы ихъ? На что было бы просвѣщеніе врагамъ Галиллея, Джордано Бруно и т. д., разъ оно украсило лавровымъ вѣнкомъ головы ихъ жертвъ, а ихъ привозило къ позорному столбу? На что просвѣщеніе Созоновичамъ, Пуришкевичамъ и тому подобнымъ „ученымъ“ и „патріотамъ“, разъ оно не можетъ оправдать насиліе надъ человѣческимъ духомъ, разъ оно отрицаетъ нетерпимость, разъ оно жизнь каждаго человека признаетъ святыней, которой не смѣетъ коснуться преступная рука палача, разъ оно палачами называетъ тѣхъ, кто оправдываетъ разстрѣлы тысячи людей, кто признаетъ законность и необходимость смертныхъ казней? *) Другой весьма видный въ Варшав. Унив. славистъ—проф. Карскій былъ очень основательный человекъ. Онъ читалъ исторію русскаго языка, исторію народной русской словесности, славянскую грамматику и славянскую палеографію. Курсы его отличались большою эрудиціей и крайнею добросовѣстностью, тщательностью обработки матеріала и основательностью изложенія. Но опять таки это былъ человекъ совѣмъ неинтеллигентный. Нерѣдко можно было услышать отъ него такіа мнѣнія и соображенія, которыя совершенно ясно обнаруживали въ немъ узкаго до крайности специалиста и человека, который какъ то сумѣлъ пройти мимо потока общечеловѣческихъ умственныхъ увлеченій и стремленій, не глотнувши ни одной капельки живительной влаги. Это было не только полное незнаніе того, что дѣлается за предѣлами его грамматическихъ интересовъ, не только отсутствіе широты знаній, но и нѣчто большее. Въ каждой наукѣ несомнѣнно есть сторона, которая захватываетъ болѣе широкія области, которая требуетъ болѣе такъ сказать философскаго отношенія къ предмету своего изученія, нежели сторона чисто факти-

*) «Просвѣщенный» Созоновичъ, какъ извѣстно, во второй Государственной Думѣ указывалъ на то, что во Франціи во время коммуны были разстрѣляны тысячи «преступниковъ», и на этомъ основаніи считалъ совершенно правильнымъ такого же рода разстрѣлы и въ Россіи. Несомнѣнно, и тѣ просвѣщенные ученые, которые въ средніе вѣка создавали и вели процессы вѣдьмъ, были людьми, дѣйствовавшими «разумно», и они съ негодованіемъ могли смотрѣть на тѣхъ, кто протестовалъ противъ ихъ звѣрской жестокости. Господа Созоновичи не понимаютъ, что они, надѣвая тогу просвѣщенныхъ людей, въ будущемъ будутъ вспоминаться, какъ яркая иллюстрація крайне низкаго уровня пониманія просвѣщенія и того, что «наука» на извѣстныхъ ступеняхъ социальнаго развитія не спасаетъ человека отъ самыхъ дикихъ чувствъ и самыхъ первобытныхъ представленій.

ческая и узко-спеціальная. Можно изучать червя и ничего, кромѣ этого червя, въ этомъ изученіи не видѣть,—это будетъ одна сторона науки. Но можно изучать того же червя и въ этомъ изученіи видѣть всю сложность біологическихъ законовъ, видѣть отраженіе цѣлаго процесса и намѣчать пути рѣшенія цѣлой философской проблемы,—и это будетъ другая сторона той же самой науки. Настоящимъ специалистомъ будетъ тотъ, кто обѣ эти стороны своей науки видитъ и понимаетъ и понимая сочетаетъ въ своихъ собственныхъ занятіяхъ и въ своихъ чтеніяхъ, и особенно въ чтеніяхъ, такъ какъ тутъ уже не какой-либо отдѣльный винтикъ долженъ изучаться, а должна изучаться вся совокупность вопросовъ и задачъ, входящихъ въ составъ той или иной данной научной дисциплины. Потенія, напр., былъ замѣчательнымъ изслѣдователемъ именно потому, что обѣ указанныя стороны его науки нашли въ немъ крупнаго и глубокопроникающаго въ суть предмета выразителя. Овсяннико-Куликовскій замѣчательный специалистъ именно потому, что онъ умѣетъ стоять на высотѣ этихъ широкихъ требованій науки, на высотѣ настоящей науки. Это, конечно, не значитъ, что Потенія, Овсяннико-Куликовскій и подобные имъ изслѣдователи *все* знаютъ и *все* понимаютъ, все, что только существуетъ въ качествѣ образовательнаго матеріала. Это, конечно, не значитъ, что именно въ разносторонности ихъ знаній заключается ихъ научная цѣнность. Это значитъ только вотъ что: они проникнуты широкими интересами, широкимъ пониманіемъ, сама ихъ наука, усвоенная со *всѣми* своими сторонами, дала имъ широкую точку зрѣнія, подняла ихъ надъ міромъ «мелочныхъ заботъ» и «мелкихъ интересовъ», ихъ научная цѣнность состоитъ именно въ томъ, что за деревьями они не забыли видѣть лѣсъ, а въ лѣсу не забыли видѣть деревья, отсюда и *способность* понимать *все* не въ деталяхъ (это дѣло специалистовъ), а въ общей постановкѣ вопроса, сочувствовать всему широкому и разностороннему, отсюда уже и разносторонность ихъ знаній, ихъ занятій и интересовъ. Не *всѣмъ* дано подняться на уровень научнаго развитія Потенби, Овсяннико-Куликовскаго и т. п. Но вопросъ можетъ быть только въ степени этого развитія; *характеръ* же научнаго отношенія къ предмету, *содержаніе* же научныхъ интересовъ можетъ быть одно и то же и на высшихъ ступеняхъ и на среднихъ ступеняхъ этого развитія. Отсутствие того, что я бы назвалъ научнымъ образованіемъ, и сказывается въ томъ, что это содержаніе неполно, что оно не отвѣчаетъ содержанію самой науки. Профес. Карскій и отличался тѣмъ, что, при всей своей основательности, онъ былъ

все-таки очень узкимъ въ своей собственной области чело-
вѣкомъ, что его наука находила въ немъ представителя лишь
одной своей стороны, что онъ, иначе говоря, не владѣлъ на-
укой какъ она есть, во всей цѣлостности ея задачъ и ея
интересовъ. Вотъ почему, подходя къ этимъ людямъ ближе,
не чувствуешь того, что обыкновенно чувствуется, когда под-
ходишь къ творчеству, не чувствуешь вѣянiя мысли, нодѣма
духовныхъ силъ. Глядя на нихъ, не видишь игры свѣта, не
видишь интеллигентности въ широкомъ смыслѣ этого слова,
способности все понять, на каждый звукъ жизни и природы,
литературы и науки родить хоть какой-нибудь откликъ. А
между тѣмъ для профессора, преподавателя и воспитателя
молодежи, совершенно необходима эта интеллигентность.
Можно сказать съ увѣренностью, что интеллигентный про-
фессоръ имѣетъ гораздо большее влiянiе на образованiе
умовъ, нежели самый основательный, но неинтеллигентный
специалистъ. Вѣдь для образованiя умовъ важны не столько
знанiя, сколько именно предрасположенiе къ умственной ра-
ботѣ, сколько интересъ къ ней, сколько то, что заставляетъ
его кипѣть, шевелиться и накоплять знанiя, только въ этомъ
случаѣ представляющiя нѣчто чрезвычайно важное и сильное.
Какъ можетъ дать молодежи вотъ именно это предрасполо-
женiе ума профессоръ, не интеллигентный, лишенный широ-
кихъ интересовъ, представляющiй собою какой-то винтикъ
въ чужихъ рукахъ, какую то машинку, исполняющую свои
спеціальныя функцiи слѣпо и механически! Я думаю, что
въ значительной долѣ этимъ отсутствiемъ интеллигентности
на словесномъ отдѣленiи историко-филологическаго факуль-
тета и объясняется то, что молодые люди, кончающiе курсъ
по этому отдѣленiю и затѣмъ дѣлающiеся преподавателями
среднихъ учебныхъ заведенiй, обыкновенно отличаются край-
нею необразованностью и совершеннымъ непониманiемъ мно-
гихъ существеннѣйшихъ сторонъ педагогическихъ дѣятель-
ности и отсутствiемъ широкихъ и разностороннихъ умствен-
ныхъ интересовъ *). А что интеллигентный профессоръ,
интеллигентный въ специальномъ смыслѣ, въ смыслѣ усвоенiя
и пониманiя всѣхъ сторонъ своей же науки, что такой интел-
лигентный профессоръ можетъ имѣть громадное значенiе,
несмотря даже на всю специальность его предмета, несмотря
даже на всю кажущуюся отрѣшенность его отъ тревоженнiй
жизни и не смотря даже на другiя въ высшей степени несим-
патичныя качества самого профессора, это можно было на-

*) Конечно, счастливыя исключенiя бывають и ихъ легко было бы
перечестъ по пальцамъ.

блюдать и въ Варшавскомъ Университетѣ. Я имѣю въ виду профессора сравнительнаго языковѣдѣнія Ульянова. Курсы его всегда производили на меня громадное впечатлѣніе. Изложеніе его отличалось замѣчательною стройностью, простотою и увлекательною сжатостію содержательной и тщательно продуманной импровизаціи. Спеціальнѣйшія вещи въ его изложеніи пріобрѣтали высокій общій интересъ, и студенты проникались тѣмъ духомъ научной широты и философскаго углубленія въ предметъ, какимъ были отмѣчены его лекціи. Онъ несомнѣнно обладалъ крупнымъ педагогическимъ талантомъ, но въ его изложеніи играло роль не только это, —его изложеніе было проникнуто общей идеей, представляло собою синтетическое изображеніе исторіи человѣческаго языка вообще съ тонкими психологическими экскурсами и чрезвычайно яркими иллюстраціями,—то, что и дается широкимъ научнымъ отношеніемъ къ предмету, научною интеллигентностію. И можно быть убѣжденнымъ, что въ развитіи умственныхъ интересовъ студентовъ онъ сыгралъ гораздо большую роль, нежели основательнѣйшій г. Карскій, хотя бы сами студенты этого и не сознавали и по разнымъ причинамъ преклонялись передъ первымъ, а не передъ вторымъ. Къ сожалѣнію, профессоръ Ульяновъ скоро прекратилъ, чтеніе лекцій и роль профессора и ученаго промѣнялъ на роль администратора. Вызываетъ сожалѣніе еще то, что это былъ человѣкъ политически и соціально совсѣмъ неразвитый и этимъ въ значительной степени парализовалъ вліяніе своего прекраснаго изложенія: только очень немногіе могли подъ холодомъ и сухостію формы, подъ „политикой“ и соціальнымъ міровозрѣніемъ его и подъ отношеніемъ къ людямъ и жизни, вытекавшимъ изъ этого, открыть широкую научность и идейное содержаніе, до такой степени странно уживающееся съ этою грубою оболочкою неправильно понятыхъ общественныхъ интересовъ и слѣпо усвоенныхъ настроеній. Быть можетъ, этимъ именно объясняется, что впоследствии онъ согласился быть даже попечителемъ учебнаго округа, потому что трудно допустить, чтобы соціально развитый ученый и при томъ крупный, одаренный ученый мой промѣнять скромный плащъ профессора на пышную тогу попечителя. Когда добивается такого административнаго поста ничтожество, человѣкъ, представляющій въ наукѣ и въ педагогической средѣ пустой звукъ, профессоръ, ничего за душою, кромѣ профессорскаго ярлыка, не имѣющій, или профессоръ, никогда въ душѣ своей потребности научнаго творчества не ощущавшій и потому, достигнувъ всякихъ степеней и наградъ, ставшій тяготиться своими профессорскими

обязанностями,—то это понятно. Но какъ понять, когда то же самое продѣлываетъ крупный ученый, несомнѣнно способный къ безконечному развитію, несомнѣнно въ душѣ своей хранящій цѣлыя груды разнообразныхъ, оригинальныхъ и интересныхъ идей, нѣсомнѣнно обладающій даромъ учить и просвѣщать, стало быть, несомнѣнно проникнутый потребностью дѣлать это, т. е. учить и просвѣщать?! Нельзя представить себѣ, чтобы артистъ, отдавшійся своему призванію, бросилъ сцену, разстался съ образами, которые наполняли его душу, или чтобы музыкантъ, полюбившій звуки и ими живущій, разбилъ свой инструментъ, отказался отъ своей профессіи для какой бы то ни было „должности“. Для него его свободное творчество выше и прекраснѣе блеска мундировъ и золота. Для него власть надъ человѣческими умами дороже и прекраснѣе власти сановниковъ, опирающейся на матеріальную силу. Почему же и человѣку науки, профессору не цѣнить выше всего своей работы, не ставить своего дѣла выше роли администратора, выше интересовъ и заботъ чиновника? Особенно если вспомнить, какая роль выпадаетъ въ Россіи на долю разныхъ попечителей, министровъ и т. д.

Крайнею необразованностью отличались и классики. Профессоръ, читавшій исторію римской литературы, едва ли владѣлъ своимъ предметомъ даже въ той степени, какая необходима просто для хоть сколько-нибудь самостоятельнаго отношенія къ изучаемому объекту. Вѣчно больной и раздраженный, онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ и пропуская безконечное количество лекцій, ничего почти своимъ слушателямъ не давалъ. Римская литература, столь интересная и представляющая собою такой благодарный матеріалъ въ рукахъ талантливаго, знающаго и образованнаго историка и филолога, въ изложеніи профессора Вѣхова отталкивала слушателей,—и они кончали курсъ, такъ-таки и не получивъ хоть сколько-нибудь основательнаго и соотвѣтствующаго представленія о ней. Ни одной живой мысли въ свой скучный, тягучій и мычащій рассказъ онъ не вносилъ. Профессоръ не понималъ самъ римской литературы, самъ не зналъ ее такъ, чтобы умѣть заинтересовать ею, чтобы показать въ ней живую душу, чтобы представить ея красоту въ однихъ случаяхъ, ея историческій смыслъ въ другихъ. Грубое прикосновеніе рукъ, не привыкшихъ обращаться съ такими тонкими явленіями, какъ литература, коверкало не только общую картину, но и детали, живой переплетъ различныхъ теченій мысли и чувства превращало въ перечень чисто внѣшнихъ данныхъ, и профанировало такимъ образомъ и науку и самый предметъ. Ничуть не лучше по своимъ внут-

реннимъ качествахъ былъ и курсъ исторіи греческой литературы. Сообщая большое количество фактическаго матеріала, профессоръ не умѣлъ тѣмъ не менѣе оживить этотъ матеріалъ. Вся греческая литература, изъ исторіи которой такой, напримѣръ, знатокъ предмета, какъ проф. Петерб. Универс. Зѣлинскій, дѣлаетъ нѣчто увлекательное и глубоко поучительное, вся эта греческая литература въ Варшавскомъ Университетѣ представляла собою нѣчто мертвое, и неудивительно, если слушатели, не знакомые съ греческимъ творчествомъ, сами ничего не читающіе и не читавшіе, выносили убѣжденіе, что имъ классическая культура совсѣмъ ненужна и что бесполезно и неинтересно изучать ее. Свѣтлый эллинскій геній превращался подъ руками нашего основательнѣйшаго и педантичнаго профессора въ нѣчто плоское и казенное. Жизнь при его прикосновеніи къ чуднымъ твореніямъ этого генія улетала изъ нихъ,—и невидно было, гдѣ же та мощь этого генія, гдѣ же то обаяніе его силы и вдохновенія, его глубины и безсмертія, которымъ онъ обладалъ. Ни одной фигуры изъ богатой галлерей древнеэллинскихъ мастеровъ слова и художественнаго творчества нашъ профессоръ не умѣлъ представить: біографическія данныя, хронологическія контроверзы, расчлененіе различныхъ памятниковъ на части, филологическіе и археологическіе экскурсы — все это такъ и оставалось чѣмъ-то мертвымъ, не превращалось въ живую плоть и душу, не переставало быть простымъ формулярнымъ спискомъ, за которымъ, ничего, кромѣ внѣшнихъ данныхъ, нѣтъ и не можетъ быть. Ни одного произведенія античной духовной культуры онъ не умѣлъ проанализировать тонко и всесторонне, такъ, чтобы была видна его, такъ сказать, кровь, чтобы въ немъ отразилась жизнь, чтобы можно было вычитать изъ нея внутреннія волненія, радости и страданія того сердца, которое создало его и согрѣло своимъ чувствомъ, вдохнуло въ него свою душу. Ни одного литературнаго явленія, созданнаго древнегреческимъ творчествомъ, онъ не умѣлъ поставить въ связь съ эллинской культурой, не умѣлъ представить, какъ черту этой культуры — и слушатели не видѣли той атмосферы, которая породила его, не ощущали того аромата, которымъ была напоена эта атмосфера, не видѣли того, что представляетъ собою специфическую особенность эллинскаго быта, эллинской культуры въ цѣломъ и общемъ. Очевидно, что самъ профессоръ, и любя свой предметъ и, быть можетъ, искренно увлекаясь имъ, не проникалъ однако въ самую нѣдра эллинской культуры и лишенный всякаго таланта реконструкціи старины, всякаго чутья жизни и красоты, усваивалъ отдѣльные факты,

внѣшнія черты, не схватывалъ общей картины и ея внутренняго содержанія. А что можно сдѣлать изъ того матеріала, которымъ орудовалъ оиъ, можно видѣть изъ прекрасныхъ статей профессора Зѣлинскаго, подъ перомъ котораго античная культура встаетъ обыкновенно во всей своей плѣнительной красотѣ и во всей своей жизненности, полная серьезности и животрепещущаго интереса, привлекательности и очарованія: кто бы могъ, прочитавъ эти статьи, сказать, что античная культура не имѣетъ современнаго интереса, что скучно и неинтересно изучать ее, что она должна быть областью лишь однихъ специалистовъ. Но для этого надо быть не только такимъ талантливимъ писателемъ и такимъ глубокимъ и тонкимъ знатокомъ античнаго міра, какъ проф. Зѣлинскій, но и образованнымъ человѣкомъ. Нашъ же проф. исторіи древнегреческой литературы былъ очень молообразованный человѣкъ, совершенно незнакомый съ современными требованіями изученія литературы, на знавшій хоть сколько-нибудь основательно современныхъ западно-европейскихъ литературъ и совершенно не разбиравшійся въ различныхъ теченіяхъ теоретической мысли. Мысль его вся, цѣликомъ, была занята лишь чисто археологическими операціями, не обострялась методологическими размышленіями, метадологическими въ смыслѣ общаго направленія ума, въ смыслѣ общихъ точекъ зрѣнія, и превратилась поэтому лишь въ аппаратъ, собирающій и классифицирующій по внѣшнимъ чертамъ совершенно чуждый живого и одухотвореннаго творчества. Но мало того,—близкое знакомство съ такими корифеями мысли и слова, какъ Эсхиль, Платонъ, Демосенъ и т. д. и т. д., близкое знакомство съ философскими, литературными и публицистическими произведениями древней Греціи ничего рѣшительно какъ-то не давало ему,—при всѣхъ этихъ знаніяхъ онъ какъ то сумѣлъ не подпасть подъ вліяніе этого развивающаго и расширяющаго умъ матеріала, онъ какъ то сумѣлъ при всемъ томъ все таки остаться просто обывателемъ, мысль котораго ничуть не острѣе, общее міропониманіе и общее направленіе ума и чувства ничуть не глубже и не шире, нежели умонастроеніе человѣка изъ просто «читающей публики».

Какъ это могло случиться? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, необходимо однако имѣть все-таки въ виду общія условія. Исторію античной литературы читаютъ обыкновенно филологи, едвали способные подняться на высоту надлежащаго пониманія задачъ этой науки. Только такія блестящія исключенія, какъ проф. Зѣлинскій, соединяющій въ себѣ глубокаго филолога и тонкаго историка культуры,

могутъ браться за эту задачу и блестяще разрѣшать ее. Средній же человекъ, силъ котораго едва хватаетъ даже на филологію, разумѣется, не сумѣетъ справиться съ нею, не имѣя для этого ни общей литературной и исторической подготовки, ни художественнаго чутья, ни необходимыхъ способностей. Гораздо болѣе можетъ быть подготовленъ къ роли историка античной литературы профессоръ исторіи всеобщей литературы, лишь бы только онъ былъ, конечно, дѣлнѣе и образованнѣе такихъ «знатоковъ» всеобщей литературы, какъ г. Созоновичъ. Нельзя сомнѣваться, что историкъ всеобщей литературы лучше пойметъ античную литературу, что онъ скорѣе сумѣетъ оцѣнить ее и при изученіи ея стать на сравнительно-историческую точку зрѣнія, чѣмъ филологъ.

Юридическій факультетъ въ Варшавскомъ Университетѣ представлялъ собою ту же довольно печальную картину, что и историко-филологическій факультетъ. Были, правда, среди профессоровъ юристовъ ученые, обращавшіе на себя вниманіе основательностью и глубиною спеціальной подготовки и широтою не только спеціально юридическаго, а и общаго образованія, но эти ученые никакой роли, болѣе или менѣе вліяющей на общее направленіе и общій духъ университета, не играли и принадлежали къ тому незначительному меньшинству, которое съ болью въ сердцѣ должно было видѣть паденіе науки и торжество „смѣлыхъ“ и съ нетерпѣніемъ ждать, когда судьба вырветъ ихъ изъ этой мрачной атмосферы корьеризма, юдофобства и полонофобства. Это были или польскіе ученые, послѣдніе магикане, получившіе право „доканчивать“ свое поприще послѣ превращенія Школы Главной въ очагъ руссификаціи, не смѣвшіе поднимать голоса передъ „завоевателями“, или молодые русскіе ученые, только-что пріѣхавшіе изъ Москвы, люди иныхъ воззрѣній и иныхъ научныхъ вкусовъ и стремленій, нежели варшавскіе профессора, и въ виду этого сразу возстановившіе противъ себя «стариковъ», которые и не давали имъ ни ходу, ни свободы, ни возможности пробить въ созданной годами толщѣ всякаго рода предразсудковъ, нелѣпостей и бюрократическихъ тонкостей хотя бы маленькую щель. Господствовали люди давно уже потерявшіе связи съ научнымъ движеніемъ и насквозь проникнутые лишь тенденціями министерства народнаго просвѣщенія. Говоря отъ имени «науки», ссылаясь на «науку», выкрикивая громкія слова о «научности», они то именно и создавали ту специфическую варшавскую, ту спеціальную цеховую, бюрократически профессорскую атмосферу, которая

ничего общаго съ научнымъ духомъ по существу не имѣтъ, отъ соприкосновенія съ которой испаряется этотъ чистый духъ безкорыстнаго стремленія къ истинѣ, превращаясь въ пустой звукъ, въ плащъ, прикрывающій или спѣсивую бездарность или чисто официальные знанія и способности. А именно этимъ духомъ официального служенія наукѣ, этимъ духомъ науки, превращенной въ проводницу интересовъ официальной истины и справедливости и въ орудіе служенія министерству просвѣщенія, именно этимъ духомъ гордился юридическій факультетъ Варшавскаго Университета. Профессорская дѣятельность такимъ людей науки, какъ г. Гусаковъ и Горбуновъ, принесшихъ въ эту удушливую атмосферу звуки жизни и искренній порывъ къ научному познанію міра чело-вѣческихъ отношеній, людей живущихъ совершенно иными научнымъ идеалами и служащихъ совершенно инымъ научнымъ цѣлямъ, чѣмъ варшавскіе „ученые“, профессорская дѣятельность такихъ людей науки представляла собою какое-то странное нарушеніе общихъ порядковъ и традицій, являлась диссонансомъ, отъ котораго „старики“ корчились, зажимая уши, и переварить который они такъ-таки и не могли. Тутъ, вѣроятно, и надо искать объясненіе тому факту, что вакантныя каѳедры факультетъ старался замѣщать „своими“ же, избѣгая приглашенія ученыхъ изъ другихъ университетовъ и почти никогда не объявляя конкурса. Это, впрочемъ, практиковалось, кажется, на всѣхъ факультетахъ. Такъ, напр., на вакантную каѳедру славянской филологіи попалъ ученикъ профессора Созоновича г. Францевъ исключительно потому, что факультетъ предпочелъ вмѣсто настоящаго, уже вполне опредѣленнаго и готоваго ученаго имѣтъ въ своей средѣ „своего“, хотя этотъ „свой“ никакими научными достоинствами не отличался и ничего опредѣленнаго въ то время собою не представлялъ. На медицинскомъ факультетѣ допускалось, какъ говорятъ,—упрощеніе даже этой системы. На юридическомъ факультетѣ въ мое время были вакантны каѳедры энциклопедіи права и затѣмъ русскаго права. Энциклопедію права первоначально читалъ профессоръ славянскихъ законодательствъ, изъ года въ годъ повторяя одни и тѣ же „истины“, совершенно не понимая движенія, которое наблюдалось въ это время въ общественныхъ наукахъ, и довольно цинично игнорируя все то, что было новаго и замѣчательнаго въ этомъ движеніи, все то, что складывалось въ процессъ вѣчно мѣняющихся точекъ зрѣнія, „истинъ“ и гипотезъ такой по существу все развивающейся науки, какъ энциклопедія права, требующей большой общефилософской, юридической и исторической подготовки и специфической

остроты мысли, искушенной въ отвлеченной работѣ, во всѣхъ тонкостяхъ обстрактнаго мышленія. Профессоръ читаль этотъ курсъ втеченіе цѣлаго рядъ лѣтъ, и факультету, наконецъ, пришлось подумать о необходимости поручить преподаваніе даннаго предмета другому лицу. Казалось бы, что цѣлесообразнѣе всего было бы объявить конкурсъ, что этого требовало бы достоинство науки и назначеніе университета. Но факультетъ рѣшилъ поступить иначе, — болѣе домашнимъ и удобнымъ для себя образомъ. Въ это время выдержалъ магистерскій экзаменъ одинъ изъ молодыхъ людей, оставленныхъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію, избравшій своею спеціальностью русское право. И самъ „молодой ученый“ и факультетъ вдругъ рѣшили, что, въ виду вакантной каѳедры энциклопедіи права, онъ собственно призванъ къ изученію не русскаго права, а энциклопедіи права. Достойный ученикъ своихъ учителей, „молодой ученый“ ощутилъ вдругъ въ душѣ своей переворотъ: какъ нарочно именно въ это время онъ понялъ, ломая руки, что ошибся избравъ свою спеціальностью русское право, что внутренняя сила его влечетъ къ энциклопедіи права, и онъ быстро порываетъ всѣ связи со старыми увлеченіями и... получаетъ право читать въ университетѣ курсъ энциклопедіи права. Спустя годъ или два, освободилась каѳедра русскаго права. „Молодой ученый“ опять вдругъ ощутилъ въ душѣ своей взрывъ старыхъ увлеченій, факультетъ понялъ его и опять воздержался отъ объявленія конкурса, и каѳедру русскаго права занялъ молодой человѣкъ, еще недавно обнаружившій такъ откровенно, насколько чисты и безкорыстны его научныя увлеченія, такъ легко мѣнявшій ихъ въ зависимости отъ чисто внѣшнихъ условій. Освободившаяся же такимъ образомъ каѳедра энциклопедіи права была замѣщена и на этотъ разъ домашними средствами: ее получилъ магистрантъ по государственному праву, ученикъ профес. Блока, молодой человѣкъ, кажется, очень скромный и искренно увлеченный наукой, но довольно наивный, безъ какихъ либо особенныхъ способностей и рабски слѣдовавшій указкѣ своего учителя.

Изъ профессоровъ юридическаго факультета я слушалъ систематически лекціи проф. Блока (государственное право) и профес. Симоненко (политическая экономія). Трудно было бы по двумъ профессорамъ судить обо всемъ факультетѣ, если-бы эти профессора не представляли собою звѣзды первой величины среди своихъ коллегъ и если-бы они не играли столь выдающейся роли среди нихъ, какъ роль создателей и выразителей духа университета и „научности“ факультета. Кромѣ того, государственное право и политическая экономія

столь важныя не только на факультетѣ, но и вообще университетѣ науки, что постановка ихъ характеризуетъ несомнѣнно и данный факультетъ и данный университетъ. Оба профессора были „стариками“, преподавали въ университетѣ уже лѣтъ 20, съ высока поэтому относились къ „молодежи“ и „умудренные опытомъ“ давно распрощались съ разными „бреднями“. Нѣкогда проникнутые какими-то „надеждами“ и даже „либерализмомъ“, они теперь глядѣли на всякія „надежды“ и всякій „либерализмъ“, „научно“, окомъ людей, выдавшихъ виды и съ улыбкой снисхожденія глядящихъ на тѣхъ, кто, выражаясь словами проф. Симоненко, „горя нетерпѣніемъ служить водворенію въ обществѣ принциповъ справедливости и общаго блага, не подозреваетъ, что для этого недостаточно одного только страстнаго желанія приносить пользу обществу, святой любви къ людямъ и стремленія къ справедливости, но еще необходимо имѣть за собою виѣшнюю санкцію нравственности“ *). Вмѣстѣ съ другими своими соратниками они представляли собою ядро юридического факультета, и изъ этого центра брала свое начало вся атмосфера послѣдняго и этимъ центромъ опредѣлялась вся его дѣятельность, не считавшаяся ни съ какими диссонансами, ни съ какими дерзкими нарушителями общаго порядка, ни съ какими заявленіями отъ имени науки и прогресса, понимаемыхъ иначе, чѣмъ ихъ „наука“, чѣмъ ихъ „прогрессъ“. Они властвовали. Такіе „молодые ученые“, какъ профессоръ Есиповъ, представляли собою лишь деталь въ общей картинѣ, созданной „стариками“, и тоненькимъ голоскомъ подпрыгивая на одной ножкѣ, робко согнувшись въ три погребели передъ генеральской подкладкой „старшихъ“, поддакивали имъ, послушно кивали головами на всякое ихъ предложеніе и требованіе и вообще не смѣли свое сужденіе имѣть. Такіе же „подающіе надежду доценты“, какъ знакомый уже читателю молодой человекъ, мѣнявшій свои научные инте-

*) Эти слова въ высшей степени характерны для такихъ людей, какъ г. Симоненко. Не имѣя ни «страстнаго желанія приносить пользу обществу», ни «святой любви», они именно такими «трезвыми» «научными» «взглядами» прикрываютъ свою внутреннюю трусость и чиновничье молчалинство. Весьма характерно, что эти «трезвые взгляды» не помѣшали г. Симоненко нацѣпить на себя погону и разукрасить свою одежду золотыми пуговицами и синей подкладкой сейчасъ же послѣ того, какъ вышло распоряженіе министра Боголѣпова, что форму *могутъ* носить и профессора. Онъ одинъ изъ первыхъ оказался настольно «научнымъ» и смѣлымъ, что рѣшилъ сдѣлаться на старости лѣтъ посмѣшищемъ молодежи изъ-за такого «научнаго» «страстнаго желанія», какъ желаніе подчеркнуть свой чинъ дѣйств. статскаго совѣтника. «Виѣшнюю санкцію нравственности» онъ, очевидно, нашель въ данномъ случаѣ.

ресы изъ соображеній карьеры, послушно улыбались въ одномъ мѣстѣ однимъ, скромно и молчаливо соглашаясь съ ихъ ненавистью къ „врагамъ“, а въ другомъ мѣстѣ другимъ, именно этимъ врагамъ, столь же скромно и молчаливо соглашаясь и съ ихъ ненавистью къ противоположному лагерю. Словомъ, одни господствовали, другіе молчалинствовали, а третьи, тѣ, которые были независимы и были не отъ міра этихъ „старшихъ“ авторитетовъ и „младшихъ“ молчалиновъ, тѣ были оттѣснены и придавлены, испытывая на всякомъ шагу мелочныя придирки и переживая чувство одинокихъ людей, безсильныхъ разогнать мракъ и оплодотворить пустыню.

И въ лекціяхъ профес. Блока и въ лекціяхъ профес. Симоненко господствовало одно и то же пониманіе науки. Оба они изъ науки дѣлали какое-то своеобразное средство „воспитанія“. Одинъ развивалъ идею, что свѣтъ идетъ изъ Византіи, и всю систему государственнаго права строилъ на принципѣ самодержавія и какого то особеннаго русскаго національнаго начала, а другой настаивалъ на этическихъ основахъ политической экономіи, какъ науки, и съ большимъ воодушевленіемъ доказывалъ, что политическая экономія необходима „при выборѣ профессіи“, при чтеніи газетъ при „желаніи принять участие въ окружающей повседневной жизни“, при „постройкѣ желѣзныхъ дорогъ“ и т. д. Одинъ всѣми силами своихъ довольно хаотическихъ и неглубокихъ знаній, въ тяжеловѣсной туманной и богатой всякими выкрутасами формѣ хотѣлъ снять ореолъ съ западно-европейской цивилизаціи, развѣнчать гнилой западъ и вскрыть всю этическую нищету „западной теократіи“, а другой въ легковѣсной формѣ, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, не считаясь съ требованіями серьезнаго изложенія и добросовѣстнаго отношенія къ предмету, силился показать, что „марксизмъ имѣетъ менѣе всего основаній для привлеченія симпатій людей, жаждущихъ водворенія правды и любви къ ближнимъ въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ“. Одинъ поэтому отметалъ рѣшительной рукой все, что сдѣлано было въ области его научныхъ интересовъ поколѣніями мыслителей и ученыхъ, а другой не менѣе рѣшительно заявлялъ, что все, что дано въ „Капиталѣ“ Маркса, онъ „не признаетъ направленіемъ политической экономіи“, что ученіе Маркса „является антитезисомъ экономической науки“. Они оба вносили въ свое изложеніе какую-то партійную струю, которую напрасно силились прикрыть фразами объ особенной *русской* точкѣ зрѣнія на предметъ и о научности, требующей отрѣшенія отъ земныхъ заботъ. Если на западѣ Европы и встрѣчается подобнаго рода отношеніе къ извѣстнымъ теченіямъ въ области государ-

ственного права и къ „Капиталу“ Маркса, то это до нѣкоторой степени оправдывается тѣмъ, что тамъ въ данномъ случаѣ происходитъ ожесточенная борьба между различными общественными группами, что тамъ въ данномъ случаѣ говоритъ партійная страсть, стихійно захватывающая человѣка и роковымъ образомъ дѣлающая его орудіемъ тѣхъ или иныхъ вполне опредѣленныхъ соціально-политическихъ тенденцій. Русскій же ученый находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Онъ можетъ быть болѣе объективнымъ и спокойнымъ въ данномъ случаѣ. Ему легче быть въ этомъ случаѣ безпристрастнымъ судьей, ему легче даже, отрицая значеніе той или иной школы, остаться все-таки на высотѣ серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ вопросу. Только откровенная партійность чисто официальнаго происхожденія, только добровольное самозакланіе на алтарѣ „служебныхъ обязанностей“ можетъ развязать руки и языкъ въ такой степени, въ какой были развязаны они у варшавскихъ свѣтилъ государственнаго права и политической экономіи. Правда, между ними была существенная разница. Профес. Симоненко не скрывалъ своей партійности. Онъ совершенно откровенно указывалъ на свой „патріотизмъ“ и во имя него довольно безцеремонно пользовался своею ролью главнаго редактора Трудовъ Варшавскаго Статистическаго Комитета, самымъ иемилосерднымъ образомъ искажая статистическій матеріалъ и результаты его изученія, какъ это было доказано въ свое время Блюхомъ—однимъ изъ самыхъ основательныхъ и серьезныхъ знатоковъ вопроса. А проф. Блокъ, наоборотъ, весь уходилъ въ облака дыма, окутывая себя хитрыми и грубо нанизанными другъ на друга узорами длинныхъ, неясныхъ и глубокомысленныхъ фразъ и иныхъ стилистическихъ премудростей ученой схоластики, и партійность его пріобрѣтала характеръ настолько „философскій“ въ специфическомъ значеніи этого слова, что даже его ученикъ, впоследствии читавшій курсъ энциклопедіи права, простодушно подражалъ ему, какъ оракулу, хотя, кажется, былъ чуждъ всякой партійности, даже той неизбѣжной партійности, которая бываетъ результатомъ опредѣленности міровоззрѣнія и извѣстной строгости основныхъ научныхъ и общественныхъ точекъ зрѣнія. Но это различіе между проф. Симоненко и проф. Блокомъ все-таки не было настолько рѣзкимъ, чтобы не видѣть въ нихъ двухъ близнецовъ одной и той же матери—системы официальнаго исповѣданія во всѣхъ областяхъ вѣры и знанія, близнецовъ, питающихся однимъ и тѣмъ же „хлѣбомъ насущнымъ“ и обуреваемыхъ одними и тѣми же страстями и желаніями. Наука въ ихъ рукахъ оказывалась просто жертвой ихъ сыновней любви и

сыновняго почтенія къ этой матери, ибо только рабское подчиненіе тому „праву“, которое господствовало въ данное время, опираясь на увѣсистый кулакъ „патріотовъ“, и рабское признаніе той „экономики“, которая всецѣликомъ представляетъ собою систему душенія и разоренія массъ, только такое рабское безсиліе мысли и сердца передъ существующими «устоями жизни» могло продиктовать одному торжественныя пѣсни византійской идеологіи, а другому негодующія филиппики противъ даже катедръ-соціализма и торжественный призывъ: «назадъ къ Рошеру». Понятно, все, что молодо, согрѣто животворящимъ тепломъ солнца правды и любви, безкорыстно вѣритъ въ торжество этого солнца и одушевленное этой вѣрой стремится къ знанію, къ знанію безъ чиновъ, орденовъ и ученыхъ степеней, къ знанію, простому и чистому, все это должно было бѣжать отъ „науки“ столь удивительныхъ профессоровъ, какъ отъ бича. Ибо какъ ни философствуй, какъ ни шуми о „любви“ и „закономѣренности“, какъ ни старайся облекать свои „ученія“ въ одежды евангельской рѣчи и ученаго жаргона, какъ ни старайся утверждать, что ты говоришь во имя истины и отвлеченнаго интереса, какъ ни бей себя въ грудь, взывая къ культурѣ и роняя слезу о бѣдныхъ и угнетенныхъ, — ты будешь все-таки именно апостоломъ бича, разъ душа твоя пропитана насквозь запахомъ византійскаго ладона, разъ твои рѣчи оправдываютъ систему, жертвой которой являются тѣ, которыхъ осуждаютъ онѣ, разъ онѣ — славословіе тиранніи, несправедливости и жестокости, разъ вся твоя философія является переводомъ на теоретическій языкъ языка ужасной практики*). А между тѣмъ какъ это ни странно, несмотря на все это, и у того и у другого профессора были «ученики», изъ которыхъ одинъ и читаль впоследствии курсъ энциклопедіи права въ университетѣ, а другой въ настоящее время подвизается, кажется, въ Кіевскомъ Университетѣ. Объ ученикѣ проф. Блока приходится, впрочемъ, сказать, что онъ едва ли разбирался въ вопросахъ, должно ли и можно ли быть ученикомъ проф. Блока, какъ и сейчасъ едва ли разбирается въ подобнаго же рода вопросахъ, и поэтому ни заключать

*) «Переписка съ друзьями» Гоголя была точно такой же, какъ извѣстно, философией; хотя прямой проповѣди бича и тамъ не было, тѣмъ не менѣе Бѣлинскій назвалъ даже Гоголя апостоломъ бича. Въ Германіи философія Гегеля, никогда не бывшаго апостоломъ бича, стала тѣмъ не менѣе проповѣдью бича, какъ только всецѣликомъ начала оправдывать существующій строй.

о немъ лично что-либо опредѣленное, ни осуждать его не хватило бы жестокости: выросшій въ специфическихъ варшавскихъ условіяхъ, онъ всѣмъ строимъ своихъ общественныхъ воззрѣній и всѣми своими интересами только подчеркиваетъ то, что въ удушливой атмосферѣ варшавскихъ русскихъ «дѣятелей» и варшавской русской «интеллигенции» даже наиболѣе простыя души въ лучшемъ случаѣ не поднимаются выше чисто провинціальной обывательской „терпимости“, доходящей нерѣдко до дружескихъ связей съ представителями полиціи и жандармеріи, и выше чисто опять таки провинціальныхъ обывательскихъ кодексовъ общественной морали *). Зато другой «ученикъ», ученикъ проф. Симоненко очень хорошо разбирался во всемъ, что связано съ знаніемъ, „гдѣ раки зимуютъ“, и со всѣмъ пыломъ молодости, закрывавъ глаза и придушивъ въ себѣ голосъ протестующаго достоинства, отдавался самому черносотенному настроенію: громко протестовалъ противъ марксизма, демонстративно подчеркивалъ свою „благонадежность“, всѣми силами и мѣрами выражалъ свое низжайшее почтеніе ко всѣмъ столпамъ варшавскаго «русскаго» патріотизма, къ Есиповымъ, Симоненко, Блокамъ и тому подобнымъ «вѣрнымъ сынамъ отечества своего», публично совершалъ даже самыя безстыдныя отправленія вродѣ писанія въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ статей, направлялся къ своей цѣли, къ „чести“ быть официальнымъ „представителемъ науки“. Но онъ могъ, впрочемъ, не краснѣть, ибо онъ былъ не одинъ. Подобныхъ ему «учениковъ», «обѣщающихъ ученыхъ» въ Варшавскомъ Университетѣ было нѣскольکو. Вотъ, напр., льстивый, молчалинскій образъ будущаго «профессора» исторіи русской литературы, вѣчно улыбающагося, передъ всѣми низко сгибающагося спину, услужливаго визитера всѣхъ „чины дающихъ“. А вотъ еще гордый ликъ „молодого ученаго“, прыгающаго на заднихъ лапкахъ, съ разинутымъ ртомъ глядящаго на „старшихъ“. А вотъ и еще, а вотъ и еще—все одного поля ягодки, все порожденія вар-

*) Курьезно, что молодой человекъ, выпуская въ свѣтъ первый свой печатный трудъ, можетъ въ предисловіи упомянуть лишь имена такихъ лицъ (которымъ выражаетъ свою благодарность за вліяніе и «споры, въ которыхъ онъ испытывалъ свои мысли»), какъ проф. Блокъ, А. К. Сарандо и Ф. В. Тарновскій. Что могутъ говорить кому-либо эти имена? Что сказать объ молодомъ ученомъ, который не постарался «испытывать свои мысли» съ болѣе говорящими читателю людьми, чѣмъ, напр., никому невѣдомый А. К. Сарандо и т. п. Неужели двухлѣтняя заграничная командировка не дала ему возможности украсить свою книгу болѣе почтенными именами, нежели г. Тарновскій, Сарандо и т. п.

шавскаго „духа тьмы и рабства“. Они могли не краснѣть: на міру и смерть красна.

Итакъ, преподаваніе общественныхъ наукъ въ Варшавскомъ Университетѣ было поставлено болѣе чѣмъ печально. Профессора въ большинствѣ случаевъ представляли собою людей или давнымъ давно уже почившихъ на магистерскихъ и докторскихъ лаврахъ, ничего не дѣлающихъ и коптящихъ небо, самымъ циничнымъ образомъ пользующихся своимъ офиціальнымъ положеніемъ, безотвѣтственностью передъ молодежью и обществомъ, или людей невѣжественныхъ, необразованныхъ и неинтеллигентныхъ, совершенно неспособныхъ проникнуться духомъ науки и вмѣсто этого проникнутыхъ лишь пустымъ ученымъ тщеславіемъ и хвастливою суетностью,—подобно Созоновичу чрезвычайно громко говорящихъ о наукѣ и просвѣщеніи и тѣмъ не менѣе служащихъ не наукѣ и просвѣщенію, а своему зоологическому патріотизму и «высшимъ чинамъ», или наконецъ, людей, всецѣликомъ ушедшихъ въ ученые мелочи, сухихъ „изслѣдователей“, совершенно не разбирающихся въ вопросахъ науки, какъ единого цѣлаго, совершенно непросвѣщенныхъ и лишенныхъ всякихъ даже элементарныхъ педагогическихъ способностей, чернорабочихъ, неспособныхъ руководить интересами молодого духа, порывающагося къ самоопредѣленію и знанію, жалкихъ безпомощныхъ ученыхъ дѣтей, общимъ развитіемъ, характеромъ своихъ общихъ умственныхъ интересовъ стоящихъ ниже многихъ и многихъ своихъ слушателей.

Какъ дѣло стояло на другихъ факультетахъ, судить я не могу. Но если бы оно было поставлено тамъ даже блестяще, въ чемъ, впрочемъ, приходится очень и очень сомнѣваться, то и въ такомъ случаѣ опредѣлять общій характеръ и научный уровень Варшавскаго университета все-таки приходится, основываясь на наблюденіяхъ, изложенныхъ выше. Въ самомъ дѣлѣ гуманитарныя науки соприкасаются съ жизнью, постоянно такъ или иначе касаются общественныхъ, національныхъ и общечеловѣческихъ интересовъ, такъ или иначе отражаютъ извѣстныя соціальныя и политическія тенденціи. Каждый университетъ, конечно, долженъ стремиться къ возможно лучшей постановкѣ науки, какъ таковой и, если университетъ или тѣ, въ чьихъ рукахъ находятся его судьбы, стремятся именно къ научной, возможно высокой и широкой постановкѣ дѣла въ области общественныхъ дисциплинъ, то, разумѣется, имъ неминуемо приходится считаться въ данномъ случаѣ съ такими людьми науки, которые являются носителями прогресса, представителями свободнаго міровоззрѣнія. И это совершенно понятно. Можно

быть врагомъ свободы печати, можно быть черносотенцемъ, можно быть защитникомъ даже смертной казни и въ то же время быть замѣчательнымъ, напр., химикомъ, астрономомъ и т. д. Но нельзя быть черносотенцемъ, нельзя быть защитникомъ палачества и нетерпимости и въ то же время быть на высотѣ требованій гуманитарныхъ наукъ. Нельзя быть, напр., господиномъ Созановичемъ и въ то же время быть дѣйствительно научно настроеннымъ человѣкомъ. Нельзя быть г. Симоненко и въ то же время быть выдающимся политико-экономомъ. Въ эпоху Галилеевъ положеніе вещей было нѣсколько иное. Тогда нельзя было быть и великимъ астрономомъ и въ то же время защищать костры и право власть имѣющихъ людей душить голосъ истины и справедливости. Тогда нельзя было и естествоиспытателю быть одновременно и крупнымъ ученымъ и „черносотенцемъ“, отрицающимъ свободу критики и мышленія. Тогда даже астрономическія истины задѣвали интересъ той или иной общественной и политической силы и, естественно, крупный настоящій изслѣдователь, открывая эти истины, наносилъ интересамъ господствующихъ общественныхъ и политическихъ силъ ударъ, онъ не могъ такимъ образомъ въ силу именно того, что въ его рукахъ находилась истина, онъ не могъ такимъ образомъ въ силу именно этого быть сторонникомъ господствующихъ силъ, интересы которыхъ не терпѣли даже математической истины. онъ не могъ быть пѣвцомъ и рабомъ гасителей истины, онъ не могъ быть „черносотенцемъ“,—роковымъ образомъ, какъ крупный ученый, какъ самостоятельный умъ, онъ долженъ былъ быть, онъ не могъ не быть „прогрессистомъ“, „революціонеромъ“, „крамольникомъ“. Въ настоящее время астрономическія и т. п. истины уже ничьихъ интересовъ не задѣваютъ, а потому не могутъ быть и коллизіи между истиной и господствующими силами застоя и реакціи, а потому самая критическая пытливость, самая свобода и смѣлость мысли въ этой области не является въ то же время силой активно протестующей противъ власти тьмы, противъ порабощенія творческаго начала человѣческаго духа и жизни. Совершенно иначе дѣло обстоитъ въ общественныхъ наукахъ—и особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ даже элементарныя завоеванія западно-европейской культуры и западно-европейскаго общежитія людьми, стоящими у власти, считаютъ опасными и „гнилыми“. Человѣкъ критическаго, самостоятельнаго ума въ области общественныхъ наукъ такъ или иначе отразить силы прогресса, интересы движенія впередъ, если только онъ дѣйствительно проникнутъ научнымъ духомъ, духомъ критики до конца и безконечной свободы мысли. Именно то, что онъ

проникнуть этой любовью къ свободѣ мысли, къ свободѣ критики и изслѣдованія, свободѣ, которая въ средніе вѣка приводила на костеръ даже „математиковъ“, именно вотъ это и должно создавать коллизію между нимъ и господствующими „разумными“ людьми, воздвигающими всяческія гоненія на свободную мысль и свободное слово. Ибо невозможно наукѣ дѣлать какія бы то ни было завоеванія, если стѣснена свобода мысли и свобода слова, свобода просвѣщенія и свобода критики. Невозможно поэтому крупному настоящему представителю науки быть на сторонѣ тѣхъ, кто казнить, преслѣдуетъ, заточаетъ, убиваетъ и терзаетъ свободную мысль и свободное слово, невозможно ему не быть противъ тѣхъ, чьи интересы ослѣпляютъ ихъ очи, наполняютъ ихъ душу чисто средневѣковой иллюзіей торжествовать и побѣждать топорами и кострами. Ибо все въ концѣ концовъ сводится именно къ свободѣ мысли и слова, къ свободѣ просвѣщенія и критики—все и въ революціонныхъ буряхъ, и въ освободительномъ движеніи, и въ требованіяхъ конституціи, и въ требованіяхъ всеобщаго голосованія, словомъ все, изъ чего складывается пестрый и нерѣдко волнующійся переплетъ соціальныхъ и политическихъ движеній и порывовъ. И если человѣкъ самостоятельнаго ума, въ области естественныхъ и математическихъ дисциплинъ поднявшійся на высоту чистой науки, можетъ забыть, что то самое условіе торжества его науки—свобода слова и свобода мысли, то самое условіе, которое даетъ ему возможность служить научному прогрессу, если онъ и можетъ забыть, что это условіе необходимо вообще для развитія культуры, если онъ можетъ быть такимъ образомъ непослѣдовательнымъ, не умѣть охватывать въ единой идеѣ всего разнообразія человѣческихъ отношеній и интересовъ, если онъ и можетъ быть такимъ образомъ, не измѣняя духу научности въ своей области, но измѣняя вообще научному принципу, требующему свободы мысли и слова вообще, становится на сторону враговъ прогресса и просвѣщенія, то человѣкъ, отдающій свои силы гуманитарнымъ наукамъ, не можетъ поступить такимъ образомъ, не можетъ, не подрывая интересовъ своей спеціальной науки, не можетъ, если въ немъ свѣтитъ хоть искорка уваженія и любви къ духу научнаго прогресса, не можетъ, если онъ не полное ничтожество, если онъ не дѣлаетъ изъ науки лишь декорачію и маскарадъ, если онъ не рабъ силы и не холопъ господина своего. И на русской почвѣ это подчеркивается особенно ярко, потому что на русской почвѣ мы имѣемъ дѣло съ самымъ элементарнымъ сцѣпленіемъ отношеній и идей. Можно ли убивать людей, можно ли заточать людей

безъ суда и разбору? можно ли наносить оскорбленіе всему народу? нужна ли справедливость и законность? нужно ли просвѣщеніе? можно ли нарушать право и народные интересы людямъ, имѣющимъ власть? можно ли защищать права человѣка и народа? можно ли разоблачать злоупотребленія людей, украшенныхъ чинами и орденами?—вотъ тѣ вопросы, которые у насъ до сихъ поръ еще вызываютъ жестокое столкновеніе между различными социальными и политическими силами. И передъ этими вопросами человѣку, работающему въ области общественныхъ наукъ, человѣку, хоть сколько—нибудь обвѣянному духомъ настоящей науки, не приходится останавливаться съ гамлетовскимъ вопросомъ на устахъ: „какъ быть“? Для него въ данномъ случаѣ никакихъ колебаній не можетъ быть, такъ какъ все тутъ совершенно ясно, и онъ не можетъ не стать врагомъ, заклятымъ врагомъ тѣхъ, кто изъ такихъ элементарныхъ вопросовъ дѣлаетъ вопросъ жизни и смерти лучшихъ представителей русской жизни и мысли, кто продолжаетъ эти вопросы рѣшать торжествомъ грубой матеріальной силы и „зоологическаго патриотизма“. Вотъ почему мы и видимъ въ Россіи, что наиболѣе выдающіеся представители общественныхъ наукъ, что свѣтила этихъ наукъ находятся въ „оппозиціи“, а не въ рядахъ черной сотни, что на сторонѣ «благоразумныхъ» и „патриотовъ“ оказываются лишь Созоновичи, Филевичи, Блоки, Пихно и т. д. и т. д.—все—рыцари «научнаго» протеста противъ свободы мысли и слова, противъ враговъ насилія, противъ враговъ угашенія живого духа прогресса и свободы. Вотъ почему мы и видимъ, что у насъ къ власти пробиваются люди, нерѣдко лишенные хоть сколько—нибудь солиднаго научнаго образованія, что у насъ за практическое разрѣшеніе самыхъ сложныхъ государственныхъ вопросовъ берутся люди, нерѣдко не имѣющіе и самой элементарной подготовки, окончившіе курсъ въ какомъ—нибудь кадетскомъ корпусѣ, и всю свою премудрость черпающіе изъ „докладовъ“ своихъ подчиненныхъ или изъ брошюръ своихъ противниковъ, люди, тѣмъ не менѣе съ большимъ авторитетомъ говорящіе о томъ, чего не знаютъ и не понимаютъ, воображающіе, что чины и ордена даютъ имъ право быть авторитетными даже передъ лицомъ настоящихъ научныхъ авторитетовъ.

Ясно, что именно постановка общественныхъ наукъ въ томъ или иномъ университетѣ и характеризуетъ его духъ и его направленіе. Въ Варшавскомъ Университетѣ не могли господствовать выдающіеся представители гуманитарныхъ наукъ, такъ какъ выдающійся въ этой области знанія ученый, къ несчастью „властей“, обязательно долженъ быть въ

Россіи ихъ врагомъ въ той или иной дозѣ, въ томъ или иномъ видѣ. Въ Варшавскомъ Университетѣ такой врагъ „патріотизма» особенно вреденъ съ точки зрѣнія официальной идеологіи и вполнѣ опредѣленныхъ матеріальныхъ интересовъ меньшинства, и естественно, что «друзья» и истинно—русскія представители науки и создали тотъ крайне низкій уровень, на какомъ находились въ Варшавскомъ университетѣ юридическій и историко-филологическій факультеты. Очевидное дѣло, что въ этомъ именно и сказались цѣли, какія вообще преслѣдуетъ «Варшавскій Университетъ», что въ этомъ и проявлялась та общественная роль, какую игралъ онъ, что, стало быть, этимъ цѣлямъ должны были служить и другіе факультеты, если они даже были и лучше юридическаго и историко-филологическаго факультета, лучше въ силу именно того, что они менѣе соприкасаются съ жизнью, менѣе касаются интересовъ—общественныхъ и политическихъ. Съ другой стороны, юридическій и историко-филологическій факультетъ опредѣляютъ значеніе университета еще и потому, что по свойству матеріаловъ, изучаемыхъ ими, они главнымъ образомъ и создаютъ непосредственный обмѣнъ веществъ между университетомъ и внѣшнимъ міромъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Варшавскій Университетъ не имѣлъ ровно никакого значенія. Изучалась ли польская исторія? Изучалась ли польская филологія? Изучались ли мѣстныя экономическія и социальныя отношенія? Создавались ли кадры изслѣдователей и хотя бы просто любителей, которые воспользовались бы громаднымъ историческимъ, филологическимъ, правовымъ и этнографическимъ матеріаломъ, какой представляетъ Царство польское? Давался ли просторъ мѣстнымъ силамъ? Содѣйствовалъ ли университетъ созрѣванію новыхъ мѣстныхъ научныхъ силъ? Давалась ли польской молодежи возможность работать безъ мысли о политической сторонѣ ея, безъ мысли о „благонадежности“ и языкѣ? Нѣтъ, университетъ былъ оторванъ отъ реальной почвы. Онъ былъ какъ бы какимъ-то чужеземнымъ растеніемъ, которое ничего не получало отъ почвы и само ничего не давало окружающей средѣ, кромѣ ядовитыхъ испареній. Онъ былъ учрежденіемъ, преслѣдующимъ цѣли политическія, а не научныя, цѣли, которыя прежде всего выдвигали вопросы не о томъ, что и какъ изучать, а о томъ, на какомъ языкѣ преподавать и изучать, на кого и какъ дѣйствовать «русскимъ» «патріотизмомъ». Справедливо поэтому въ свое время проф. Aske пазу съ удивленіемъ спрашивалъ, указывая на горы „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“: можно ли по нимъ опредѣлить, гдѣ находится Варшавскій Университетъ, можно

ли въ нихъ найти хоть намекъ на то, что университетъ этотъ находится въ Царствѣ Польскомъ? Университетъ виталь въ надзвѣздныхъ краяхъ «патріотизма» и въ заоблачныхъ пространствахъ истинно русскаго духа, и земля не интересовала его. Гордые и важные профессора его высоко держали свою голову съ презрѣніемъ бросая взоры по сторонамъ, и не подозрѣвали они и не могли думать они, что, глядя на нихъ, всякій невольно шепчетъ про себя:

„О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями!“

V.

Политика Профессоровъ Варшавскаго Университета.

Для того, чтобы окончательно выяснитъ причины, которыя вызываютъ такое презрительное отношеніе поляковъ къ Варшавскому Университету, необходимо еще обратить вниманіе на тотъ кругъ общественныхъ и политическихъ вкусовъ и взглядовъ, которымъ питались профессора его, на то общественное и политическое поведеніе, которое такъ характерно для нихъ. Разумѣется, мы можемъ не интересоваться общественнымъ и политическимъ міросозерцаніемъ и поведеніемъ ученаго человѣка, если онъ представляетъ собою крупную научную величину и если онъ не выступаетъ со своими политическими и общественными воззрѣніями на арену активной общественной работы и не стремится осуществлять свои „идеалы“ путемъ ли содѣйствія или путемъ противодѣйствія тѣмъ или инымъ элементамъ окружающей насъ социальнo-политической атмосферы. Но если онъ „проявляетъ“ себя, если его „политика“ и „соціологія“ даетъ знать о себѣ, то мы въ правѣ спросить его, во имя чего же онъ выступаетъ на путь общественной борьбы, каковы же его конечныя мечтанія и его печали, какъ онъ держитъ себя за кулисами и чему онъ фактически служить. Варшавскій университетъ проявлялъ себя въ этомъ смыслѣ

самымъ ошутительнымъ образомъ. Профессора его постоянно выступали активно въ качествѣ носителей того или иного общественнаго интереса, хотя сами постоянно убѣждали студентовъ, что наука—одно дѣло, а политика—другое, что не слѣдуетъ смѣшивать два этихъ ремесла, что наука должна быть наукой и только. Они постоянно вмѣшивались въ политику и часто даже тѣ изъ нихъ, которые совершенно ни въ какой политикѣ ничего рѣшительно не понимали и не разбирались, вмѣшивались демонстративно, подчеркивая свою благонадежность и свой патриотизмъ. Вотъ нѣсколько весьма яркихъ фактовъ, иллюстрирующихъ все патриотическое усердіе этихъ людей. Остановите свое вниманіе прежде всего на слѣдующемъ прямо-таки поразительномъ фактѣ, едва ли бываломъ въ лѣтописяхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Третьяго августа 1905 г. былъ арестованъ въ Ломжѣ студентъ 1-го курса историко-филологическаго факультета въ административномъ порядкѣ. Послѣ этого жандармское правленіе привлекло его по 121-й ст., отдавъ его затѣмъ подъ надзоръ полиціи. Ректоръ университета немедленно исключилъ студента, предупредительно переславши его документы жандармскому правленію. Жандармскій полковникъ былъ пораженъ такимъ поступкомъ ректора Карскаго, такъ какъ жандармы и не думали требовать документовъ. Но г. Карскій не понималъ, чему тутъ удивляться: разъ жандармы сообщили о привлеченіи по 121-ой ст., то онъ считалъ себя обязаннымъ послать имъ документы обвиняемаго, хотя бы никакого требованія отъ нихъ и не поступало. Но далѣе. Въ 1897 г. былъ открытъ въ Вильно памятникъ Муравьеву Виленскому, тому самому Муравьеву, который за все время своего управленія въ сѣверо-западномъ краѣ (съ 1 мая 1863 г. по 17 апр. 1865 года) казнилъ 128 человекъ. Имя Муравьева для поляковъ является синонимомъ тѣхъ мукъ, какія они пережили въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, той жестокости, которая отнимала у нихъ жизнь и покой, той силы, которая на глазахъ многихъ изъ живущихъ еще свидѣтелей „муравьевской расправы“ убивала ихъ отцовъ и братьевъ. Наконецъ, и русское передовое общество далеко не склонно было ни въ дни диктаторства Муравьева ни въ дни открытія ему памятника считать его героемъ и представителемъ русскаго народа, ни великимъ носителемъ патриотическихъ чувствъ русскаго общества, ни исторической личностью, заслуживающей дифферамбовъ и пѣснопѣній. Въ глубинѣ души къ памяти Муравьева относятся далеко не съ чувствомъ благоговѣнія даже истинно-русскіе патриоты и даже представители правительства, какъ это они и доказали

совершенно бессознательно такъ недавно, придя въ негодование на г. Родичева только за то, что онъ сравнилъ дѣйствія Муравьева съ дѣйствіями г. предсѣдателя министровъ *). И однако же въ день открытія памятника Муравьева отъ имени Варшавскаго Университета была послана телеграмма, подписанная не только такимъ воинствующимъ политиканомъ, какъ проф. Кулаковскій, и не только такимъ специалистомъ отъ патриотической политики, какъ проф. Филевичъ, но и такимъ беспомощнымъ во всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросахъ человекомъ, какъ проф. Карскій, но и такимъ, казалось бы, далекимъ отъ шума битвъ профессоромъ физики; никакого отношенія, кажется, къ Муравьеву не имѣющей, какъ г. Зиловъ. Зачѣмъ имъ понадобилась эта телеграмма? Они сочувствовали? Они хотѣли выразить свои чувства? Но зачѣмъ было выражать ихъ, разъ они знали, что это значило бросить вызовъ не только польской молодежи, но и русской передовой интеллигенціи? „Политика“ студентовъ осуждалась и правительствомъ и профессорами, постоянно упрекали молодежь, что она въ стѣны учебныхъ заведеній вноситъ политику, а развѣ не политическимъ актомъ была телеграмма Кулаковскаго, Карскаго и т. д., развѣ не политику и притомъ воинствующую и дерзкую вносила она въ стѣны университета? А между тѣмъ ихъ не осуждали, ихъ не «призывали къ порядку». Напротивъ, съ негодованіемъ набросились на молодежь же, когда она не выдержала этого вызова, столь близкаго къ провокаціи, и вспыхнула какъ порохъ. Напротивъ, проф. Филевичъ съ кафедръ на своей лекціи сталъ даже развивать основную мысль телеграммы и чуть ли не призывать на помощь русскихъ студентовъ, говоря о чести русскаго имени, о долгѣ русскаго человѣка. Проф. Кулаковскій, ходившій въ это время блѣдный и дрожащій, полный трепета и самаго позорнаго страха, заставлявшаго его поминутно оглядываться назадъ и просительными виноватыми глазами впиваться въ каждого встрѣчнаго студента, этотъ проф. Кулаковскій чувствовалъ себя тѣмъ не менѣе настоящимъ героемъ. Никто изъ коллегъ этихъ «патріотовъ» не протестовалъ противъ ихъ во всякомъ случаѣ безтактнаго поступка. Исподтишка имъ даже аплодировали тѣ, которые были на-

*) Этому факту, несомнѣнно, суждено сдѣлаться историческимъ и едва ли въ будущемъ онъ не будетъ занесенъ даже въ учебники русской исторіи, какъ фактъ, не только выразившій общее настроеніе общества, но и вскрывшій болѣзнь совѣсти даже истинно-русскихъ людей, ибо иначе зачѣмъ было негодовать.

столько благоразумны, что не рѣшились подписать телеграмму. Авторы телеграммы несомнѣнно отразили настроеніе большинства. Они оказались только рѣшительнѣе и активнѣе. Многіе не подписали телеграммы не потому, что не сочувствовали ей, а просто изъ трусости. Спрятавшись за спину гг. Кулаковскаго, Филевича, Карскаго и т. д., они въ сущности были даже счастливы, что «живъ русскій духъ», «что высоко развивается русскій національный флагъ». Даже извѣстный уже читателю всеобщій историкъ, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ салонахъ держащій себя «большимъ либераломъ», это воплощенная и типичнѣйшая трусость, даже онъ исподтишка пожималъ руку «героямъ дня», въ то же самое время однимъ студентамъ высказывая чувство возмущенія телеграммой, а другимъ непониманіе «шовинизма» польской молодежи—смотря по настроенію собесѣдника. Очень характеренъ для варшавскаго университета и слѣдующій фактъ. Въ концѣ 1905 года въ Варшавѣ забастовали чиновники почтоваго вѣдомства. Волна движенія, охватившаго въ то время всю Россію, докатилась и до Варшавы. Хорошо ли или дурно поступили забастовавшіе чиновники—это вопросъ, о которомъ можно долго и много спорить, но можно ли сомнѣваться въ томъ, что активно вмѣшиваться въ это дѣло людямъ науки, что брать на себя исполненіе функций чиновниковъ почтоваго вѣдомства и даже почталіоновъ профессорама университета не пристало, если только они дѣйствительно не хотѣли «дѣлать политику», если только они не намѣрены были бросать перчатку въ лицо той или иной политической силѣ, если только они дѣйствительно уважали себя и свою науку. Но варшавскіе профессора и именно главнымъ образомъ тѣ, которые были противъ „политики въ наукѣ“, разъ эта политика могла привлечь громы и молніи русскихъ бюрократическихъ зевесовъ на головы ея проводниковъ, вотъ эти то профессора и побросали свои книги и расталкивая другъ друга бросились въ «политику», такъ какъ эта политика была уже иною политикой, политикой «одобренной», общающей ласковую улыбку начальства и «безопасность». Когда разныя начальствующія лица оскорбляли науку, стѣсняли ее и урѣзывали права университета, они молчали; когда совершались вопіющія нарушенія законовъ божескихъ и человѣческихъ людьми, имѣющими возможность дѣлать это безнаказано, они молчали; когда разоренныя и осиротѣлыя семьи, лишенныя своихъ кормильцевъ и отцовъ, умирали съ голоду и тоски, они молчали, они не спѣшили со своею помощью,—тогда они были „ученые“, тогда они не чувствовали необходимости заниматься „поли-

тикой". Но когда осмѣлились „заняться политикой“ почтовые чиновники, когда они осмѣлились заговорить о своей нуждѣ и о своей солидарности со всею Россіей, охваченной движеніемъ, когда они осмѣлились, правильно или неправильно другой вопросъ, „нарушить законы“, то тогда всѣ эти Михайловы, Вѣховы, Францевы, Созоновичи и т. д. и т. д. всѣ эти „ученые“, всѣ эти „профессора“ рѣшили дѣйствовать, тогда они рѣшились быть „гражданами“ и „патріотами“, хотя многіе изъ нихъ, какъ, напр., г. Созоновичъ, совсѣмъ и не думали ни о „гражданскомъ“ ни о „патріотическомъ“ долгѣ въ иныхъ непосредственно ихъ касающихся случаяхъ, именно когда они своимъ прямымъ дѣломъ совсѣмъ не занимались, когда въ своей собственной области они рѣшительно ничего не дѣлали, когда студентамъ изъ года въ годъ они подносили одну и ту же пѣсню безъ единого новаго звука, безъ единого новаго штриха. Въ результатѣ 2-го декабря 1905 г. въ «Варшавскомъ Дневникѣ» появляется воззваніе проф. Базинера, приглашающее «культурныхъ жителей Варшавы подражать хорошему примѣру» и «пойти на помощь тѣмъ уважаемымъ чиновникамъ почтоваго вѣдомства, которые, оставшись вѣрными своему гражданскому долгу, нуждаются въ содѣйствіи другихъ людей». Это „воззваніе“ вызвало „письмо въ редакцію“ мѣстной газеты, подписанное группой лицъ, протестовавшихъ противъ такого поступка проф. Базинера. Письмо было подписано и нѣкоторыми профессорами. Тогда-то и поднялись негодующіе мужи науки и напечатали такое письмо въ редакцію: нѣкоторые члены профессорской коллегіи „позволили себѣ выступить въ печати съ оскорбительнымъ обращеніемъ по адресу профессора Базинера за то, что онъ не задумался открыто и честно высказать свои убѣжденія и поступить согласно съ ними *). Профессорская коллегія, которая всегда выше всего ставила свободу мнѣній и уваженіе къ чужимъ убѣжденіямъ **), не можетъ не выразить своего негодованія по поводу этого еще небывалаго въ университетской средѣ поступка названныхъ лицъ“. Но негодующей „профессорской коллегіи“ пришлось однако выслушать и проглотить такую отвѣдь, довольно ярко характеризующую и ее въ цѣломъ и общемъ и ея благородное негодованіе: „Какъ-разъ тѣмъ

*) Какъ будто бы тѣ, противъ которыхъ они протестовали, высказывали не свои убѣжденія и не поступали согласно съ ними.

**) Довольно характерное самохвальство, продиктованное несомнѣнно лицемѣріемъ.

профессорамъ, противъ которыхъ „коллегія“ негодуетъ, пришлось неоднократно на себѣ испытать все уваженіе къ свободѣ мнѣній и чужимъ убѣжденіямъ, которое „коллегія“ „всегда выше всего ставила“. „Коллегія, конечно, отлично помнить, какъ она отнеслась къ моей статьѣ о положеніи варшавскаго университета, напечатанной въ № 193 „Сына От.“, и ко мнѣ, ея автору. Ректоръ Карскій объявилъ на совѣтѣ, что теперь не только студенты „бойкотируютъ“ университетъ, но и „нѣкоторые профессора“. На вопросъ одного изъ членовъ совѣта, что подь этимъ заявленіемъ надо разумѣть, ректоръ сказалъ, что онъ имѣетъ въ виду статью проф. Вульфа, т. е. мою. На самомъ дѣлѣ ни самъ я не бойкотировалъ университета, исправно посѣщая всѣ засѣданія совѣта, ни другихъ не призывалъ въ моей статьѣ къ бойкоту университета“... „Уваженіе къ чужому убѣжденію и свободѣ мнѣній“ доходило при этомъ у „коллегіи“ до того, что, когда я въ засѣданіи совѣта вставалъ, чтобы высказать свое мнѣніе, то члены „коллегіи“ съ шумомъ поднимались со своихъ мѣстъ и выходили изъ залы совѣта, причемъ вовсе не принималось въ расчетъ, что дѣло касалось вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ въ ту или другую сторону зависѣла вся участь университета“. Пикантнѣе всего во всей этой исторіи было то, что виновникъ ея—проф. Базинеръ представлялъ собою довольно комичную фигуру, ничего общаго ни съ героизмомъ ни съ силою убѣжденія не имѣвшую, и автора такихъ по истинѣ психопатическихъ писемъ въ мѣстную офиціозную газету, какъ слѣдующія: „за неимѣніемъ, по недостатку досуга, возможности частнымъ образомъ поблагодарить всѣхъ моихъ единомышленниковъ, я путемъ печати выражаю здѣсь свою искреннюю признательность и сердечную благодарность тѣмъ весьма многочисленнымъ гражданамъ гор. Варшавы и другихъ городовъ, которые или частнымъ или публичнымъ, устнымъ, письменнымъ и печатнымъ путемъ почтили меня искренними выраженіями своего глубокаго сочувствія ко мнѣ, по поводу моей почтовой и вообще общественной дѣятельности“. Въ другомъ письмѣ этого „почтоваго и вообще общественнаго дѣятеля“ читаемъ: „Какъ Сократъ и Христосъ на судѣ и даже передъ насильственною смертью своей простили своимъ врагамъ, такъ и я говорю всѣмъ своимъ поносителямъ словами величайшаго и дѣйствительно „божественнаго“ учителя смысла и духонравственной цѣли человѣческой жизни: „Отче! прости имъ!“ „Желая, чтобы мое доброе имя, унаслѣдованное отъ благородныхъ душою предковъ, осталось навсегда солнечно-свѣтлымъ и чистымъ достояніемъ моихъ потом-

ковъ и не пачкалось вслѣдствіе того, что инья газеты, пожалуй, перепечатають „письмо въ редакцію“ (протестующее противъ его „почтовой дѣятельности“), я обращаюсь ко всѣмъ газетамъ съ покорнѣйшей просьбой перепечатать и вышеприведенное письмо“.

Фактовъ, показывающихъ что варшавскій университетъ вмѣшивался въ политику активно, демонстративно и тенденціозно, можно было бы привести и еще цѣлый рядъ, но и приведенныхъ совершенно достаточно, чтобы заинтересоваться общественной и политической физиономіей варшавскихъ профессоровъ. Что собою представляло это общественное и политическое настроеніе ихъ, видно изъ тѣхъ же приведенныхъ выше фактовъ. Теперь остается только дать болѣе общенную характеристику общественно—политическаго поведения ихъ и указать на типичныя черты ихъ общественно-политическаго облика. Съ этой точки зрѣнія профессоры Варш. Универ-та можно разбить на 4 группы. Въ 1-ую группу войдутъ профессора, не запятнавшие себя ничѣмъ ни въ прошломъ ни въ настоящемъ или же опомнившіеся и въ послѣдніе дни примкнувшіе къ прогрессивнымъ элементамъ русскаго общества (такихъ было всего 5 человекъ). Во 2-ую группу войдутъ профессора—воинствующие патриоты, шумно демонстрировавшие себя, и довольно безцеремонно хватавшіе награды за «подвигъ благородный» или даже требовавшие ихъ. Въ 3-юю группу нужно отнести профессоровъ, поддакивающихъ этимъ воителямъ и идущихъ за ними—всегда и вездѣ и наконецъ, 4-ую группу образуютъ трусливые хамелеоны, довольно хитро ловирующие между Сциллой и Харибдой либерализма и черносотенства и нерѣдко очень ловко втирающие очки въ глаза и той и другой. О первой группѣ говорить не приходится, такъ какъ она представляла собою такую въ количественномъ смыслѣ ничтожную величину, что имѣть какое бы то ни было вліяніе среди всей массы остальныхъ членовъ университета она не могла никоимъ образомъ. Владѣли университетомъ и господствовали въ немъ «ученые» остальныхъ трехъ группъ. Особенно благодарнымъ матеріаломъ для характеристики является 4-ая группа. Профессора этой группы отличались прежде всего тѣмъ, что они всегда были „осторожны“. Осторожность эта состояла въ мелкомъ и хитренькомъ, скверномъ и эгоистическомъ отношеніи рѣшительно ко всему, что только требовало хоть какой-нибудь опредѣленности въ мнѣніяхъ и поступкахъ, и рѣшительно ко всѣмъ, кто только приходилъ съ ними въ какое бы то ни было соприкосновеніе. Диктовалось это не какимъ либо страхомъ передъ опасностями,

ни какими-либо исключительными обстоятельствами и какой-либо дилеммой, трудно разрѣшимой и драматически поставленной, а просто ихъ собственной природой, добровольнымъ отреченіемъ отъ самостоятельности и достоинства. Бояться въ большинствѣ случаевъ имъ было нечего, такъ какъ это были по большей части люди, давнымъ давно выслужившіе пенсію, независимые матеріально и имѣвшіе даже собственныя средства. Они могли, наконецъ, уйти изъ университета, разъ не имѣли возможности поднять голосъ, разъ чего-либо боялись, разъ имъ приходилось переживать внутреннюю борьбу между долгомъ и внѣшними условіями его осуществленія. Но въ томъ то и дѣло, что никакой борьбы въ нихъ и не происходило. Легко и свободно они переживали всѣ „волненія“—и хитрили, льстили, фальшили, ползали и обманывали безъ всякихъ мукъ и страданій. Имъ не причиняло адскихъ пытокъ это вѣчное лицемѣріе и фарисейство, это вѣчное притворство, это вѣчное трепетное состояніе, не причиняло. ибо, имѣя матеріальныя средства, они могли избавить себя отъ этой необходимости, если только это являлось необходимымъ при основныхъ свойствахъ ихъ характера и темперамента. Лишенные всякаго идеализма, никогда не умѣвшіе летать, вѣчно застегнутые на всѣ пуговицы, черствые и грубые внутренне, они именно въ этомъ вѣчномъ лицедѣйствіи, въ этомъ вѣчномъ притворствѣ и находили отраду жизни, поэзію своего жалкаго прозябанія. Ихъ прельщала лишь поза, имъ хотѣлось лишь казаться, а потому безъ всякаго рѣшительно труда, даже безсознательно поминутно мѣняли свои перья въ зависимости отъ среды, въ которую въ данный моментъ попадали, и въ зависимости отъ лицъ, съ которыми въ данный моментъ соприкасались. Поэтому у нихъ нерѣдко были наивные вѣрившіе имъ друзья рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества. „Мягкій, либеральный и благоразумный человѣкъ“—говорятъ объ нихъ среди петербургскихъ либераловъ, изъ своего прекраснаго далека не видящихъ всей омерзительности обмана и хитрости, которыми ихъ одурманиваютъ эти господа. „Вотъ достойный кандидатъ на кафедру въ лицѣ“ (освободившуюся послѣ демонстративнаго ухода профессора, не сумѣвшаго примириться съ черносотенствомъ),—говорятъ объ нихъ въ то же время въ официальныхъ кругахъ. «Пріятный и благоразумный человѣкъ»,—толкуютъ объ нихъ въ «Русскомъ Собраніи» прокуроры и жандармы. Словомъ, сумѣли всѣмъ угодить, всѣхъ провести и одурачить. И это нисколько не удивительно. Для этого вовсе не требуется ни макіювеллизма, ни какого-либо особеннаго ума, ни какой-либо заранѣе про-

думанной и выработанной программы, Для этого надо только быть свободнымъ рѣшительно отъ всякихъ принциповъ и не чувствовать въ душѣ своей никакой рѣшительно потребности въ принципиальности, въ идейности. Но для этого надо быть и очень осторожнымъ. Надо нигдѣ и никогда не проявить себя вполне опредѣленнымъ образомъ. Надо всегда умѣть мягкими и едва замѣтными оговорками очистить себѣ путь къ отступленію. Надо умѣть всегда во время скрыться, уйти отъ глазъ людей, заболѣть, уѣхать, быть пораженнымъ параличомъ—всякій разъ, какъ приходится сказать: «да или нѣтъ», всякій разъ, какъ Сцилла и Харибда требуетъ вполне яснаго и всѣмъ слышнаго, громкаго признанія той или другой. Надо, наконецъ, умѣть быть «мягкимъ», услужливымъ, вѣжливымъ, «культурнымъ», надо умѣть всѣмъ понравиться этою внѣшнею «культурностью» и особенно дамамъ, этимъ созидательницамъ «общественнаго мнѣнія». Типичнымъ представителемъ этого сорта ученыхъ людей являлся въ Варшавскомъ университетѣ особенно одинъ профессоръ. Онъ именно этою внѣшнею „культурностью“ и поражалъ прежде всего, хотя какъ-то нервами чувствовалась фальшь и неправда въ этой слащавой улыбкѣ, въ этихъ мягкихъ жесткахъ и въ этомъ трусливомъ миганіи глазъ. Первое время обыкновенно люди, знакомившіеся съ нимъ, шли на эту удочку и очень охотно вели съ нимъ знакомство. Но, познакомившись съ нимъ поближе, вдругъ открывали въ этой „культурной“ фигурѣ такую внутреннюю грубость, такой жестокой эгоизмъ, такую массу фальши, что невольно, закрывши глаза, бѣжали отъ него навсегда, удивляясь своей близорукости и своему довѣрію къ этому ходячему маскараду и лицемѣрію. Вотъ нѣсколько конкретныхъ чертъ, характеризующихъ этого рода людей. Министръ Боголѣповъ, какъ извѣстно, предпринялъ въ свое время поѣздку во всѣ университетскіе города. Посѣтилъ онъ и Варшавскій Университетъ. Профессора заволновались точь въ точь такъ, какъ волновались, ожидая „начальство“, чиновники въ „Ревизорѣ“ Гоголя. Ректоръ Зенгеръ такъ и бѣгалъ за министромъ, извиваясь всѣмъ тѣломъ, съ благоговѣніемъ взирая на спину своего «владыки» или съ руками по швамъ наклонивъ голову почтительно и жадно глотая слова, слетавшія съ божественныхъ устъ начальства. Воинственные патріоты облеклись въ мундиры, разукрасились крестами и медалями и усердно откашливались, ожидая «самого», готовые каждый моментъ заорать: «здравія желаемъ, Ваш-ство! Рады стараться! Такъ точно!» Молчалины попрятались по угламъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, умирая отъ страха выглядывали оттуда, какъ мыши, поджавшія хвостъ,

и, сморчивши свои лица, еле-еле дышали и еле-еле держались на дрожащихъ ногахъ, когда къ нимъ подходилъ этотъ высокій и страшный человѣкъ, этотъ грозный полубогъ ихъ. Когда же министръ пожелалъ посѣтить лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ, то произошло настоящее столпотвореніе. Патриоты стали зубрить свою лекцію, чтобы сразу выпалить ее безъ передышки, дабы не ударить лицомъ въ грязь передъ министромъ. Друкіе рѣшили прочитать уже прочитанную лекцію, лишь бы не особенно терзать себя. Третьи, наконецъ провели на пролетъ ночь, торопясь сочинить къ слѣдующему дню лекцію, чтобы прочитать ее и не смутиться передъ лицомъ грознаго начальства. Пишущему эти строки пришлось быть на лекціи профессора NN, когда Боголѣповъ сталъ обходить аудиторіи профессоровъ. Нашъ профессоръ явился въ аудиторію еще до звонка. На шеѣ у него висѣлъ орденъ, на груди висѣли какіе-то значки, самъ онъ былъ прилизанный, какъ то особенно усердно причесанный и вообще торжественный. Онъ весь дрожалъ. Отъ волненія онъ не могъ сидѣть и, противъ обыкновенія, бѣгалъ по аудиторіи, долго ничего не говоря. Наконецъ, онъ подошелъ къ студентамъ и сталъ развертывать карту Пруссіи. Руки отказывались служить ему, и студенты, конфузясь за малодушіе профессора, должны были помочь ему. Надо было объяснить студентамъ, что эта карта должна значить, но профессоръ не могъ произнести ни слова. Онъ съ величайшимъ волненіемъ ожидалъ, когда же наконецъ войдетъ министръ. Было во всемъ этомъ что то настолько жалкое настолько позорное, что свидѣтелю этого трепетнаго умиранія человѣка науки, не выносящаго лицезрѣнія „начальства“, становилось и стыдно и гадко. Наконецъ, двери въ аудиторію распахнулись, и министръ вошелъ въ сопровожденіи какихъ-то чиновниковъ, ректора и еще кого-то изъ профессоровъ университета. Нашъ профессоръ поблѣднѣлъ какъ полотно и вдругъ окаменѣлъ въ позѣ трепетнаго и почтительнаго ожиданія министерскаго рукопожатія. По приглашенію министра онъ наконецъ кое-какъ взлѣзъ на каѳедру, сѣлъ на стулъ, вынулъ изъ бокового кармана тетрадочку и сталъ читать заранѣе приготовленную лекцію, никакой связи ни съ предшествующимъ ни съ послѣдующимъ содержаніемъ курса не имѣвшую. На министра онъ поминутно бросалъ испуганные взгляды, онъ читалъ для министра, дрожь голоса была какъ бы молитвой о милосердіи, обращенной къ министру, трепещущія руки изображали жестъ смиренія и покорнаго преклоненія передъ высшимъ духомъ начальства. На каменномъ лицѣ министра играла какая-то едва уловимая улыбка. Наконецъ, подняв-

шись и бросивъ на профессора вскочившаго со своего мѣста и вытянувшася въожиданіи милостиваго вниманія, быстрый взглядъ, едва ли не изобразившій презрѣніе, министръ вышелъ изъ аудиторіи. Когда министръ уѣхалъ изъ университета и профессора вздохнули свободнѣе, нашъ профессоръ NN вдругъ ободрился, сталъ всѣмъ и каждому улыбаться и, по-видимому, все-таки все еще сильно волновался. Вдругъ къ одному изъ нашихъ товарищей является педель и передаетъ отъ имени профессора приглашеніе притти къ нему въ профессорскую комнату. Приглашенный пошелъ. Профессоръ былъ въ профессорской совершенно одинъ и въ сильномъ волненіи ходилъ изъ угла въ уголъ, вѣрнѣе—бѣгалъ. Едва только студентъ перешагнулъ порогъ, какъ профессоръ бросился къ нему навстрѣчу и, противъ своего обыкновенія, сталъ жать ему руку. „Я... я... хочу поговорить съ вами... Вотъ вы интересовались книжкой (такой-то)... Э-э... вы вообще работающій человѣкъ... да... да... А знаете ли я вамъ... да... я дамъ вамъ книжку... Ну, какъ же дѣла ваши?“ — „Такъ себѣ.“ — „Но, впрочемъ... что дѣла!.. вы способный молодой человѣкъ... работающій... вотъ я намѣренъ дать на медаль тему... такъ пишите... книги?... пожалуйста, книги я постараюсь дать вамъ.“ — „Очень благодаренъ“. — „Что же благодарить... хе-хе-хе... вѣдь хе-хе хе, мы какъ бы друзья... Да... охъ, усталъ, знаете-ли... трудная была лекція... хотѣлось спеціальнѣе и поновѣе-сь... Впрочемъ, меня больше—хе, хе, хе—считаютъ спеціалистомъ по исторіи реформаціи... говорятъ, будто я лучшій въ Россіи знатокъ... Да-а-а... Ну, а какъ министръ?.. Что? вы слѣдили за нимъ, когда я читалъ лекцію?.. Онъ какъ будто чего-то хмурился—не замѣтили ли вы? А потомъ какое впечатлѣніе отъ лекціи а?.. А когда министръ уходилъ?.. Онъ какъ будто какъ-то холоденъ былъ? Видѣли, какъ онъ руку протянулъ—а? Не показалось ли вамъ что-то такое? Онъ что-то какъ будто сказалъ?“ И профессоръ впивался глазами въ студента, совершенно оторопѣвшаго отъ этихъ странныхъ вопросовъ; профессоръ почти умолялъ своими взглядами и голосъ былъ такой ласковый, вкрадчивый, дружескій, мягкій, онъ почти пѣлъ... Онъ продолжалъ: „Министръ страшно высокій!.. Лекція моя едва ли была ему доступна... Но когда онъ сидѣлъ, онъ все смотрѣлъ на меня, да? А кто тамъ еще былъ съ нимъ? Кажется, былъ и ректоръ! Мы съ нимъ вѣдь враги... Знаете ли, когда читаешь лекцію, то вѣдь никого не замѣчаешь... И еще кто то былъ? Министръ что-то спрашивалъ студентовъ... Э-э-хъ, взболтнули что-то не впадѣть... Да... А хорошо, что вы вотъ такъ работаете... Хорошо... Зо-

лотая медаль... Знаете ли, пишите вы на золотую медаль... А тамъ что же? при вашихъ способностяхъ можно и дальше... хе-хе-хе, — ну до свиданія... Заходите, пожалуйста, какъ-нибудь вечеркомъ... до-свиданія... до-свиданія"... И онъ жалъ бѣдному студенту, совершенно растерявшемуся передъ этимъ взрывомъ профессорскаго малодушія, руку и онъ улыбался, приглашалъ, ласкалъ своими взорами, и въ глазахъ его было столько мольбы и страха и тоски и — счастья, какъ это ни странно! Но спустя нѣсколько недѣль, когда все уже успокоилось и въ профессорской средѣ стали уже слагаться легенды о пришествіи духа начальства, профессоръ нашъ притворялся, что какъ будто ничего такъ-таки и не было и былъ по прежнему и холоденъ, и гордъ, и авторитетенъ и даже къ тому студенту, къ которому прибѣгнулъ въ горькую минуту жизни какъ къ повѣренному своихъ страховъ и своего отчаяннаго малодушія, даже къ тому студенту относился теперь уже свысока вѣжливо, забывъ о „книжкѣ“ и о „книгахъ“, вообще теперь уже онъ былъ только всего „ученый“ и „жрецъ“, не интересовавшійся земною суетой и мелочами жизни. — Любопытенъ еще одинъ случай съ тѣмъ же профессоромъ. Въ министерство Ванновскаго были образованы при университетахъ особыя комиссіи, которыя должны были высказаться по различнымъ вопросамъ, касавшихся высшихъ учебныхъ заведеній вообще. Въ такую комиссію при Варшавскомъ Университетѣ попалъ и нашъ профессоръ. Однажды лѣтомъ, когда въ Петербургѣ никого изъ профессоровъ и вообще знакомыхъ нашего ученаго не бываетъ, вдругъ профессоръ исчезаетъ изъ Варшавы подъ предлогомъ не то мать свою посѣтить въ Кіевѣ, не то какія-то дѣла рѣшить гдѣ-то, — только совершенно въ сторонѣ отъ Петербурга. И вотъ какъ-разъ въ это время одно изъ лицъ, не имѣющихъ никакихъ дѣловыхъ связей съ университетомъ, но хорошо всѣхъ его представителей знавшихъ. ѣдетъ въ Петербургъ и по дѣлу заходитъ въ Министерство просвѣщенія. Здѣсь въ пріемной министра онъ и видитъ... варшавскаго профессора въ мундирѣ, въ орденахъ и значкахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Профессора едва не постигъ ударъ: этого онъ не ожидалъ, этого предугадать онъ не могъ. Что же дѣлать? Моментально оправившись, сложивши свои уста въ любезную и „мягкую“ улыбку, онъ подлетаетъ къ неожиданному свидѣтелю своего посѣщенія министерской пріемной и сообщаетъ ему, что онъ пріѣхалъ по порученію университетской комиссіи по дѣлу, касающемуся университетскаго вопроса. Отвѣтъ вполнѣ удовлетворительный. Но пужно же было случиться несчастью: „свидѣтель“,

вернувшись въ Варшаву, встрѣтился съ однимъ профессоромъ юристомъ, членомъ той же университетской комиссіи, и сообщилъ ему, что онъ въ Петербургѣ видѣлъ въ министерствѣ делегата комиссіи. „Какого делегата? Откуда делегатъ? Никто никакого делегата не посылалъ! Это какая то выдумка! Это что то невѣроятное! А что если этотъ господинъ дѣйствительно явился къ министру въ качествѣ делегата“?! „Свидѣтель“ хохочетъ, а возмущенный неожиданнымъ сообщеніемъ профессоръ негодуетъ, не жалѣя для «делегата» никакихъ эпитетовъ. Но, кажется, вся эта загадка нашла свое разрѣшеніе въ томъ, что «делегатъ» скоро былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. По крайней мѣрѣ, его счастью по этому поводу не было конца, и онъ совершенно искренно благодарилъ, когда его поздравляли съ этимъ люди, которые въ этомъ-то и видятъ «не шутку». Пикантность всей этой любопытной исторіи заключалась въ томъ, что «делегатъ» обыкновенно въ средѣ людей, соотвѣтствующимъ образомъ настроенныхъ, съ величайшимъ ученымъ равнодушіемъ говорилъ о чинахъ и орденахъ и нерѣдко съ улыбкой высшаго существа рассказывалъ о другихъ своихъ коллегахъ, ѣздившихъ на поклонъ къ министрамъ, искавшихъ знакомства съ разными высокопоставленными лицами и т. п. Дни общественнаго возбужденія, охватившаго всю Россію, заставили этого типичнѣйшаго «человѣка въ футлярѣ», обнаружить и другія черты своего облика. Рабское настроеніе этого человѣка, вытекавшее изъ какихъ то совершенно платоническихъ движеній его сердца, было всѣмъ, наблюдавшимъ его вблизи, извѣстно и раньше. Для всѣхъ, знавшихъ его болѣе или менѣе близко, было и до этого совершенно ясно, что, обладая средствами и независимымъ положеніемъ, онъ тѣмъ не менѣе не только никогда не рѣшится на какой бы то ни было опредѣленный хотя бы и самый невинный и законный шагъ, но и просто высказаться, просто проявить открыто болѣе или менѣе опредѣленнымъ образомъ свои симпатіи и антипатіи не рискнетъ. Въ тѣ же дни, когда обликъ каждаго человѣка долженъ былъ обрисоваться вполне отчетливыми контурами независимо отъ воли и желанія его, нашъ «человѣкъ въ футлярѣ» обнаружился вдругъ весь—и только слѣпые или притворявшіеся слѣпыми не хотѣли видѣть въ немъ то, что онъ въ дѣйствительности представлялъ собою. Прежде всего нашъ ученый мужъ постарался заболѣть и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нужно было сказать: «да или нѣтъ». По болѣзни онъ не могъ дать своей подписи подъ извѣстнымъ коллективнымъ заявленіемъ профессоровъ русскихъ университетовъ, въ то время напечатаннымъ во всѣхъ почти газе-

тахъ. Но по болѣзни же онъ не могъ и высказаться противъ этого акта, если кто либо полагалъ, что отъ него этого слѣдуетъ ждать. По болѣзни онъ не могъ своевременно заявить о своемъ желаніи примкнуть къ возникшему тогда академическому союзу, онъ по болѣзни не могъ примкнуть къ людямъ, среди которыхъ было много нуждающихся, вполне матеріально зависимыхъ отъ казны ученыхъ, онъ какъ разъ матеріально - то именно вполне обеспеченный человекъ! По болѣзни онъ забылъ затѣмъ и о существованіи этого академическаго союза впоследствии, послѣ своего выздоровленія. По болѣзни своей онъ не могъ и высказаться объ этомъ союзѣ такъ или иначе своевременно, когда этимъ еще интересовались, а потомъ и онъ и другіе совершенно забыли даже интересоваться,—стало быть, и высказываться не приходилось. Но бываютъ моменты, когда жизнь врывается даже въ комнату больного человека. Такъ случилось и съ нашимъ больнымъ профессоромъ. Собирались подписи подъ какимъ то заявленіемъ,—не помню, какимъ именно. Говорятъ, что за подписью явились и къ больному профессору. Профессоръ былъ и смущенъ, и огорченъ, и растерянъ, и любезенъ, и «счастливъ».—«Чѣмъ могу служить?»—«Вотъ необходима подпись,—не подпишитесь ли?»—«Но я не могу подписать! Такое несчастье! Совсѣмъ расхворался!»—«Но всего только черкнуть карандашомъ!»—«Не могу: рука совсѣмъ вотъ не дѣйствуетъ! Ужасно! Какое несчастье!... Впрочемъ, я очень, очень знаете ли, сочувствую,—охъ, рука!»—«Позвольте въ такомъ случаѣ подписать за васъ!»—«Помилуйте, что вы? Какъ же за меня!..» Профессоръ даже обидѣлся. Говорятъ, просившій подписи, въ первый разъ видѣвшій профессора, клялся потомъ, что такой дрожъ въ рукахъ, такого страха въ глазахъ, такой мучительной борьбы вообще изъ-за чего бы то ни было онъ никогда въ жизни не встрѣчалъ. Такой же случай повторился еще разъ, не смотря на всѣ усилія профессора избѣгать подобнаго рода трагическихъ моментовъ. Въ университетѣ, когда уже онъ былъ закрытъ, возникъ какой-то въ настоящее время забытый мною вопросъ, разбившій профессоровъ на нѣсколько лагерей. Прогрессивное меньшинство хотѣло рѣшить его въ смыслѣ, не угодномъ начальству. Такъ какъ ничего ни особеннаго радикальнаго ни опаснаго такое рѣшеніе его не заключало бы въ себѣ, то одинъ изъ этого прогрессивнаго меньшинства рѣшилъ, что, быть можетъ, можно на этотъ разъ хоть отчасти склонить на свою сторону и нашего профессора. По этому поводу между ними и произошелъ такой діалогъ.—«Необходимо дать такой-то отвѣтъ по такимъ-то причинамъ».—

«Но, знаете ли, не все-ли равно: ничего не выйдетъ».—«Позвольте, высказаться вѣдь мы же должны такъ или иначе».—«Э, оставьте, на этихъ господъ ничѣмъ не повліяешь!»—«Стало быть, вы все-таки высказываетесь противъ нихъ!»—«То есть, какъ сказать? Ну, да, но все-таки дѣло не стоитъ затѣвать!»—«Но дѣло затѣяно не нами и его не замолчишь!»—«Да, да, конечно, но можетъ быть, и они то по своему правы!»—«По своему, конечно,—но по своему правы и мы, и надо, значить, выбирать».—«Да, но... знаете ли,—вотъ я сейчасъ прочелъ... ахъ, да...» и т. д. и т. д. Такъ-таки ни одного хоть сколько-нибудь опредѣленнаго звука извлечь изъ него не удалось.

Нельзя однако сказать, чтобы профессора 4 ой группы, отличительныя свойства которыхъ только-что были охарактеризованы, не были тѣмъ не менѣе вредны и не дѣйствовали такъ или иначе самыми опредѣленными образомъ, если только можно было спрятаться за чьею-либо спиною. Достаточно сказать, что всѣ они были самыми нетерпимыми ненавистниками поляковъ и «жидовъ» Скрывая эти чувства отъ поляковъ и евреевъ, даже, напротивъ, говоря имъ о своихъ симпатіяхъ и нерѣдко эксплуатируя такимъ образомъ довѣріе ихъ, они отъ другихъ и не думали прятать этихъ чувствъ, совершенно откровенно заявляя: «я не настолько уже молодъ, чтобы уважать поляковъ», «я не выношу жидовскаго ничего». Эта черта—полнофобство и юдофобство—и объединяло ихъ со всею массою другихъ профессоровъ Варшавскаго Университета, тѣмъ и замѣчательныхъ, что, являясь «учителями» и «воспитателями» польской молодежи, они однако ненавидѣли ея національность, не выносили ни «польскаго» ни «жидовскаго» ничего. Своимъ полнофобствомъ и юдофобствомъ они даже какъ бы щеголяли. Въ этомъ они видѣли какъ бы какую-то особенную «честь свою», какъ бы свою умственную и нравственную независимость. Особенно откровенностью въ этомъ смыслѣ отличался профессоръ новой всеобщей исторіи, цинично однажды признавшійся, что, когда онъ былъ въ Краковѣ и ему нуженъ былъ доступъ къ различнымъ историческимъ матеріаламъ для своей диссертациі, то онъ говорилъ польски тенденціозно, хвалилъ культуру и культурность поляковъ громко, такъ какъ этимъ онъ «одурманивалъ» ихъ и заставлялъ ихъ такимъ образомъ быть откровенными и служить его интересамъ. Гуляя по городскому саду въ Варшавѣ, онъ, какъ говорятъ, нерѣдко громко спрашивалъ своихъ собесѣдниковъ: «не слышите ли, какой тутъ жидовскій ароматъ?» Его юдофобство подало даже поводъ одному изъ профессоровъ подозрѣвать, что онъ самъ происходитъ отъ какихъ-либо Лейбовъ (по нѣкоторому созвучію въ фамиліяхъ).

Разумѣтся, такіе люди не могли не быть вредными. Вотъ, напримъ, одно изъ многихъ другихъ доказательствъ. Послѣ свѣтлыхъ и радостныхъ октябрьскихъ дней, наполнившихъ Варшаву мирнымъ и гармоничнымъ порывомъ счастья и ликования, настали вдругъ черные дни всяческихъ репрессій и гоненій. Военное положеніе было восстановлено и даже усилено. Профессора 4-ой категоріи были очень этимъ довольны, хотя ихъ это нисколько и не касалось. Но мало этого, одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей ихъ, обыкновенно съ либералами державшій себя либерально, въ «Русскомъ Собраніи», куда онъ ходилъ «всего только объѣдать», за этимъ-то объѣдомъ и высказался «такъ», «между прочимъ», что военное положеніе необходимо, что «исторія» «оправдываетъ...» Нужно замѣтить, что въ «Русскомъ Собраніи» собирается въ большинствѣ случаевъ публика, состоящая изъ жандармовъ, изъ представителей мѣстной администраціи, вообще изъ лицъ, въ рукахъ которыхъ и находятся обыкновенно вопросы и объ военномъ положеніи и о проч. аналогичныхъ вещахъ. Потомъ кое-кто и повторялъ, что даже «такой» ученый оправдывалъ военное положеніе. Еще одинъ фактъ. Когда университетъ былъ закрытъ и лишился всѣхъ своихъ не только польскихъ, но и русскихъ слушателей, то возникъ вопросъ: «что же дальше?..» Одинъ изъ «либеральныхъ» профессоровъ 4-ой группы и высказываетъ въ частной бесѣдѣ— «между нами», мысль, что необходимо перенести университетъ въ центральныя губерніи. Онъ убѣждаетъ своего собесѣдника, онъ стыдитъ его, и тотъ—человѣкъ болѣе прямой и экспансивный—на совѣтѣ громко предлагаетъ отъ своего имени этотъ планъ розоренія университета, принадлежащаго мѣстному обществу. Авторъ же этого плана скрылся, исчезъ, потирая руки, и потомъ съ удивленіемъ выслушивалъ, когда ему рассказывали о предложеніи, сдѣланномъ профессоромъ иксъ. Онъ, положимъ, находилъ, что, конечно, разъ поляки бойкотируютъ университетъ, то что же дѣлать? но все-таки— и проч. Да, эти люди могли быть вредными и причиняли нерѣдко большой вредъ и отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ общественнымъ организаціямъ и даже цѣлому народу, но всегда при этомъ умѣли однако быть какъ-то подъ землею, въ сторонѣ, ни при чемъ, всегда умѣли сохранить и связи съ тѣми самыми людьми, которымъ они вредили, и нерѣдко совершенно незаслуженную репутацію людей, единственный недостатокъ которыхъ одна только трусость.

О второй (вмѣстѣ съ третьей) группѣ слѣдуетъ сказать лишь, что они были и полонофобами и юдофобами и истинно-русскими патриотами, были, словомъ, тѣмъ, чѣмъ и является

ихъ краса и цвѣтъ — проф. Созоновичъ, достаточно прославившій и себя и свой университетъ своими выступленіями въ Государственной Думѣ. Но въ тоже время нельзя не подчеркнуть, что если у профессоровъ 4 ой группы есть друзья среди петербургскихъ кадетовъ, если имъ пожимаютъ руку нерѣдко очень почтенные люди, а у этихъ Созоновичей нѣтъ „либеральныхъ“ друзей и имъ стыдятся пожимать руку эти почтенные люди, то тѣмъ не менѣе по своему нравственному уровню гг. Созоновичи все-таки выше трусливыхъ и лицемерныхъ хамелеоновъ. Гг. Созоновичи все-таки никого такъ откровенно не обманываютъ, дѣйствуетъ такъ или иначе все-таки прямо и открыто, а тѣ вѣчно мѣняютъ свою окраску, вѣчно приспособляются, лгутъ и извиваются. Если гг. Созоновичи что-либо дѣлаютъ, то дѣлаютъ все-таки громко—и черносотенныя колѣнца выкидываютъ они при свѣтѣ дня Божьяго, и торговлей масла занимаются, несмотря на свое профессорское званіе, открыто,— и нелѣпныя телеграммы пишутъ въ честь депутата отъ русскаго населенія горъ Варшавы, не краснѣя и не стыдясь и многое другое продѣлываютъ съ шумомъ и гамомъ, смѣша народъ и не боясь высѣчь себя.

Итакъ, вотъ каковы были тѣ люди, которые должны были представлять въ Варшавѣ русскую культуру. Въ большинствѣ случаевъ ученые весьма не высокой пробы, никуда не годные преподаватели, лѣнныя и ничего не дѣлающіе профессора, они были къ тому же и люди или совершенно безпринципные или ярко тенденціозные, проникнутые всѣми тѣми чувствами и стремленіями, которыя не совмѣстимы съ культурой, съ просвѣщеніемъ, съ наукой, съ ролью просвѣтителей и учителей. Если на другихъ факультетахъ (напр. медицинскомъ и др.) встрѣчались солидные руководители и ученые, то это все-таки не могло сообщить университету характера культурнаго учрежденія, такъ какъ именно эти руководители и бывали въ большинствѣ случаевъ самыми страстными проводниками той политики университета, о которой говорилось выше. Могли ли поляки уважать этихъ людей? Имѣемъ ли мы право упрекать ихъ, что они не оцѣнили русской культуры, упразднивъ Варшавскій Университетъ? Могла ли ихъ рука не подняться легко, безъ размышленія и безъ сомнѣнія, на университетъ, въ которомъ они видѣли такихъ представителей „русской культуры?“ Какая сила могла ихъ приковать къ университету? Чѣмъ могъ университетъ воспламенить въ ихъ сердцахъ уваженіе къ русской культурѣ? Пользовался ли этотъ университетъ уваженіемъ истинныхъ представителей русской культуры? Не избѣгалъ ли онъ ихъ? Не создавалъ ли

онъ для нихъ невозможныя условія существованія и работы, если случайно они даже попадали въ среду его представителей? Но—скажутъ—развѣ не то же самое мы видѣли и въ другихъ русскихъ провинціальныхъ университетахъ въ той или иной степени? Развѣ—спросятъ—нѣтъ невѣжественныхъ и въ общественномъ и политическомъ смыслѣ безличныхъ и рабски настроенныхъ или прямо-таки черносотенныхъ людей даже въ столичныхъ университетахъ? Но что же изъ этого? Развѣ изъ этого слѣдуетъ, что поэтому-то именно поляки и должны примириться съ Варшавскимъ Университетомъ, что они должны поэтому именно становиться на колѣна передъ Созоновичами, передъ учеными и „русскими“ „патріотами“ изъ Варшавскаго Университета? Развѣ изъ этого слѣдуетъ, что они именно поэтому не должны возмущаться, не должны со всею страстностью любви къ своей народной самобытности, гонимой и терзаемой, мечтать о польскомъ университетѣ, о томъ днѣ, когда польское научное слово свободно и громко раздастся съ университетской кафедры въ Варшавѣ? Но зачѣмъ говорить все-таки о недостаткахъ одного только Варшавскаго университета? Я думаю, что недостатки характеризующіе и другіе университеты, выступаютъ и вырисовываются особенно ярко и выпукло на фонѣ чужой культуры и чужихъ національныхъ отношеній. Особеннымъ положеніемъ Варшавскаго Университета и объясняется то, что тенденціи и пороки, находящіеся въ скрытомъ видѣ въ другихъ университетахъ, тутъ вскрываются и проявляются совершенно ясно и опредѣленно. Чуждая національная и культурная среда, такъ сказать, проявляетъ тотъ общій духъ, то общее начало, которое уродуетъ наши высшія учебныя заведенія, которое вноситъ въ нихъ элементы смерти и гніенія. Въ Варшавѣ это начало проявляется бурно и страстно, не сдерживаемое ничѣмъ, ибо всецѣликомъ окрашивается въ специфическій цвѣтъ борьбы съ „иноплемениками“, освящается какъ бы общенациональной цѣлью, какъ бы народною гордостью и любовью къ отечеству. Направляя всю силу своего вліянія, всю страсть своего порыва на эту чисто „патріотическую“ цѣль, оно, это начало, и обнажаетъ свою настоящую сущность. Что это за начало? Система официальной народности, система опеки науки, система полного подавленія свободного развитія ея, система, привносящая въ стѣны учебныхъ заведеній политику вмѣстѣ съ отрицаніемъ всякой иной политики, не согласной съ духомъ официальной идеологіи. Результаты и сущность этой политики мы всѣ знаемъ и переживаемъ, и намъ нетрудно понять, что польское общество должно вдвойнѣ мучительнѣе пере-

живать ее, что оно должно относиться съ большею нетерпимостью, съ большимъ негодованіемъ къ ней, чѣмъ мы. Нетрудно поэтому понять, что къ Варшавскому Университету они и не могли отнести съ чувствомъ боли и сожалѣнія, когда сжигали его навсегда и навсегда порывали всѣ связи съ нимъ, какъ таковымъ.

VI.

Какъ быть?

Изъ всего сказаннаго выше далеко не слѣдуетъ, что Варшавскій Университетъ былъ бы пощаженъ польскимъ обществомъ, если бы онъ находился въ рукахъ большинства первоклассныхъ и прогрессивныхъ научныхъ силъ. Опустѣлъ Варшавскій университетъ не потому, что онъ не удовлетворяетъ ни требованіямъ научной постановки дѣла, ни требованіямъ общественнаго прогресса, а потому, что насталъ моментъ, когда польское общество, охваченное національнымъ возбужденіемъ, могло поднять свой голосъ и открыто потребовать вниманія къ своимъ правамъ на культурное самоопредѣленіе и на свободное развитіе своихъ общественныхъ и культурныхъ силъ. То, что Варшавскій университетъ представлялъ собою печальное зрѣлище полной культурной, общественной и научной протраціи, то только психологически облегчило польскому обществу поднять свою руку, то было лишь аргументомъ, на который могъ опереться протестъ польскаго общества противъ руссификаціи, то было какъ бы оправданіемъ политической и національной оппозиціи, оправданіемъ отъ имени науки и общечеловѣческой культуры. Но если бы университетъ представлялъ собою даже образецъ научной, широкой и свободной, прогрессивной постановки дѣла, то и въ такомъ случаѣ университетъ пересталъ бы функционировать. Подъемъ національнаго самосознанія поляковъ и въ такомъ случаѣ потребовалъ бы полонизаціи университета и, если бы имъ пришлось призадуматься, на что и на кого поднимаютъ они свою руку, то сами бы профессора, будучи людьми науки, не терпящей насилія въ области культурнаго и научнаго развитія, и людьми уважающими прогрессъ и себя, то сами бы профессора, несомнѣнно, присоединились къ справедливымъ и законнымъ требованіямъ польскаго общества, и университетъ пересталъ

бы существовать, какъ символъ торжества „русскаго“ „духа“. Но университетъ не могъ представлять собою не только образца, но и просто что-либо сносное потому, что онъ служилъ официальной системѣ, былъ и дѣтищемъ и орудіемъ ея. Эта система не можетъ дать простора новымъ общественнымъ силамъ, настоящимъ научнымъ талантамъ, не можетъ, стало быть, сдѣлать изъ университета въ Варшавѣ ничего привлекательнаго не только для польскаго, но и русскаго общества,—не можетъ въ будущемъ такъ же, какъ не могла сдѣлать этого и раньше. Цѣли этой системы ничего общаго съ отвлеченной наукой не имѣютъ; наукой, какъ таковой, развитіемъ культурныхъ силъ, какъ таковыхъ, она не интересуется,—и потому она не можетъ, не подкапываясь подъ самое себя, не отрицая самое себя, открыть въ Варшавскій Университетъ доступъ настоящему научному и культурному прогрессу, тому прогрессу, который не можетъ не разрушить этой системы, который не можетъ не подняться противъ нея и не вооружать противъ ея смертоносныхъ тенденцій все, что есть живого и свѣтлаго въ жизни и въ природѣ. Въ Царства Польскаго она, эта система, не такъ боится прогресса, не такъ боится науки и ея свѣтилъ, ея носителей, какъ тутъ, ибо въ Царства Польскаго насилие выражается не въ такой грубой, элементарной и бьющей формѣ, какъ здѣсь. Тамъ, въ Царства Польскаго, она еще допуститъ дѣятельность выдающихся ученыхъ, дастъ нѣкоторую свободу прогрессивнымъ элементамъ „республики ученыхъ“, хотя и окружитъ ихъ сѣтью всяческихъ оговорокъ, рамками циркуляровъ и какъ вѣтеръ мѣняющихся ежечасно „законовъ“, здѣсь же она не потерпитъ и этого, ибо тутъ почва „вулканическая“, ибо національное возбужденіе поляковъ создаетъ условія, которыя не могутъ тутъ не сообщить прогрессивнымъ тенденціямъ русскаго общества извѣстной остроты и активности, ибо тутъ прогрессивному русскому челювѣку постоянно, ежечасно приходится протестовать душою противъ системы, ни на минуту не перестающей „не пощадить“, гнать и „подчинять“. Но если предположить невозможное, если предположить, что официальная система, желая во чтобы то ни было сохранить за университетомъ эпитетъ „русскій“, какъ символъ „государственнаго единства“, рѣшится въ концѣ концовъ нанести полякамъ ударъ и создать въ Варшавѣ такой научный и культурный центръ который привлекалъ бы слушателей со всѣхъ концовъ Россіи, то все равно, и это бы не спасло ее отъ полнаго крушенія и банкротства: все, что есть выдающагося и блестящаго въ русской наукѣ, все то находится въ рядахъ прогрессивныхъ

элементовъ общества, и не найти среди этихъ прогрессивныхъ представителей русской интеллигенціи ни одного хоть сколько-нибудь виднаго ученаго, который согласился бы бороться въ томъ или иномъ видѣ, въ видѣ ли активнаго борца въ видѣ ли пассивнаго орудія системы, съ стремленіемъ польскаго общества къ самостоятельному культурному бытію, съ жаждой польскаго сердца услышать родное слово съ университетской кафедры, съ порывомъ его къ мирному и гармоническому, къ свободному и открытому развитію своей родной науки, родной литературы, роднаго искусства. Ибо въ данномъ случаѣ не поляки, какъ поляки, не польская культура, какъ польская, обращаетъ на себя вниманіе, а принципъ свободы, свободы въ такой тонкой, въ такой недоступной воздѣйствию грубаго кулака, въ такой требующей полнаго абсолютнаго самоопредѣленія области, какъ область національнаго культурнаго творчества. Какъ можетъ человѣкъ науки, человѣкъ, уважающій этотъ продуктъ именно свободнаго національнаго творчества, какъ можетъ человѣкъ, живущій жизнью идей, этою тончайшею сѣтью, этимъ тончайшимъ плодомъ именно свободнаго культурнаго развитія, какъ можетъ такой человѣкъ примириться съ насиліемъ надъ національнымъ языкомъ, этимъ орудіемъ культурнаго взаимодействія, этимъ орудіемъ и продуктомъ свободнаго культурнаго развитія, съ насиліемъ надъ умственными процессами, съ насиліемъ надъ источниками и силами національнаго творчества!? Официальная система находится такимъ образомъ въ заколдованномъ кругу. Остается два выхода: или упразднить совсѣмъ Варшавскій Университетъ или передать его въ руки польскаго общества со всѣми его средствами и правами. Первый выходъ, очевидное дѣло, невозможенъ даже для официальной системы: уничтожить цѣлое культурное научное учрежденіе—это было бы такимъ вондализмомъ, такимъ дикимъ проявленіемъ зоологическаго патріотическаго бѣснованія, что огъ ужаса содрогнулся бы, вѣроятно, даже г. Созоновичъ. Въ такомъ случаѣ надо перенести университетъ въ Саратовъ,—голосятъ господа варшавскіе профессора, давно уже страстно порывающіеся „показать себя“. Но кого и что перенести? Перенести университетское имущество, университетскую бібліотеку, университетскіе кабинеты невозможно, такъ какъ это было бы самымъ открытымъ грабежомъ, „экспроприаціей“, той самой „экспроприаціей“, противъ которой такъ громко протестуютъ и Пуришкевичи, и Созоновичи, и министры. Остается, стало быть, „перенести“ профессоровъ. Ну, и „переносите“ ихъ: скатертью дорога, могутъ только

сказать поляки. Но, съ другой стороны, что же изъ этого можетъ выйти? Основать новый университетъ? Если бы даже для этого нашлись средства, то едвали было бы цѣлесообразно и благоразумно создавать новый очагъ вышшаго образования для „варшавскихъ профессоровъ“. Что они сдѣлали бы съ этимъ очагомъ! Во что бы они обратили его! Изгнанные изъ Варшавы, за все время существованія русскаго университета въ Варшавѣ ничего не сдѣлавшіе, ничѣмъ не приковавшіе къ себѣ вниманіе ни польскаго ни русскаго общества, опозорившіе себя служеніемъ официальной системѣ, не оправдавшіе надеждъ даже этой официальной системы, ибо они ее компрометировали, что могли бы дать они русскому обществу, чѣмъ они могли бы привлечь въ новый университетъ молодежь, не перенесли ли бы они сразу въ новое учрежденіе своихъ старыхъ привычекъ, своихъ традицій, своего равнодушія и къ наукѣ и къ прогрессу. Создавайте новые научные очаги, стройте университеты, но для русскаго общества, во имя культуры и науки, а не для специально инвалидовъ варшавскаго университета и не во имя торжества ученаго чиновничества, не сумѣвшаго быть на высотѣ даже своихъ официальныхъ задачъ. Варшавскихъ профессоровъ надо не „перенести“, а просто „распустить“: тѣхъ, кто былъ посолонднѣе, кто представлялъ собою настоящую научную цѣнность, тѣхъ возьмутъ въ другіе университеты:— тамъ въ иной средѣ будетъ обезвреженъ духъ варшавскаго университета,—а остальные, тѣ, которые могли влачить свое существованіе только въ Варшавскомъ Университетѣ, тѣ ненужны и въ новомъ университетѣ, если только ему суждено явиться на свѣтъ Божій. Но остается вопросъ: что же дѣлать съ варшавскимъ университетомъ? Достоинство науки, достоинство культуры, достоинство и Польши и Россіи требуетъ превращенія его въ научный очагъ, превращенія собранія ничего не дѣлающихъ профессоровъ и пустыхъ стѣнъ, уже третій годъ не слышавшихъ ни профессорскаго слова, ни голосовъ молодежи, въ учрежденіе—дѣйствующее, развивающее свою энергію, служащее обществу и культурѣ, требуетъ, не интересуясь такимъ вопросомъ, какъ вопросъ о „торжествѣ русскаго языка“. Но официальная система предпочитаетъ вмѣстѣ съ варшавскими „истинными патріотами“ насиловать волю цѣлаго народа и содержать совершенно даромъ цѣлый штатъ „докторовъ“ и „магистровъ“, чѣмъ дать достойный русскаго народа выходъ живымъ силамъ польской культуры, чѣмъ дать имъ свой университетъ, свой „храмъ науки“. Послѣ того, чѣмъ показала себя наука варшавскихъ профессоровъ, послѣ того настаивать далѣе на „торжествѣ русскаго

духа“ значить просто настаивать на торжествѣ некультурныхъ началъ, а грубой силы, значить совершенно открыто признавать, что не въ наукѣ и не въ русской культурѣ дѣло, а въ интересахъ тѣхъ, которыхъ представляютъ въ Государственной Думѣ г.г. Алексѣевъ и Созоновичъ, тѣхъ, которымъ и до культуры и до науки въ сущности никакого дѣла нѣтъ.

Но возникаетъ и другой вопросъ. Въ этой брошюрѣ рассказано, что собою представляла наука въ Варшавскомъ Университетѣ, и охарактеризованы его отдѣльные представители. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что точно такіе же невѣжественные, неспособные и лѣнныя профессора, точно такіе же молчалины и „натріоты“, «люди въ футлярѣ» и «рабы господина своего» встрѣчаются и въ другихъ университетахъ. Это люди понижаютъ научный уровень русскихъ университетовъ, создаютъ атмосферу, столь невыносимую для молодежи и для идейной жизни, атмосферу чиновничьяго низкопоклонства и специфической «осторожности». Достаточно, напр., припомнить, что въ одномъ изъ провинціальныхъ южныхъ университетовъ въ 20-мъ вѣкѣ одинъ профессоръ съ кафедры высказалъ во всеуслышаніе мысль, что публичное судопроизводство есть школа мошенничества и нравственнаго паденія, достаточно припомнить только это, чтобы видѣть, до чего могутъ доходить эти люди, какъ далеко могутъ простираться, благодаря имъ, силы тьмы и культурнаго одичанія. Можно ли сомнѣваться, что все это является продуктомъ общей системы, до нынѣ господствующей въ Россіи. Выходъ можетъ быть только одинъ: полная свобода преподаванія, полная свобода научной пропанды и научной работы. Но надо сознаться: нерѣдко даже прогрессивные профессора высказываются такъ или иначе противъ такой полной свободы научной и преподавательской дѣятельности; нерѣдко даже они раздѣляютъ людей науки на разныя категории не по ихъ способностямъ и не по дѣламъ ихъ, а по чисто внѣшнимъ признакамъ, связаннымъ съ учеными степенями и значками: что именно другое дѣлаютъ они, какъ не противъ свободы протестуютъ, когда, напр., проводятъ раздѣльную черту между профессоромъ и приватъ-доцентомъ, черту, которая всѣ права даетъ первымъ и оставляетъ за бортомъ послѣднихъ, которая выдвигаетъ «старшихъ» только потому, что они старшіе, хотя бы они ничего уже не дѣлали и были совершенно бесполезны, и оставляетъ въ тѣни «младшихъ» только потому, что они младшіе, хотя бы они были люди талантливые, популярныя и полныя энергіи и научнаго пыла? Необходима не только внѣшняя свобода, но и внутренняя, внутренняя въ смыслѣ отсутствія тѣхъ

психологическихъ воспитанныхъ въ атмосферѣ повседневной житейской борьбы предпосылокъ, которые вносятъ въ среду людей науки страсть къ рангу, духъ іерархіи, генеральства и чисто внѣшней конкуренціи. Но все все-таки сводится въ концѣ концовъ къ системѣ, къ ней одной: она не даетъ возможности развернуться всѣмъ силамъ русской интеллигенціи, она создаетъ ночь, подъ покровомъ которой и благодушествуетъ ничтожество, гордо держитъ голову гаситель свѣта, громко подымаетъ „патріотъ“ свой голосъ во имя науки, которую онъ то именно и терзаетъ и держитъ въ тискахъ.

Брошюра эта была задумана давно, еще тогда, когда, только-что подымалось движеніе, приведшее къ закрытію Варшавскаго Университета. Покойный редакторъ журнала „Міръ Божій“ А. И. Богдановичъ тогда же далъ согласіе напечатать ее въ видѣ статьи въ ближайшихъ номерахъ своего органа; статья должна была появиться въ началѣ нынѣшняго года. Къ сожалѣнію, разныя обстоятельства помѣшали автору привести свое намѣреніе въ исполненіе своевременно, и онъ только въ самое послѣднее время могъ взяться за эту задачу. Статья однако разрослась въ брошюру и поэтому пришлось издать ее отдѣльной книжкой.—Авторъ чувствуетъ, что его могутъ упрекнуть въ слишкомъ подробной характеристикѣ варшавскихъ ученыхъ «дѣятелей», которые сами по себѣ не заслуживаютъ такого вниманія. Оправданіемъ для него является то, что онъ самъ пережилъ и недавно нережилъ всю тяжесть атмосферы, созданной въ Варшавѣ этими профессорами, и что, благодаря этимъ именно профессорамъ, страдала молодежь многомилліоннаго народа и продолжаетъ страдать. Нельзя было не говорить подробно о людяхъ, которые пришли къ полякамъ и отъ имени русскаго народа и русской культуры распространяли тутъ свой духъ, духъ, охарактеризованный выше. Нельзя было не показать подробно и ихъ научной и ихъ общественно-политической физиономіи,—тѣмъ болѣе, что они—продуктъ системы, господствующей и въ другихъ университетахъ. Цѣлью автора являлось путемъ подробной характеристики Варшавскаго Университета, не только выяснить мотивы, почему поляки отвернулись отъ русскаго университета, но и показать на данномъ конкретномъ примѣрѣ, въ какомъ печальномъ положеніи вообще находится высшая школа въ Россіи. Кромѣ того, своей брошюрой авторъ хотѣлъ бы сказать польскому обществу: не судите по варшавскимъ профессорамъ о русской интел-

лигенціи, о русской культурѣ, о русской наукѣ и литературѣ; я—русскій, но не боюсь я тѣмъ не менѣе дать вамъ поводъ посмѣяться надъ русскими профессорами въ Варшавѣ, такъ какъ они не представляютъ русской интеллигенціи и русской научной и общественной мысли: дорожа ею, любя ее, преклоняясь передъ нею, я не стыжусь и не боюсь говорить объ уродахъ въ семьѣ русскаго народа, ибо не въ нихъ наша національная гордость и не ими поддерживается достоинство и честь русскаго народа.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

F

23,155